

Аркадий ПОЛОНСКИЙ

ПРОГУЛКИ С ТЮТЧЕВЫМ ПО МЮНХЕНУ

ПРОГУЛКИ С ТЮТЧЕВЫМ ПО МЮНХЕНУ

ПРОГУЛКИ С ТЮТЧЕВЫМ ПО МЮНХЕНУ

МЮНХЕН
1998

Аркадий ПОЛОНСКИЙ

ПРОГУЛКИ С ТЮТЧЕВЫМ
ПО
МЮНХЕНУ

Киев
КМЦ "Поэзия"
1998

ББК 83.34 РОС 1
П 52

Настоящая книга является актом гуманитарной помощи литературно-просветительского Общества имени Ф. И. Тютчева при Центре русской культуре "MIR" в Мюнхене и издательства КМЦ "Поэзия" в Киеве. Книга издана на пожертвования почитателей творчества великого русского поэта и предназначена для безвозмездного распространения через сеть библиотек.

Аркадий Полонский

П 52 Прогулки с Тютчевым по Мюнхену. — К.:
КМЦ "Поэзия", 1998. — 188 с.: 14 ил.

ISBN 966-7116-32-8

Федор Иванович Тютчев 18-летним юношей приехал в Мюнхен для прохождения службы в российской дипломатической миссии при баварском королевстве. Более 20 лет прожил Тютчев в Баварии. О жизни поэта за рубежом рассказывает эта книга.

ББК 8334 РОС 1

На обложке: вверху Ф. И. Тютчев, фрагмент литографии художника Н. И. Калиты; внизу — Фрауенкирхе, построена в 1468—88 гг. по проекту архитектора Йорга Гангхофера (из Моосбурга), на стилизованных изображениях символизирует Мюнхен.

П $\frac{4907000000-021}{98}$ Без объявл.

ISBN 966-7116-32-8

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА[1]

Самые активные годы жизни, с 22 лет до 44, Фёдор Иванович Тютчев жил за рубежом, из них 20 лет - в Мюнхене. Это была вторая четверть XIX столетия. В Мюнхене Тютчевым было написано около 100 стихотворений. Поэтические шедевры мюнхенского периода: любовная лирика, стихи о философии бытия, о баварской природе (в том числе, хрестоматийно-известные „Люблю грозу в начале мая...“, „Зима не даром злится..“), вошли в золотой фонд русской культуры. Многое о жизни за рубежом русского поэта ещё будет проясняться. В настоящей книге на фоне ранее известных фактов сообщены новые данные, высказаны неординарные точки зрения о жизни Тютчева в Мюнхене. Поиск неизвестных сведений, иногда с детективной интригой, прозводился, главным образом, в мюнхенских архивах, библиотеках, музеях.

Настоящая работа - цикл из четырёх различных по стилю и жанру исследований.

Первая часть, повествование с подзаголовком „Тютчев живой“, рассказывает о семье русского поэта в Мюнхене, о баварских женщинах, судьбы которых были связаны с Тютчевым и Россией, о поэзии, рожденной за рубежом. Повествование состоит из введения, четырех глав (с подзаголовками: Амалия, Nelly, Клотильда, Nesti) и эпилога.

Второе иссследование, „Прогулки с Тютчевым по Мюнхену“, - путеводитель по столице Баварии в тютчевские времена, восприятие Мюнхена через тютчевскую биографию и переписку.

Главный герой статьи *„Тебе привёл я с Севера певца...“* - первый переводчик книжки стихов Тютчева на немецкий язык Генрих Ноé, современник Тютчева. Молодой Ноé знал 18 языков, жил и путешествовал среди народов, населяющих Альпы, стал классиком литературы по альпийскому краеведению.

ПОЛОНСКИЙ Аркадий Эмильевич, кандидат технических наук, кибернетик, родился в Киеве в 1930 году, живет в Мюнхене с 1993 года, публикуется в Германии, России, Украине

К картине художника Ф. Фольца „Прощание короля Отто...", экспонируемой в музее „Новая Пинакотека", Тютчев отношения не имел (хотя у некоторых тютчевоведов такие предположения были). Но Тютчев был причастен к событиям и персонажам, изображенным на картине. Рассказ-исследование „Тютчев, король Отто и персонажи картины Филиппа Фольца", повествует об этой причастности.

В процессе работы над книгой неоценимы были советы скончавшихся в 1996 году: искусствоведа мюнхенского музея „Новая Пинокатека" Лады Ростиславны Николенко (урожд. фон Воинофф, потомка семьи писателя Гончарова), и немецкого дипломата доктора Эриха Зоммера, много способствующего переводам поэзии Тютчева на немецкий язык. Автор чтит память этих замечательных людей.

Автор сердечно благодарен руководителям и сотрудникам государственных, учебных, общественных и религиозных учреждений, без активной и результативной помощи которых труд автора был бы невозможен:

- господину доктору Хайнриху Габелю, главному хранителю памятников Управлении охраны памятников Баварии;

- госпоже доктору Йоганне Габерманн, научному сотруднику отдела восточно-европейской литературы государственной библиотеки Баварии;

- госпоже доктору Верене Карнапп, директору архитектурного архива мюнхенского технического университета;

- господину доктору Рональду Лейну, профессору славистики дурхамского университета (Англия);

- господину доктору Яну Муркену, директору мюнхенского музея „Отто Греческий";

- господину доктору Людольфу Мюллеру, профессору славистики Тюбингского университета;

- господину доктору Клаусу Раку, директору дармштадского городского архива;

- господину доктору Ахиму Фуксу, директору военного архива Баварии;

- господину Гаклю, научному сотруднику архивного отдела мюнхенского городского музея;

- госпоже Татьяне Ершовой, директору Толстовской библиотеки (Мюнхен);

- госпоже Ольге Иващенко-Хенгги, сотруднику службы туризма Берна (Швейцария);

- госпоже Сабине Кнюттель, руководителю отдела мюнхенского городского архива;

- господину Константину Котсовилису, журналисту, старосте греко-православной церкви св. Сальватора (Мюнхен);

- господину Андреасу Лейпницу, инспектору-архивариусу главного государственного архива Баварии;

- госпоже Надии Халявка, научному сотруднику государственной библиотеки Баварии;

- госпоже Надежде Шпеккер-Крыловой, старосте русской православной церкви московского патриархата в Цюрихе (Швейцария);

- госпоже Ирмтрауд Штокингер, директору литературного архива „Monacensia" (Мюнхен).

Искренняя благодарность автора московскому тютчеведу кандидату филол. наук господину Александру Николаеву, доценту кафедры русского языка московского физико-технического института. Его внимательное и терпеливое прочтение проекта данной публикации способствовало внесению многих ценных замечаний и предложений, которые практически все приняты.

Автор сердечно признателен:

- кандидату филол. наук госпоже Марии Виролайнен, научному сотруднику Пушкинского дома (Петербург), и филологу госпоже Лауре Виролайнен за сделанные важные стилистические замечания;

- госпоже Татьяне Лукиной, директору центра русской культуры „MIR" в Мюнхене, за оказанную существенную организационную помощь;

- госпоже Доре Фишман, мюнхенской поэтессе, которая по просьбе автора перевела на русский язык стихотворения немецких поэтов из окружения Тютчева.

Переписка с тютчеволюбами Германии, России, Украины, Англии, Швейцарии, США оказала большую духовную поддержку, столь необходимую автору.

АВТОР

„КАК СЕРДЦУ ВЫСКАЗАТЬ СЕБЯ?..“

ТЮТЧЕВ ЖИВОЙ

„ДУША МОЯ! О, НЕ ВИНИ МЕНЯ!..“

ВВЕДЕНИЕ

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече -
Душа моя! о, не вини меня!..
Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц святозарный...
Наступит ночь - и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

Ф. Тютчев. Начало 1830-х гг.

Фёдор Иванович Тютчев (¤ 23 ноября/5 декабря 1803 года, Овстуг Орловской губернии Брянского уезда - † 15/27 июля 1873 года, Царское Село), великий русский поэт, окончил в 1821 году Московский университет со степенью кандидата словесных наук. С 1822 года по 1837 год служил в российской дипломатической миссии при Баварском королевстве в Мюнхене, позже - два года при Сардинском королевстве в Турине. С 1839 года жил в Мюнхене в качестве частного лица. В 1844 году вернулся

в Россию. Состоял на государственной службе, в основном, при Министерстве иностранных дел. Сохранилось около четырехсот стихотворений, несколько публицистических статей и тысячу триста писем. За исключением писем, всё известное творчество издано полностью. В брак вступал дважды: в 1826 году и 1839.

„*Странная вещь - судьба человеческая! Надобно же было моей судьбе вооружиться уцелевшей Остермановской рукой, чтобы закинуть меня так далеко от вас!*"- восклицал Тютчев в письме к родителям[1]. Фёдор недавно закончил с отличием Московский университет по отделению словесности. Он расстался со своим кругом друзей, начинающих литераторов. Дядя Тютчева, граф А. И. Остерман-Толстой, протежировал Фёдора Ивановича в 1822 году на дипломатическую службу в российскую миссию при дворе баварского короля в Мюнхене. Родоначальником фамилии Остерман считается пастор Иоганн-Конрад Остерманн из города Бохума в Вестфалии, сыновья которого, Иоганн и Генрих, в начале XVIII века прибыли в Россию. Генрих и его потомки стали известными российскими дипломатами. Этой давней семейной коллизии Тютчев обязан своей жизненной карьерой.

По отцовской линии семейное предание выводит родоначальника фамилии из Флоренции[2]. В российском „Родословном

---

[1] Генерал-лейтенант граф Александр Иванович Остерман-Толстой (1770-1857) был командиром 4-го пехотного корпуса. 30 августа 1813 года граф был тяжело ранен в сражении под Кульм-Ноллендорфом (недалеко от Дрездена) против наполеоновских войск. Все участники битвы получили награды прусского короля Фридриха Вильгельма III. Девиз на гербе Остерманов „Nec sol, nec frigora mutant" („Ни жар, ни холод не изменяют" лат.) См. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи / Составил граф Александр Бобринский // С-Петербург. 1890. Т. 2, с. 462.

[2] У Аксакова читаем: *"Между купеческими домами Флоренции встречается фамилия Dudgi."* См. *Аксаков И. С.* Биография Ф. И. Тютчева // М. 1996. С. 5. Косвенно это предание подтверждается другим источником: *„К новгородскому происхождению позволяем мы себе относить, во-первых, все роды "выезжих из Прус", во-вторых, большинство выезжих якобы из Литвы и* ***Италии*** *и, в-третьих, - прямо новгородских,*

сборнике" первый Тютчев, Захарий, упоминается в 1380 году в качестве посланца князя Дмитрия к хану Мамаю. Всего в родословной более 250 мужчин-Тютчевых, Фёдор Иванович - 152-й представитель своей фамилии. Тютчевы жили в европейской России и Украине. Были среди них военные, стряпчие, помещики и просто „*жильцы в начальных людях*"[3].

Фёдор Иванович Тютчев. Фотография С. Левицкого 1867 года.

переселенных в Москву и Московскую область, бояр и дворян, до конца XV века включительно. К новгородским же родам причисляем мы: ...Пушкиных, ... Тютчевых, ...". См. История родов русского дворянства. В двух книгах / Составил II. Н. Петров // С.-Петербург 1886. Кн. 1, с. 14. К фамилиям, „*существовавшим в России прежде 1600 года*", относит Тютчевых Российский родословный сборник, издаваемый князем Петром Долгоруким. Спб. 1854. С.29.

[3] *В. В. Руммель, В. В. Голубцов.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб. 1887. Т. 2, с. 539.

Иван Аксаков[4]., первый биограф Тютчева, пытался понять молодого Фёдора Ивановича на чужбине: *"Представим себе его одного, брошенного чуть не мальчиком в водоворот высшего иностранного общества, окруженного всеми соблазнами большого света, искушаемого собственными дарованиями, .., - наконец, любимого женщинами, с сердцем падким на увлечения... Как, казалось бы, этой 18-летней юности не поддаться обольщениям тщеславия, даже гордости?"*[5].

В другом тексте, в сентябрском письме 1873 года Екатерине Фёдоровне Тютчевой, Аксаков более категоричен: "...*Теперь требуется более подробная оценка его поэзии и его философско-политических убеждений, - нужен биографический очерк, но его биография - трудное дело; она богата не столько внешним, сколько внутренним содержанием, а в этом содержании главное место принадлежит той стороне его жизни, которая менее всего может быть раскрываема публике. „L'abus des affections humaines"* ("Чрезмерная склонность к сердечным привязанностям" фр.) - *выражение или, вернее, определение самого себя, так часто им повторяемое в письмах,- это характеристическая черта его жизни и нравственной физиономии, объясняющая столь многое в его стихах, в его бытии,-* ***обо всем этом должно быть умолчано***"[6]. Валерий Брюсов не согласен с Аксаковым: *"Мы привыкли к созданному Аксаковым образу; он сроднился с именем Тютчева; мы просто не можем себе представить его иным. Между тем "Биография" Аксакова - не более как "легенда о Тютчеве", красивая, увлекательная, но недостоверная"*. (Брюсов В. Я. "Легенда о Тютчеве", 1903 г.)

Свою точку зрения имел писатель Фёдор Фёдорович Тютчев (1860-1916), сын Фёдора Ивановича и Елены Александровны Денисьевой (1826-1864): *"Вскоре после смерти Ф. И. Тютчева известный славянофил Иван Сергеевич Аксаков написал*

---

[4] Аксаков Иван Сергеевич (1823-1866), писатель, был женат на старшей дочери Ф. И. Тютчева, Анне, по линии первого брака (с Элеонорой Петерсон, урожд. графиней Ботмер).

[5] *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева // М. 1886. С. 5.

[6] Тютчев в письмах и лневниках современников / Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азадовского, А. К. Осповата и В. Н. Сажина // Литературное наследство „Фёдор Иванович Тютчев" М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 430.

замечательную книгу под названием «Биография Ф. И. Тютчева» ...книга эта, как биография, страдает одним существенным недостатком: она далеко не выясняет нам характера Ф. И. Тютчева во всей его полноте... Причина, о которой я заговорил и которая, как тормоз, задержала Фёдора Ивановича на его блестящем поприще, было его какое-то особенное, даже редко встречающееся в такой степени, обожание женщин и преклонение перед ними..."[7]. Столь необычные цитированные мнения резюмируют редакторы академического двухтомного "Литературного наследства", посвященного документалистике, эпистолярию и литературоведению о Тютчеве: *„...в книгах И. С. Аксакова („Биография Ф. И. Тютчев") и К. В. Пигарева*[8] *(„Жизнь и творчество Тютчева") жизнеописание как таковое занимает сравнительно небольшое место, и целые пласты общественно-политической и личной жизни поэта в этих трудах либо отсутствуют вовсе, либо обозначены слишком пунктирно*"[9].

До сих пор отсутствует академическое издание полного собрания сочинений Тютчева, переписка поэта опубликована фрагментарно, закрыты для исследователя приватные архивы. Между тем, читая частично изданные письма Тютчева, воссоздается живой облик поэта и его близких, ощущается пульс ушедшего времени, становятся понятными многие мотивы и стимулы его творчества. Остается недостаточно изученным мюнхенский период личной жизни Фёдора Ивановича. Для Тютчева это был сложный период его внутреннего становления. Понять молодого Тютчева через призму его семейных отношений, через образы его самоотверженных спутниц: первой жены, Элеоноры, по домашнему *Nelly*, второй жены, Эрнестины, *Nesti,* красавицы Амалии, свояченицы Клотильды - могут помочь те немногие письменные свидетельства, которые пока увидели свет.

---

[7] *Тютчев Ф. Ф.* Федор Иванович Тютчев (Материалы к его биографии) // М. „Современник". 1985

[8] Пигарев Кирилл Васильевич (1911-1984), литературовед, правнук Фёдора Ивановича по линии второго брака (с Эрнестиной Дёрнберг, рожд. баронессой Пфеффель).

[9] От редакции. Литературное наследство "Федор Иванович Тютчев" // Том 97. 1988. М. Кн. 1, с. 6

Баронесса Амалия фон Крюденер (урожденная графиня фон Лерхенфельд), во втором браке графиня фон Адлерберг (1808-1888). Портрет художника Й. Штилера (1828). Мюнхен, музей Нимфенбургского дворца, галлерея красавиц.

Баронесса Эрнестина фон Дёренберг (1810-1894), урожденная баронесса фон Пфеффель, во втором браке Тютчева. Литография Г. Бодмера с портрета И. Штилера (апрель 1833 года).

Элеонора Петерсон (1800-1838), урожденная графиня фон Ботмер, во втором браке Тютчева. Миниатюра Г. Рейхмана (Мюнхен, 1825).

Баронесса Клотильда фон Мальтиц, урожденная графиня фон Ботмер (1809-1882). Дагерротип 1840-е гг.

„Я ПОМНЮ ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ...“

АМАЛИЯ

„После России это моя самая давняя любовь...“

Ф. И. Тютчев родителям 2/14 июля 1840 года

Амалия (1808-1888), внебрачная дочь графа Максимилиана Лерхенфельда (1772-1809) и княгини Терезы Турн-унд-Таксис. В 1825 году Амалия вышла в Мюнхене замуж за российского дипломата барона Александра Крюденера (1786-1852). В браке с бароном родила двоих детей. В 1855 году вступила в Петербурге во второй брак, с графом Николаем Адлербергом, генерал-губернатором Великого княжества Финляндского (1819-1892). В этом браке имела сына. После отставки графа на российской службе (в 1881 году) окончательно вернулась в Мюнхен. Похоронена в Тегернзее.

В галерее красавиц Нимфенбургского дворца в Мюнхене посетители обращают внимание на портрет молодой женщины с меховой накидкой на правом плече. В рекламном буклете сообщается, что это 20-летняя баронесса Амалия фон Крюденер, что её портрет написан в 1828 году знаменитым живописцем короля Людвига I, Йозефом Штилером.

Происхождение Амалии было загадочным и драматичным. Амалия, незаконнорожденная дочь Терезы княгини Турн-унд-Таксис (урожд. принцессы Мекленбург-Штрелиц), приходилась

кузиной российской императрице Александре, жене Николая I. Фактическим отцом Амалии был баварский дипломат Максимилиан граф Лерхенфельд (из Кёферинга). К несчастью судьбы Амалии граф скончался, когда ей был всего один год. Непосредственно после рождения она носила фамилию Штернфельд из Дармштадта, позже - Штаргард из Регенсбурга. И только с 1 августа 1823 года 15-летней Амалии разрешили именоваться графиней Лерхенфельд, но без права на герб и генеалогию[1]. Такова была цена увлечения графа Максимилиана княгиней Терезой. Плод греховной любви, Амалия, была красавицей.

С 14-летней Амалией в 1822 году познакомился молодой сверхштатный атташе российской миссии, Федор Тютчев, который в том году прибыл на дипломатическую службу из Петербурга.

Федор сблизился с братом Амалии, молодым баварским дипломатом, Максимилианом Лерхенфельдом-младшим. 19-летний Федор влюбился в Амалию. Это были нежные романтические отношения юноши и девушки-подростка Влюблённые часто встречались. Они обменялись шейными цепочками. У Амалии не было дорогих украшений. Её цепочка была простым шёлковым шнурком. Старый слуга Николай Хлопов, вырастивший Тютчева, сердился и докладывал родителям в Петербург, что Федор получил шёлк в обмен на золото...

Амалия подрастала и на неё обратил внимание первый секретарь российского представительства, барон Александр фон Крюденер. (Крюденер был переведён в Мюнхен из Цюриха.) Барон был маститым орденоносным дипломатом. Крюденер происходил из старинного рода балтийских немцев, многие из которых были издавна российскими подданными.

В числе родственников барона была Юлиана Крюденер, урожд. Витингхофф, которая известна своим влиянием на трех европейских монархов: российского Александра I, прусского Фридриха-Вильгельма III и австрийского Франца I. Утверждают, что якобы именно она убедила упомянутых царствующих особ заключить в 1815 году Священный союз. В родстве с Крюденерами состояли Врангели, Струве, Бюловы, русский художник Василий Перов[2].

---

1 Genealogisches Handbuch des Adels / Herausgeben vom Deutschen Adelsarchiv e. V.; bearbeitet unter Aufsieht des Deutscher Adelsrechtsausschusses. Gegründet 1847 in Görlitz. Band VII, S. 40 (Krüdener), S. 293 (Lerchenfeld).

2 Genealogisches Handbuch des Adels / ... Band VII, S. 40 (Krüdener).

Практичная юная графиня (без родословной) предпочла солидного барона, который был старше её на 22 года(!), нетитулованному молодому человеку. Амалия нуждалась в родовитом имени... Вероятно, по поводу осложнившихся тогда отношений с бароном слуга Тютчева, Николай Хлопов, 19 февраля 1825 года на обратной стороне иконы Божьей Матери засвидетельствовал опасность, которая грозила Фёдору Ивановичу *„от его нескромности"*. Но уже на другой день благодарение, что всё *„кончилось благополучно"*. Распознать в Тютчеве будущую гордость России Амалия не могла. Посланник Воронцов-Дашков разрешил Фёдору полугодовой отпуск и в 1825 году он уехал гостить к родителям.

В его отсутствие 17-летняя Амалия стала баронессой Крюденер. В середине февраля 1826 года Тютчев возвращается и через две недели, 5 марта, соединяет свою жизнь с вдовой Элеонорой Петерсон, урожд. графиней Ботмер.

Красота Амалии не прошла незамеченной Генрихом Гейне, который бывал в гостях у Тютчева (в 1828 году) и позже через него передавал баронессе приветы: "*Кланяйтесь* <...> *г-же déchageuse d'áffaires* (игра слов - "поверенная в делах" фр.) *Амалии фон Крюденер*".

Постоянное общество Тютчевых - семьи российской миссии, в частности, первого поверенного секретаря посольства барона Крюденера. Федор встречается с Амалией, но теперь уже семьями. К тому же Тютчевы и Крюденеры почти соседи: Тютчевы жили тогда на Каролиненплац 1, а Крюденеры - на Бриеннерштрассе 15[3].

Принц Карл, брат короля Людвига, и сам король, по поручению которого Й. Штилер написал упомянутый выше портрет, были очарованы красавицей Амалией.

Частая близость Амалии продолжала волновать Тютчева.

По мнению многих тютчеведов, в мюнхенский период поэт посвятил замужней Амалии стих-воспоминание, лирический гимн быстротечности счастья и бытия, который, по словам Некрасова, "*принадлежит к лучшими произведениям г. Т-ва* (крип-

[3] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch den Königlich-bayerischen Haupt- und Residenz-Stadt München, 1835. S. 26.

тоним Тютчева в публикациях журнала „Современник“), *да и вообще всей русской поэзии*“[4]:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,-

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свивал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Утверждением в музыке „*поэзии жизни и любви*“ звучит известный романс М. С. Вайнберга „Я помню время золотое“.

Роль Амалии в дальнейшей судьбе Тютчева чрезвычайно велика. В апреле 1836 года барон Крюденер получил повышение и отправился в Россию, Амалия привезла в Петербург пакет от Тютчева. В пакете было около ста стихотворений. Кому писал Тютчев стихи о баварской природе, о смысле жизни, о бесконечности мироздания и души?

---

[4] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем // М. 1950. Т. 9, с. 212.

Тютчев не стремился к известности, не подписывал свои стихи, не заботился об их сохранности. Писал он легко и небрежно, на каких-то лоскутках, даже салфетках. Некоторые стихи иногда попадали в небольшие российские журналы под криптонимами: Ф. Т. или Т-в. Десятки разрозненнных страниц были переданы князю Ивану Гагарину. Князь, бывший сослуживец Тютчева, один из немногих, кто знал и ценил тютчевское творчество и даже хотел издать его. Часть стихотворений он переписал и передал Пушкину, который издавал журнал «Современник», главный литературный журнал интеллигентной России. Восхищенный Пушкин их немедленно опубликовал под названием «Стихи, присланные из Германии». Так благодаря Амалии Тютчев стал широко известен на родине.

Между тем Амалия неотразимо блистала в высшем петербургском обществе. Рассказывают, что Пушкин увлекся Амалией и на одном из балов пытался ухаживать. Жена Пушкина, Наталья Гончарова, бесспорная первая красавица России, вынуждена была в семейном кругу объясниться с мужем, после чего Пушкин оправдывался, что *„у Мадонны тяжёленькая рука»...*[5]

Князь Гагарин в письмах Тютчеву сплетничал по поводу успехов Амалии в высшем свете и непростым положением барона Крюденера. Тютчев отвечал в июле 1836 года: *"Подробности, сообщенные вами о нашей прекрасной Эсфири и её Мардохее, доставили мне большое удовольствие...".* И далее: *"Как тщательно будет он* (Крюденер) *зашифровывать то, что можно безнаказно поместить в с.-петербургской газете. ...Впрочем, обаяние, природное обаяние его жены, сумеет, в случае надобности, предохранить его от последствий его осторожности"*[6]. Через упомянутого Гагарина Федор пересылал для Амалии письма. Тютчев понимал, что брак Амалии с бароном Крюденером не был союзом по любви: *«У меня есть некоторые основания полагать, что она не так счастлива в своем блестящем положении, как я того желал бы. Какая милая, превосходная женщина, как жаль её. Столь счастлива, сколь она того заслуживает, она никогда не будет».*

---

[5] *Шик, Александр.* Женатый Пушкин / Berlin. 1936. С. 68.

[6] Письма к разным лицам / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство „Фёдор Иванович Тютчев" М. 1988. Т. 97. Кн. 1, с. 512.

Изредка Амалия появлялась в Мюнхене. Тютчев всегда был ей рад: *«Вы знаете мою привязанность к госпоже Крюденер и можете легко себе представить какую радость мне доставило свидание с ней. После России это моя самая давняя любовь. Ей было четырнадцать лет, когда я увидел её впервые. А сегодня, 2/14 июля, четырнадцать лет исполнилось её старшему сыну. Она всё ещё очень хороша собой, и наша дружба, к счастью, изменилась не более, чем её внешность»*[7].

...После 22-летнего пребывания за границей Тютчев возвращается в Россию. Он уже во втором браке, с Эрнестиной, рожд. баронессой Пфеффель (в 1838 году Тютчев овдовел), у него пятеро детей. За должностной проступок у Тютчева крупные неприятности с высшим министерским начальством, по инициативе которого он лишен званий и уволен с работы. Но добрая фея, прекрасная Амалия, связи которой при петербургском дворе были безграничны, выручает поэта. Благосклонный к Амалии шеф корпуса жандармов, граф Александр Бенкендорф, принимает Федора Ивановича. Граф доброжелательно отнесся к идеям Тютчева об отношениях России и Запада, к разработанному им проекту о воздействии на общественное мнение Европы через прессу. Проект был доведен до сведения царя (который также благоволил к Амалии!) и одобрен. Николай I тогда принял отставленного дипломата. Возможно, что в их беседе затрагивались более глубинные и глобальные вопросы внешней политики, хотя (или потому что!..) министр Нессельроде на этой беседе не присутствовал. Тютчев был не только восстановлен в должности, но даже повышен. Федор Иванович сообщал жене, что Бенкендорф «*был необыкновенно любезен со мной, главным образом из-за госпожи Крюденер...*».

Трогательные, бескорыстные заботы Амалии о Федоре Ивановиче длились всю жизнь. Она всегда помнила искренний порыв неэквивалентного обмена золота на шёлк. Невысокий, взлохмаченный, часто беспомощный, всегда болезненный Тютчев постоянно нуждался в опеке. Заботы Амалии несколько смущали Тютчева. Он даже как-то писал Гагарину: *«Ах, что за напасть! И в какой надо было быть мне нужде, чтобы так испортить дру-*

---

[7] Письмо родителям из Тегернзее 2/14 июля 1840 года. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах (т. 1 „Стихотворения“, т. 2 „Письма“) / Вступит. ст. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева; подгот. текста, составл., коммент. К. В. Пигарева // М. 1984. Т. 2, с. 52.

жеские отношения! Все равно, как если бы кто-нибудь, желая прикрыть свою наготу, не нашел бы для этого иного способа, как выкроить панталоны из холста, расписанного Рафаэлем... И, однако из всех известных мне в мире людей она, бесспорно, единственная, по отношению к которой я с наименьшим отвращением чувствовал бы себя обязанным».

В 1852 году в Стокгольме скончался барон Крюденер. Через три года баронесса Амалия Крюденер становится графиней Адлерберг[8]. Её муж граф Николай Адлерберг, генерал-губернатор Финляндии, фаворит императора Александра II, был младше Амалии на 11 лет...

Спустя десятилетия, 31 марта 1873 года, с умирающим Федором Ивановичем за три с половиной месяца до его кончины прощалась Амалия. Вот трогательные строки письма Тютчева к дочери: «*Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюденер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и приезжала проститься со мной. В её лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй*»[9].

...В 1881 году граф Адлерберг выходит в отставку (после смерти Александра II[10]). Семья Адлербергов: Николай, Амалия и сын Николо, родившийся в Петербурге в 1848 году(!), приезжают в Мюнхен. Они останавливаются на Амалиенштрассе 93 у племянника Амалии, Максимилиана Лерхенфельда, сына Максимилиана (брата Амалии), внука Максимилиана (отца Амалии)[11].

Амалия, романтическая любовь поэта Фёдора Тютчева на протяжении 50 лет(!), скончалась в Тегернзее 21 июня 1888 года. Она похоронена на кладбище кирхи св. Лаврентия. Кирха расположена на берегу озера напротив её виллы, известной под названием „Haus Adlerberg am See". С террасы виллы и окна спальни скорбеющий граф Адлерберг хорошо видел кирху. В купчих документах на виллу граф записал, что будут прокляты во веки веков те, кто посмеет какими-либо строениями закрыть вид кирхи (с окон виллы). Вилла меняла владельцев, но никто не

[8] Баварские лютеране выдерживали, как правило, трёхлетний стаж вдовства (см. также прим. 8 к статье „Nelly").

[9] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 358.

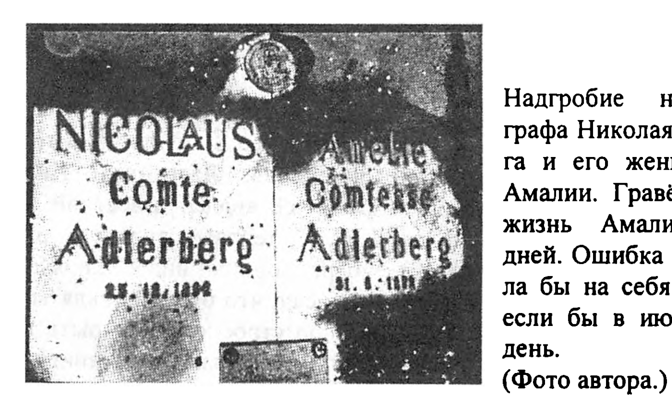
[10] Brockhaus Conversations-Lexikon. Lepzig. 1882. Band 1. S. 151.

[11] Stadtarchiv München, Polizeimeldebogen, A10 (Adlerberg).

осмеливался нарушить завещание графа. Граф Николай Адлерберг-старший похоронен рядом с Амалией.

Вилла в Тегернзее, Haus Adlerberg am See, в которой Амалия проживала в последний год своей жизни.
(Фото автора.)

Надгробие на могиле графа Николая Адлерберга и его жены графини Амалии. Гравёр продлил жизнь Амалии на 10 дней. Ошибка не обращала бы на себя внимание, если бы в июне был 31 день.
(Фото автора.)

„ЕЩЕ ТОМЛЮСЬ ТОСКОЙ ЖЕЛАНИЙ...“

NELLY

“...эта слабая женщина обладает силой духа, соизмеримой разве только с нежностью, заключённой в её сердце...“.

“Я считал её настолько необходимой для моего существования, что жить без нее мне казалось невозможным, все равно как жить без головы на плечах...“.

Ф. И. Тютчев

Элеонора-София-Луиза-Христина графиня фон Ботмер (¤ 19/31 октября 1800, Кассель - † 28 августа/9 сентября 1838, Турин) выросла в семье влиятельного аристократа. Отец Элеоноры, Карл граф фон Ботмер (1770-1845), в 1804-1808 гг. вюртгенбергский посланник в Мюнхене. Мать, Антуанетте (1777-1826), - из рода баронов Ганштейнов. Элеонора была самой старшей. Всего в семье Ботмеров родились 12 детей[1]. 15 декабря 1817 года Элеонора сочеталась браком с российским дипломатом Александром Петерсоном. Родила троих сыновей: Карла (1818-1875), Оттона (1820-1883), Альфреда (1825-1860). Овдовела 6 октября 1825 года. Соединила с Тютчевым свою судьбу 5 марта 1826 года, в браке с которым родила троих дочерей: Анну (1829-1889), Дарью (1834-1903) и Екатерину (1835-1882).

[1] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, B9 (Bothmer)

...17 февраля 1826 года после полугодового отпуска Тютчев возвращается в Мюнхен из России. Ему едва минуло 22 года. За время отсутствия Фёдора Ивановича его романтическая любовь, красавица-графиня Амалия Лерхенфельд, стала баронессой Крюденер. Тютчев - светский острослов и любимец салонов, вдруг ощутил пустоту одиночества и безалаберность холостяцкой жизни. У кого-то в гостях или на одном из приёмов молодой дипломат сближается с вдовой Элеонорой Петерсон, старше его на три года, матерью троих детей. Знакомство у них едва восходит на уровень салонного флирта. Неожиданно для самих себя и загадочно быстро для окружающих, через две недели после приезда Тютчева, в объятия друг к другу устремились две неустроенные судьбы. И вот 5 марта 1826 года старый слуга Тютчева, „дядька" Николай Хлопов, передал „дитятю"-хозяина с рук на руки Элеоноре и уехал на родину. Решения, принимаемые внезапно, под эмоциональным впечатлением момента,- тютчевская черта, доставляющая ему всегда немало хлопот. Каждый решал проблему личного одиночества. Тютчев остался без своего первого воспитателя, с которым был неразлучен все предшествующие годы. О роли Хлопова в жизни юного Тютчева часто вспоминал сам Фёдор Иванович и члены его семьи. Дядька Хлопов вёл свой реестр значительных событий в жизни Тютчева на обратной стороне иконы Божьей Матери. Трогательно отметил Хлопов на иконе и важнейшую дату своей жизни, день расставания с воспитанником: „*В память моей искренней любви и усердия к моему другу Фёдору Ивановичу Тютчеву. Сей образ по смерти моей принадлежит Ему. Подписано 1826 марта 5-го. Николай Хлопов*"[2]. В том же году Николай Афанасьевич Хлопов скончался.

По выражению Аксакова, Николай Хлопов напоминает знаменитую няню Пушкина: „*Этим няням и дядькам должно быть отведено почетное место в истории русской словесности. В их нравственном воздействии на своих питомцев следует, по крайней мере отчасти, искать объяснение: каким образом в конце прошлого и в первой половине нынешнего столетия*[3] *в наше*

---

[2] *Долгополова С. А. и Тархов А. Е.* Музей-усадьба "Мураново" им. Ф. И. Тютчева // Литературное наследство "Федор Иванович Тютчев". М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 604.

[3] Имеется ввиду XIX столетие.

оторванное от народа общество - в эту среду, хвастливо отрекавшуюся от русских исторических и духовных преданий, пробирались иногда, неслышно и незаметно, струи чистейшего и народного духа!"[4].

1 апреля 1828 года Генрих Гейне, гостивший у Тютчева, писал их общему знакомому Варнгагену фон Энзе: "*Знаете ли Вы дочерей графа Ботмера? Одна уже не очень молодая, но бесконечно очаровательная, состоящая в тайном браке с молодым русским дипломатом и моим лучшим другом Тютчевым, и её очень юная красавица-сестра, вот две дамы, с которыми я нахожусь в самых лучших и приятных отношениях*"[5]. "*Юная красавица-сестра*" - это 19-летняя Клотильда, "*лучшие отношения*" с которой завершились для Гейне и немецкой поэзии стихотворениями, включенными в цикл "Новая весна". Клотильда, восьмой ребёнок в семье графа Ботмера, была на 9 лет младше Элеоноры. Судьбы двух сестёр будут тесно переплетены и связаны с Россией.

Разумеется, союз Фёдора Ивановича и Элеоноры был общеизвестным. Длительную неоглашаемость совместного проживания в условиях мюнхенского высшего света, где все знали всё, представить невозможно. Одним домом вместе с Фёдором Ивановичем и Элеонорой жили также трое детей Элеоноры от первого брака и двое слуг. Маловероятно предположение об отсутствии согласия семьи Элеоноры на её брак с Тютчевым. Родители Элеоноры были обременены большой семьёй. Мать тяжело болела и в том же 1826 году 13 октября скончалась. Младшему брату Элеоноры было всего 7 лет. Отец вынужден был срочно вступить во второй брак (с Терезой Коппенфельс[6]). Уход из семьи Ботмеров Элеоноры с детьми, был только облегченим для её отца, графа Карла.

Между тем тайна всё-таки была: Фёдор Иванович и Элеонора не афишировали, что они уже длительное время живут невенчанными. У Тютчева было своеобразное отношение к Богу и с церковным обрядом он не торопился. Да и православной церкви в Мюнхене ещё не было. Старинная католическая церковь святого Сальватора, построенная в 1494 году, перешла на православное богослужение лишь с 30 сентября 1828 года. Только 27 января/8

---

[4] *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева // М. 1886. С. 20.
[5] *Гейне Г.* Собр. соч. в 10 томах // Л. 1959. Т. 10, с. 468.
[6] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, B9 (Bothmer)

февраля 1829 года, после почти трёх лет совместной жизни (при весьма заметной беременности Элеоноры), в церковных актах Сальваторкирхе появилась, наконец, запись о венчании Тютчевых. Венчал Тютчевых священник Григориус Калаганис[7]. В православной Сальваторкирхе будут крещены все дети Тютчева, рожденные в Мюнхене[8].

В 1994 году по инициативе церковного старосты Сальваторкирхи, историографа греческой общины в Мюнхене, Константина Котсовилиса, была установлена в кирхе мемориальная доска с фамилиями почётных посетителей. Ниже имён баварских королей, российских императоров и посланников, известной и малоизвестной греческой знати гравировано: „Tutscher Eleonore, geb. Gräfin von Bothmer“...Бывший графский титул лютеранки Элеоноры произвёл большое впечатление на церковного старосту. Её фамилия ему ни о чём не сказала. В 1998 году надпись на доске изменена: „Theodor Tjutschew (1803-1873), russischer Diplomat und Dichter, und Frau Eleonora (1800-1838), geb. Gräfin von Bothmer“.

1 октября того же 1828 года Гейне из Флоренции прислал новые заверения Тютчеву своего расположения: *"Мои лучшие пожелания мадам Тютчевой. Она превосходная женщина. Я очень люблю её..."*. В другом письме Гейне назвал дом Тютчевых "*прекрасным оазисом*".

Нередкостью были гости из России: братья Киреевские, историк Александр Тургенев, родственники Тютчева. Из дневника штабс-капитана Гвардейского Генерального штаба Г. Н. Оленина: *"Мюнхен. 3 августа 1828 г. ...Вечер у Тютчева, 2 секретаря*

---

[7] Archiv von der Salvatorkirche. Hauptbuch für die griechische Kirche in München. Taufregister, S. 71.

[8] Сведений о лютеранском вечании Тютчевых нет. Руководитель мюнхенского управления церковной общиной евангелических лютеранских церквей д-р Рювандль в письме от 13 марта 1997 года сообщил, что в их церковных книгах запись о бракосочетании Элеоноры Петерсон и Фёдора Тютчева отсутствует, но подтвердил венчание 15 декабря 1817 года графини Элеоноры Ботмер и Александра Петерсона. Хотя протестантизм либерально относится к институту брака, считая его актом гражданским, баварские лютеране выдерживали, как правило, трёхлетний стаж вдовства.

посольства. Жена его, бывшая г-жа Петерсон с 4-мя детьми(!), *урожденная графиня Ботмер, весьма приятная*“[9].

Коллега Тютчева, князь Иван Гагарин, был в восторге от Элеоноры: „ ...*я чудесно провел утро за восхитительным разговором у г-жи Т<ютчевой>. Она так хорошо понимает человеческое сердце; какой бы его струны вы не касались, она всегда найдет в ней отклик*“[10].

Фёдор Иванович не жалел о своём внезапном браке. Элеонора оказалась хорошей хозяйкой. Жизнь упорядочилась. В конце октября 1834 года Тютчева посетил Вяземский: *“Вечером бываю у Тютчева, который женат на здешней вдовушке. У них собираются члены дипломатического корпуса и 'кое-кто из местных жителей. Чайник и две восковые свечи на столе и приятный разговор: вот стихии их маленького салона*“.

Мюнхен первой половины XIX века был одним из духовных центров Германии и Европы. Богатство художественной и интеллектуальной жизни отличало баварскую столицу того времени. В академическом Мюнхене главенствовала натурфилософская школа Шеллинга. Тютчев проявил большой интерес к учению Шеллинга и к другим философским направлениям. Интерес к Шеллингу соединялся у Тютчева с любовью к поэзии и философии Гёте, через творчество которого Тютчев воспринимал немецкую духовность. Гёте акцентировал для Тютчева сильные стороны культуры Германии. Фёдор Иванович переводил отрывки из „Фауста“, „Эгмонда“, „Вильгельма Мейстера“ и других малых и больших произведений Гёте. Тютчева увлекали и баллады Шиллера, и романтические стихи Гердера, Уланда, Ленау.

Оказавшись в центре Европы и отдавая должное немецкой культуре, Тютчев обращается к поэзии английской (Байрону, Шекспиру) и французской (Расину, Гюго).

В январе 1828 года Фёдор Иванович с Элеонорой, Клотильдой и братом Николаем совершили путешествие в Тироль. Не-

---

[9] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азадовского, А. К. Осповата и В. Н. Сажина // Литературное наследство... Кн. 2, с. 183.

[10] *Гагарин И. С.* Дневник. Записки о моей жизни. Переписка / Составление, вступительные статьи, перевод с французского и комментарии Ричарда Темпеста // М. 1996. С. 118.

далеко от Зальцбурга группа побывала в районе одноименных озера и горы Унтерсберг. Грандиозное величие Альп покорило Тютчева. Появился альпийский цикл стихотворений „Утро в горах", „Снежные горы" и другие[11]. В 1861 году немецкий поэт-переводчик Генрих Ноé издал в Мюнхене книгу переводов тютчевских 74 стихотворений, среди которых были также упомянутые стихи[12]. Через 39 лет после Тютчева он также посетил эти места. Стихотворные вставки живописного рассказа Ноé близки к тютчевским мотивам[13].

Любовь к путешествиям, к новым впечатлениям и ощущениям была одной из главных черт характера Тютчева. Она обогащала и питала его фантазию, возбуждала поэтическое вдохновение. Жажда постоянных перемещений по Европе была неутолима. Неутомимый Тютчев сетовал только на удручающие расстояния и приветствовал строительство железных дорог[14]. Но ещё долгое время ему приходилось довольствоваться почтовым дилижансом.

Вероятно, осенью 1828 года, во время возвращения из Парижа в Мюнхен, Тютчев ехал по земле короля Вильгельма I Вюртенбергского. Недалеко от Штуттгарта возле посёлка Унтертюркхайм Тютчев несколько отклонился от дороги, чтобы посетить часовню-мавзолей, в котором была похоронена молодая королева Екатерина Вюртенбергская, российская великая княгиня, внучка императрицы Екатерины II[15]. Лютеранскую часовню на развалинах старой крепости Виртенберг неутешный король соорудил в 1820 году, на другой год после смерти 31-летней королевы (по проекту вюртенбергского архитектора Салуччи). Мавзолей, небольшой круглый храм на живописном холме, Ротенберге, находился вдали от селений и возвышался над виноградными полями, через кото-

---

[11] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / ... // Л. 1987. С. 375.

[12] Feodor Iwanowitsch Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaaßen des Originals dem Russischen nachgebildet von Heinrich Noé // München, 1861. Stadtbibliothek München, Sign: 27 635.

[13] *Noé, Heinrich.* Das Österreichische Seebuch // München 1867. S. 12-18.

[14] В Мюнхене первый паровозный гудок раздался 1 сентября 1839 года.

[15] Кроме великой княгини Екатерины Павловны (которая похоронена в часовне), следующие два поколения вюртенбергских королев были также великие российские княгини: Ольга, дочь Николая I, и Вера Константиновна, внучка Николая I. См. Rußland in Würtenberg. Russischen Kirchengerät aus der Grabkapelle auf dem Rotenberg // Stuttgart. 1991. S. 72.

рые протекала река Некар. Одинокая часовня-ротонда св. Ротенберг с могилой молодой российской княгини на немецой земле и золотая осень не могли оставить равнодушным сердце пота[16]:

Над виноградными холмами
Плывут златые облака,
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.

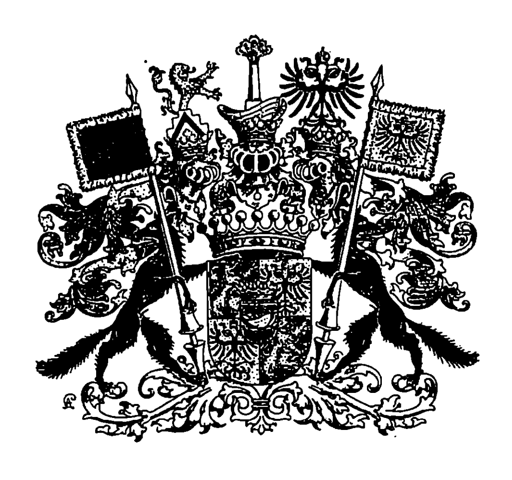
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там в горнем неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.

Туда взлетая звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

---

[16] В автографе ЦГАЛИ рукой Эрнестины Фёдоровны, второй жены Тютчева, указана помета „Ротенбург". Начиная с издания 1854 года, помета повторена во всех последующих изданиях (См., например, *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / ... // Л. 1987. С. 383.) с дополнением, что имеется ввиду баварский город Ротенбург. Но в баварском Ротенбурге (на реке Таубер) нет пейзажа, соответствующего тютчевскому сюжету! В помете явная ошибка или опечатка. В тютчевские времена населённого пункта „Ротенберг" на картах не было. Немногочисленный приход Ротенберга занимался исключительно виноградарством. (См. Piers Konversation-Lexikon. Sttutgart. 1892. Band 10. S. 1530.) Ныне Ротенберг находится в городской черте окраины Штуттгарта в конце автобусного маршрута № 61. (См. Falkplan Stuttgart, 37 Auflage. M 11.) Холм Ротенберг с часовней-мавзолеем (высота холма 411 м) и прилегающие поля оберегаются от городский застроек. В каталоге Rußland in Würtenberg (см. прим. 15) на с. 73 опубликовано на немецком языке стихотворение Тютчева „Над виноградными холмами..." в переводе замечательного поэта-переводчика и исследователя творчества Тютчева доктора Людольфа Мюллера, профессора славистики Тюбингского университета.

Герб графов Ботмер. Элемент герба, лодка, указывает на происхождение фамилии Ботмер: „Bothmer“ от слова „Boot“, *лодка* (нем.)

21 апреля/3 мая 1829 года родилась первая дочь Тютчева, Анна (будущая жена писателя Ивана Аксакова). Тютчев стал респектабельным семьянином. Правда, острота материальных проблем не исчезла. Жалование оставалось невысоким. Посланники, Иван Потемкин и Григорий Гагарин, безрезультатно ходатайствовали перед министром Нессельроде об увеличении оклада, считая его явно недостаточным. Тютчевых выручала помощь родителей. Лишь после повышения в коллежские асессоры летом 1833 года оклад был увеличен на 200 рублей. В бытовых вопросах Фёдор Иванович был совершенно беспомощным человеком. Элеонора опекала его, как маленького ребёнка. Планируя поездку в Россию, Элеонора в феврале 1837 года пишет матери Фёдора Ивановича: *"Признаюсь однако, что его присутствие ничуть не облегчает трудности путешествия. Я предпочитаю путешествовать с тремя грудными младенцами, нежели с одним Теодором"*[17].

Жизнь Фёдора Ивановича приобретала форму ленивого покоя. Элеонора часто сетует на эту сторону характера Тютчева.

---

[17] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азадовского, А. К. Осповата и В. Н. Сажина // Литературное наследство... Кн. 2, с. 196.

Как-то в ноябре 1832 года она даже написала брату Тютчева Николаю: *"Пишу Вам два слова, мой друг, за отсутствием лучшего, т. е. за отсутствием Теодора, который всё ещё одержим одним из своих приступов лени. Вот уж сколько времени он собирается писать Вам, однако каждый раз день оказывался слишком коротким для этого; так подождите, пока в нём станет более 24 часов"*[18]. Но в действительности тютчевская лень была только внешним проявлением его натуры. Лень тела не означает ещё лени мысли. Гейне даже уверял, что лень поэта - нормальное состояние его души. Глубъны души Тютчева были скрыты от окружающих. Поэта волновала красота природы, радость её созерцания, раздумья о месте человека в мироздании. Ночь была временем наиболее полного слияния поэта со вселенной:

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

Нестрогая, волнообразная с провалами архитектура стихотворения, „*как хаос на водах*", - вечное движение мироздания. "Видение" написано в 1829 году. Тогда же 26-летний Тютчев создал новую поэтическую вершину, "Бессонницу": краткость жизни и бесконечность мира, Человек и Время, противостояние Року. Композиторы Н. К. Метнер и В. Н. Салманов не прошли мимо этой извечной философской темы:

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,

[18] Письма к родным / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство "Фёдор Иванович Тютчев" М. 1988. Т. 97. Кн. 2. с. 436.

Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

И новое младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

Чистота тютчевской речи органично впиталась в лексический эталон русского языка. В мировые хрестоматии вошли стихи русского поэта о баварской природе. В 1828 году Тютчев создает гимн весне, любимому времени года поэта, "Люблю грозу в начале мая...", и через год "Еще в полях белеет снег...". В 1830 году Тютчев пишет "Осенний вечер", романс одинокой души. Знаки препинания, только запятые, задают внутреннюю сдержанную ритмичность:

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье - и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

Стихотворение было напечатано через 10 лет! Образная реакция Некрасова: *"Каждый стих хватает за сердце, как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные, внезапно набегающие порывы осеннего ветра; их и слушать больно и перестать слушать жаль... Только талантам сильным и самобытным дано затрагивать такие струны в человеческом сердце..."*.

Российская колония в Мюнхене состояла из аристократов, предпочитавших в общении западноевропейские языки: французский, немецкий. В семье Тютчева русского языка не знали. Отдушиной был приезд славянофилов, братьев Киреевских, обучавших как-то Элеонору родному языку её мужа: "*Жена Тютчева хотела и начала брать у меня уроки русского языка, но после их оставила*"[19]. Собеседником поэта являлся только его внутренний мир. Чувство одиночества в толпе:

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радости, ни горю не причастных,-

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?.

В те же годы было рождено знаменитое "Silentium!", крик души о сложности самовыражения, о трудности взаимопонимания, о невозможности словами передать своё душевное состояние, об одиночестве - убежище творчества. Предполагается, что стихотворение является поэтическим перефразом гётевского изречения: „So bald man spricht, beginnt man sich zu irren" („Начиная говорить, мы начинаем заблуждаться" нем.)[20]. Немецкая культура, воспринимаемая через русское самосознание, давала обильные всходы на почве уникального интеллекта и всесторонней одаренности Тютчева. Глубокомыслие тютчевского стиха произвело на Ивана Тургенева и Льва Толстого огромное впечатление. Лев Толстой пометил на полях книги рядом со стихотворением „Silentium!": „Ч*то за удивительная вещь! Я не знаю лучшего стихотворения*". В марте 1870 года Тургенев писал из Веймара родственнику Фета: „*...и глубже, и глубже проникаюсь я истиной тютчевского стиха: Мысль изреченная есть ложь,- во всяком случае - такая мысль, к которой собеседник не хочет идти благодушно навстречу, не*

---

[19] Письмо П. В. Киреевского 22 марта/3 апреля 1830 года. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 185.

[20] Об издании "Полного собрания сочинений" Тютчева (1912) / Публикация А. А. Николаева // Литературное наследство... Кн. 2, с. 538.

хочет помочь Вам самим понять её". Композитор Николай Метнер эту же фразу Тютчева воспринял строго логически: „*...я положительно пришёл к тому заключению, что тютчевская мысль „мысль изреченная есть ложь" - есть ложь! (Хотя бы потому уже, что она уже изречённая)*". Композитор не понял поэта. Узрев исключительно формальную противоречивость, Метнер не ощутил психологического драматизма тютчевской идеи и оставил „Silentium!" вне своего внимания:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои -
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,-
Любуйся ими - и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,-
Питайся ими - и молчи.

Лишь жить в себе самом умей -
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, -
Внимай их пенью - и молчи!..

Так кому же предназначены эти стихотворные перлы русского Поэта на нерусской стороне? К редким гостям из России?[21] Трагедийность Тютчева в потребности самовыражения состояния души только самому себе! Он не искал слушателя вне себя. Одиночество личности поэта от душевного разлада его творческого

---

[21] Тютчевские стихи в Мюнхене знали братья Киреевские. П. В. Киреевский 7/19 октября 1829 года сообщал из Мюнхена родным в Петербург, чтобы они передали издателю альманаха „Денница" М. А. Максимовичу разрешение Тютчева на истребование от Раича 7 стихотворений. См. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / ... // Л. 1987. С. 361.

гения: *"Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?"*. Сложность внутреннего мира Фёдора Ивановича была вне досягаемости восприятия его Элеонорой. Помочь Тютчеву она не могла. Стихи Тютчева ей были недоступны. Гениальность его мышления оставалась за пределами сознания Элеоноры.

Биограф Кирилл Пигарев характеризует Элеонору: "*Серьёзные умственные запросы ей были чужды*". Элеонора занималась исключительно *"деловой хозяйственной стороной семейной жизни"*[22]. На её плечах лежали хозяйственные заботы, в семье прибавилось ещё двое дочерей: 24 апреля 1834 года родилась Дарья, 27 октября 1835 - Екатерина. Преданность Элеоноры мужу была безграничной. Тютчев родителям в апреле 1837 года утверждал: *"...не было ни одного дня в её жизни, когда ради моего благополучия она не согласилась бы, ни колеблясь ни на мгновенья, умереть за меня. Это способность очень редкая и очень возвышенная, когда это не фраза. То, что я говорю, должно быть, покажется вам странным. Но, повторяю, я имею на то свои причины. И эта дань, воздаваемая ей мною, является лишь весьма слабым искуплением"*[23]. Ради брака с Тютчевым Элеонора фактически отказалась от своих маленьких детей-Петерсонов, которые воспитывались в Петербурге. Она с ними переписывалась, посылала свои портреты, дважды ездила на встречу: в 1830 и в зимнее полугодие 1837-38 гг. Элеонора, видимо, понимала дистанцию в интеллектах её и Тютчева и старалась компенсировать эту разницу еще бульшой заботой о Фёдоре Ивановиче. Их брак изначально был обречен на семейные драмы.

Вряд ли прав писатель Фёдор Фёдорович Тютчев (сын поэта), который уверял, что Тютчев женился *"по страстной любви"*. Если не считать загадочной адресации в стихотворении „Двум сёстрам“[24], то при жизни Элеоноры Фёдор Иванович не посвятил ей ни одного стихотворения. Постоянно окружая жизнь Тютчева своими заботами, Элеонора не являлась для него источником поэтического вдохновения. Великолепные поэтические и эпистолярные знаки внимания он оказал, к сожалению, только её памяти. Потребовалось время, много времени, чтобы образ первой

---

[22] *Пигарев К. В.* Тютчев и его время // М. 1978.

[23] Письмо от 15 апреля 1837 года. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 23.

[24] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / ... // Л. 1987. С. 37(.

жены освободился от бытовой мелочности и засверкал чистотой яркой, но, увы, уже недоступной звезды. В 1858 году, через двадцать лет после смерти Элеоноры, Тютчев обращается к её образу:

В часы, когда бывает
Так тяжко на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;
...
Так мило-благодатна,
Воздушна и светла,
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

В письмах к дочерям, Анне, Дарье и Екатерине, Тютчев часто трогательно и нежно вспоминал об Элеоноре, о её заботах: "*Она была для меня жизнью... Я считал её настолько необходимой для моего существования, что жить без нее мне казалось невозможным, все равно как жить без головы на плечах... Она вся передо мною, бедная твоя мать!*"[25]. Эти слова обращены к Анне в 1846 году. Но все это будет сказано и написано потом, когда Элеоноры уже не будет. В 1837 году перед поездкой Тютчевых в Петербург, Фёдор Иванович писал родителям: "*Я хочу, чтобы Вы, любящие меня, знали, что никогда ни один человек не любил так, как она меня*"[26]. Это было правдой. Но правдой было и существование в это же время в жизни Тютчева другой женщины... Сначала Элеонора предполагала очередную легкомысленную интрижку, которым, она знала, Фёдор Иванович не был чужд. Кому-то же Тютчев писал в 1829 году:

Ты любишь, ты притворствовать умеешь,-
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей -
Ты мне ответ даешь - и не краснеешь!

---

[25] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 216.
[26] Письмо от 15 апреля 1837 года. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 23.

Существует еще несколько стихотворений любовной лирики мюнхенского периода, посвящённых разным адресатам.

...В июле 1833 года Элеонора жалуется Николаю Тютчеву: "*Он* (Фёдор Иванович), *как мне кажется, делает глупости или что-то близкое к ним... Теодор легкомысленно позволяет себе маленькие светские интрижки, которые, как бы незначительны они ни были, могут неприятно осложниться. Я не ревнива, и у меня для этого как будто нет оснований, но я беспокоюсь, видя, как он уподобляется сумасбродам...*"[27]. Беспокойство Элеоноры возрастает и по поводу его здоровья. Зная, что мать Тютчева, Екатерина Львововна, подвержена приступам тяжелой депрессии, Элеонора предполагает у Фёдора Ивановича наследственное патологическое расстройство психики. Её письмо Николаю Тютчеву полно новой тревоги: "*...Мне надо рассказать вам о вещах, которые не пишутся, но которые важны для вас не менее, чем для меня. Мне необходим ваш совет - быть может, существует всё-таки какое-то средство против этого? То, о чем я говорю, не имеет отношения к нашим делам... Не знаю, как лучше написать об этом, говорю с вами и чувствую, что не умею выразить мою мысль. Вы, конечно, догадываетесь, что подобную тревогу мог вызвать у меня только Теодор. Я имею в виду его здоровье, не то чтобы он был болен - чувствует он себя как обычно, - но есть в нём какой-то нравственный недуг, который, как мне кажется, развивается быстро и страшно. ...Надо знать его так, как знаю его я, и притом необходимо, чтобы он сам высказался до конца, только тогда можно представить себе его состояние. Вы должны понимать, что я имею в виду: ваша мать, кажется, передала ему в наследство эту боль? Посоветуйте, что мне делать. Когда я об этом думаю, когда это вижу, меня охватывает смертельный ужас и горе*"[28]. Вот такая душевная боль о Тютчеве.

Женская интуиция подсказывала Элеоноре возможность неприятных осложнений, хотя прямой угрозы она еще не чувствовала. Действительно, Тютчев был в "*сумасбродном*" состоянии от встреч с 23-летней красавицей-баронессой, Эрнестиной Дёрнберг, которую Элеонора также немного знала. Тютчев жил двойной жизнью. Дома его всё раздражало, угнетала внешне бес-

---

[27] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 190.
[28] Там же. С. 191.

причинная хандра. Это настроение Тютчева беспокоило преданную Элеонору. Какое поразительное чутье у любящей женщины! Она готова ему помочь, но еще не знает как: *"Отвращение ко всему, невероятная разочарованность в мире и, главное, в самом себе, это - что пугает меня больше всего, - то, что он сам называет навязчивой идеей. Самая безумная, самая абсурдная идея, которую можно себе представить, мучает его до лихорадки, до слез".*

...Муж Эрнестины, дипломат барон Фридрих фон Дёрнберг, заболел тифом и в феврале 1833 года скончался. Эрнестина длительное время избегала встреч с Фёдором Ивановичем. Отношения Тютчева с Эрнестиной развивались неровно. Но то, что закономерно должно было произойти в их отношениях, произошло...

Элеонора понимала причины резкого изменения поведения Тютчева. Его участившиеся отсутствия, приводили Элеонору в ярость. Она была потрясена неверностью мужа. Последовали скандалы с иллюзорными трудными примерениями. Частная жизнь выплеснулась из стен квартиры в мюнхенские салоны. Высший свет всегда знал всё и даже больше, чем было на самом деле. В этом семейном конфликте мюнхенское общество почему-то сочувствовало Тютчеву.

Материальные трудности Тютчевых вынуждали Элеонору обращаться непосредственно к посланнику Гагарину с настойчивыми просьбами об увеличении жалования Фёдору Ивановичу. В одном из писем Николаю Ивановичу Тютчеву Элеонора признавала: „*Моя беседа с Гагариным так повлияла на него, что теперь ничего не стоит заставить его поверить чему угодно и заставить его видеть, желать и делать, что угодно*“[29]. Можно себе представить эту беседу...

Князь Григорий Гагарин, российский посланник в Мюнхене, 21 апреля 1836 года слёзно просил министра Карла Нессельроде (письмо передано через барона Крюденера, переведенного на повышение в Петербург): *"...умоляю Вас, граф, уделите самое благосклонное внимание всему, что он* (барон Крюденер) *будет говорить Вам о г-не Тютчеве, о его злополучии, о его отчаянном положении и о самой настоятельной необходимости его из этого положения вывести. При способностях весьма замечательных, при уме выдающемся и в высшей степени просвещенном, г-н Тютчев не в состоянии ныне исполнять обязанности*

---

[29] Там же.

секретаря миссии по причине того пагубно-ложного положения, в которое он поставлен своим **роковым** *браком. Во имя христианского милосердия умоляю Ваше превосходительство извлечь его отсюда..."*[30]. Следует отдать должное определенному мужеству посланника: он, больной человек (через год Г. Гагарин скончается), оставался в миссии только вдвоем с Тютчевым и во имя решения судьбы своего единственного помощника готов был на дальнейшие трудности в ущерб своему здоровью и работе миссии.

2 мая Элеонора, подозревая, что Тютчев ушел на свидание, в состоянии аффекта небольшим маскарадным кинжалом нанесла себе несколько ударов и в нервном возбуждении вышла на улицу, где потеряла сознание... Несчастный случай стал известен в Петербурге. На другой день после этого неприятного события, 3 мая 1836 года, дипломат Тютчев в письме бывшему мюнхенскому приятелю, сослуживцу по миссии в 1833-35 гг., князю Ивану Гагарину (племяннику князя Григория Гагарина), будет имитировать спокойствие и как бы между прочим объяснять случившееся физиологическими процессами в организме кормящей женщины (Элеонора кормила грудью 6-месячную Екатерину), т. е. кормила, но вдруг случился прилив крови к голове, начался припадок, случайно нашла маленький кинжал „*и в припадке полного исступления нанесла себе несколько ударов в грудь*“. Вот и всё: *"Такова истинная правда об этом происшествии: причина его чисто физическая. Это прилив к голове",*- настаивает Тютчев[31]. Далее Тютчев просит И. Гагарина опровергать "*нелепые толки*" и сообщать его, тютчевскую, версию инцидента. Объяснения Тютчева были настолько неправдоподобны, что эффект был прямо противоположным. Иван Гагарин в письме к историку Александру Тургеневу 20 декабря 1836 года подтверждает "*нелепые толки*", сообщая вопреки просьбе Тютчева, что причиной всему является роман Тютчева с Эрнестиной[32]. Из контекста цитированного письма от 3 мая следует, что, желая максимально благорасположить к себе И. Гагарина, чтобы тот усерднее предотвращал в Петербурге слухи о попытке самоубийства Элеоноры, Тютчев выдал ему в этом же письме карт-бланш на право использования своих стихов

---

[30] Там же. С. 194.

[31] Письма к родным / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 507.

[32] Александр Тургенев в 1834 году посещал Мюнхен, был знаком с Тютчевыми и с Эрнестиной Дёрнберг.

по усмотрению князя: "*Вы просили меня прислать Вам мой бумажный хлам. Ловлю Вас на слове. Пользуюсь этим случаем, чтобы от него избавиться. Делайте с ним, что Вам заблагорассудится. Я питаю отвращение к старой исписанной бумаге, особливо исписанной мной. От нее до тошноты пахнет затхлостью...*"[33]. Речь идет о пакете с записями тютчевских стихов, которые баронесса Амалия Крюденер в 1836 году привезла в Петербург и по поручению Фёдора Ивановича отдала князю. 12 июня И. Гагарин отвечал Тютчеву: "*...намедни я передаю Вяземскому* ***некоторые*** *стихотворения, старательно разобранные и* ***переписанные*** *мною...*"[34]. Полученные стихи произвели большое впечатление на Вяземского, Жуковского, Пушкина и вскоре увидели свет в пушкинском "Современнике". Но это была только небольшая часть присланных Тютчевым стихов.

Иван Гагарин буквально понял только эту часть письма Тютчева. Значительное количество стихотворений пролежали в зарубежных архивах И. Гагарина почти сорок лет. "*Знаете ли, мой милый друг Дарья,*- писал И. С. Аксаков 24 ноября 1874 года(!) Дарье Фёдоровне, второй дочери уже покойного Тютчева,- *что нашлось 60 стихотворений Фёдора Ивановича, никогда ненапечатанных? 60 пиес, о которых он не только никогда не упоминал, но, по всей вероятности, даже забыл... Эти стихотворения хранятся у Ивана Сергеевича Гагарина... В 1836 году он уехал в Петербург, говорил много о Фёдоре Ивановиче Пушкину и Жуковскому и по их желанию писал ему в Мюнхен о присылке всех его стихов. Ф. Ив. исполнил его просьбу, и Гагарин получил от него целый пакет с лоскутками, исписанными собственной рукой Ф. Ив.. Из этих лоскутков Гагарин выбрал стихотворений 40 или около этого и передал их Пушкину, который и стал помещать их в своем журнале, а остальные так и остались у Гагарина и пролежали у него почти 40 лет!!*"[35]. Гагарин передал Аксакову тютчевскую часть своего архива, но не полностью, при этом многие стихотворения в копиях[36]. Высочайшую цену Фёдор

---

[33] Там же. С. 508.
[34] Там же. С. 509.
[35] Там же. С. 509.
[36] 12 августа 1843 года в Париже Гагарин принял послушничество в ордене иезуитов и, пройдя двухлетний новициат, стал его священником. (В Баварии орден иезуитов был распущен в 1834 году. Его имущества

Иванович не задумываясь заплатил князю Ивану Гагарину за его предполагаемую помощь в сохранении от высшего света семейной тайны. Герцен характеризовал Гагарина: "*...аристократ, вероятно не получивший серьезного образования, ни сильного таланта*"[37]. Опрометчивость Тютчева могла дорого обойтись русской поэзии. Позже Тютчев перестал поддерживать отношения с князем И. Гагариным. „*Моих убеждений, кажется, Тютчев никогда не разделял*",- признавал Гагарин Аксакову в 1874 году[38].

...Безвольный Тютчев был неспособен к свершению каких-либо радикальных действий для разрешения семейного конфликта. "*Ум сильный и твердый - при слабодушии, при бессилии воли, доходившем до немощи*",- мнение Аксакова. Фёдор Иванович находился между двух любящих его женщин и дорожил по-своему обеими. Его встречи с Эрнестиной еще какое-то время продолжались. Но растерявшийся Тютчев уже был склонен к бегству. Нессельроде не внял тогда просьбе Григория Гагарина об "*извлечении*" Тютчева из Мюнхена.

4 февраля 1837 года всепрощающая Элеонора деликатно указывает полуправду матери поэта, не называя истинного повода для переезда в Россию: "*Если бы Вы могли его видеть таким, каким он уже год, удрученным, безнадежным, больным, затрудненным тысячью тягостных и неприятных отношений и какой-то нравственной подавленностью, ...вывезти его отсюда волею или* ***неволею***(!) *- это спасти его жизнь. ...я, связанная с этой страной столькими узами дружбы, я принуждена сказать, что пребывание здесь для меня невыносимо; судите, что же это для него, не имеющего здесь почвы в настоящем и ничего в будущем*"[39].

Судьба не сопутствовала немедленному отпуску Тютчева: Григорий Гагарин серьёзно заболел. Тютчев с 28 июля по 22 августа 1836 года исполнял обязанности поверенного в делах. Поездка была отложена до весны следующего года. Как всегда, всё или почти всё разрешила смерть. Пока на этот раз - смерть пос-

---

было передано школам и Мальтийскому приоратству.) См. Тютчев в Мюнхене / Публикация А. К. Осповата // Литературное наследство... Кн. 2, с. 38.

[37] Там же.

[38] Там же. С. 50.

[39] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 196.

ланника Гагарина, последовавшая 24 февраля 1837 года. В мюнхенской миссии были произведены новые назначения: Тютчев получил должность с повышением в Турин (с правом трехмесячного отпуска), его место в Мюнхене занял Аполлониус барон фон Мальтиц. Вопрос о ностальгии пока больше не обсуждался, он перешел в несколько другую форму: в желание просто покинуть Мюнхен. 9 мая Тютчев, наконец, сообщает родителям о поездке всей семьёй в Россию. Но Петербург не доставил радости Тютчеву: *"Я испытываю не Heimweh* ("тоска по родине" нем.), *а Herausweh* ("тоска по отъезду" нем.)". Встречался Тютчев с Александром Тургеневым, в дневнике которого упоминается Элеонора: *"Жалеет по мюнхенской жизни... Вечер кончил у Тютчевых: о Шеллинге, Чаадаеве, о его наказании и пр. О Пушкине"* [40]. Вероятно, в эти дни была написана Тютчевым знаменитая ода "29-ое января 1837":

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
...
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж как первую любовь,
России сердце не забудет!..

По истечении отпуска и утверждения в должности Фёдор Иванович заторопился к новому месту назначения. С Элеонорой у Тютчева была договоренность, что она осенью выедет вслед за ним в Германию. Элеонора пока с детьми оставалась в Петербурге. Здесь же были и её сыновья-Петерсоны. Элеонора не доверяла бесхарактерности Тютчева и знала, что должна находиться рядом с ним. В Турин Тютчев ехал через Мюнхен, где оставался весь август 1837 года. Из Мюнхена Элеонора получила длинное письмо с доводами в пользу её зимования в Петербурге. Тут и трудности переезда с детьми, и возможность заболевания холерой, и материальные проблемы. Доводы Тютчева и добрый тон письма (*"Мой*

[40] Дневниковая запись от 15 июня 1837 года. См. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / Публикация К. М. Азадовского и А. К. Осповата // Литературное наследство... Кн. 2, с. 86.

друг!"- обращался Фёдор Иванович к жене") убедили Элеонору остаться.

В сентябре Тютчев уехал на место нового назначения. Из Турина он шлёт в Петербург родителям и Элеоноре подробные отчеты, жалуется на скуку. В письме от 13 декабря 1837 года уделено место и туринским знакомствам: *"Среди тех, которые я завел за последнее время, есть бесспорно несколько любезных женщин, чьё общество во всякой стране было бы большим подспорьем"*. Новые лирические стихи не появились... О нравах: *"Сюда следовало бы присылать всех людей, одарённых романическим воображением. Ничто так не способствовало бы их излечению, как зрелище того, что здесь происходит. Ибо то, что во всяком другом месте является предметом романа, следствием некой страсти, потрясающей существование и в конце концов губящей его - здесь становится результатом полюбовного соглашения и влияет на обычный распорядок жизни не более, нежели завтрак или обед..."*[41].

Тютчевские письма Элеоноре полны жалоб на одиночество и скуку: "*В моём следующем письме я буду говорить тебе подробно о моём состоянии, как внешнем, так и внутреннем. Тебе достаточно будет знать, что нет ни одной минуты, когда б я не ощущал бы твоего отсутствия. Я никому не желаю испытать на собственном опыте всего, что заключают в себе эти слова"*. В том же письме Тютчев поздравлял с Новым 1838 годом.

Душевная тревога Тютчева изводит чуткую Элеонору. Она несомненно чувствует, что является женой великого поэта, но безвольного человека. Элеонора просит брата Тютчева, Николая: *"Вы один можете говорить с ним и вразумить его. ...Никто не понимает, никто не может себе представить, как он страдает, а говорить, что это по его собственной вине, это значит укором заменить страдание"*. Элеонора рвётся к Тютчеву: *"Если бы у меня был хороший экипаж и деньги, эти проклятые деньги, я поехала бы к нему*". Вечные денежные проблемы! *"...если денежные затруднения - бедствие везде и всегда, они во сто раз нестерпимее в стране, где оказываешься совершенно чужим..."*,- из тютчевского письма к жене.

Только 14 мая 1838 года Элеонора с дочерьми, наконец, отправилась из Петербурга к мужу. Часть путешествия, Петербург-

---

[41] Письмо от 15 апреля 1837 года. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 33.

Любек, было морским. При подходе к Любеку (в ночь на 19 мая) на российском пароходе "Николай" начался сильный пожар. Не обошлось без человеческих жертв. Весь багаж погиб. Чудом спаслась семья Тютчева. Потрясение Элеоноры было на грани её физических сил. Элеонора позднее обращалась к сестре Тютчева, Дарье Ивановне: *"Никогда Вы не сможете представить себе эту ночь, полную ужаса и борьбы со смертью!"*[42].

Тютчеву о пожаре стало известно из газет. Письмо родителям из Мюнхена 17/29 июня: *"Я спокойно сидел в своей комнате в Турине - это было 11-го сего месяца (н. ст.) - когда мне пришли просто-напросто сообщить, что "Николай", вышедший 14/26 мая из С.-Петербурга, сгорел в море"*[43]. Тютчев тотчас выехал в Мюнхен. Туда же добралась Элеонора с детьми. Они остановились в пансионе тетушки Элеоноры, баронессы Ганштейн[44]. Элеонора

---

[42] На пароходе находился также молодой Иван Тургенев (1818-1883). Через 45 лет, 17 июня 1883 года, во французском городе Буживаль Тургенев по памяти продиктует Полине Виардо это происшествие: *"...два широких столба дыма пополам с огнем поднимались по обеим сторонам трубы и вдоль мачт; началась ужаснейшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Беспорядок был невообразимый. ...В числе дам, спасшихся от крушения, была одна г-жа Т<ютчева>, очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя*(!) *дочками и их нянюшками; поэтому она и оставалась покинутой на берегу, босая, с едва прикрытыми плечами. Я почел нужным разыграть любезного кавалера, что стоило мне моего сюртука, который я до тех пор сохранил, галстука и даже сапог; кроме того, крестьянин с тележкой, запряженной парой лошадей, за которыми я сбегал на верх утесов и которого послал вперед, не нашел нужным дождаться меня и уехал в Любек со всеми моими спутницами, так что я остался один, полураздетый, промокший до костей, в виду моря, где наш пароход медленно догорал..."*. На пароходе были именитые пассажиры: Толстые, Голицыны, Вяземские. Ивана Тургенева на учебу в Берлинский университет сопровождал слуга-дядька Порфирий Тимофеевич Кудряшев (по молве его сводный брат). Юному Тургеневу героических подвигов во время пожара проявить не удалось. Позже он писал: *„Близость смерти могла смутить девятнадцатилетнего мальчика - и я не намерен уверять читателя, что я глядел на нее равнодушно..."*. Во время пожара погиб партнер Тургенева по шахматам, о яростной игре которого Вяземский съязвил: *„Можно подумать, что дело у вас идет о жизни и смерти"*. См. *Богословский Н. В.* Тургенев // М. 1964. С. 44.

[43] Письмо от 15 апреля 1837 года. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 38.

[44] Stadtarchiv München, Polizeikartenregister Nr. 38461.

сообщала из Мюнхена отцу Тютчева, что она уже поправляется: *"В течении нескольких дней я была довольно сильно нездорова, последствия пережитого ужаса и тревог, а также тысячи забот, последовавших за этим, привели меня к чему-то похожему на нервную горячку"*[45]. В выше упомянутом письме Тютчев также подтверждал, что здоровье Элеоноры удовлетворительно: *"Помимо Бога, сохранением жизни Нелли и детей я обязан её присутствию духа и её мужеству. ...Только прибыв в Мюнхен, я узнал, как всё было, и неделю спустя смог успокоиться, убедившись, что Нелли не столь измучена и разбита, как я опасался"*.

Итак, слава богу, Элеонора как будто восстановилась и она опять вся в заботах о Тютчеве и семье. Процитируем ещё одно, последнее письмо Элеоноры, от 4 августа 1838 года, уже из Турина матери Фёдора Ивановича: *"Я не решаюсь говорить о моих* (материальных) *заботах Теодору, я нахожу его таким убитым, не знаю, что тому причиной: климат или одинокий образ жизни, который он должен вести здесь, но я думаю, что и то, и другое вместе вызывают в нем раздражительное и меланхолическое настроение, которое Вам известно. ...Я нахожу, что здоровье Теодора скорее лучше, чем хуже, а с тех пор, как он проходит курс лечения гидропатией, наступило заметное улучшение"*[46]. У неё мысли только о муже. Никаких серьезных жалоб на свое здоровье... Пережитый ужас в море на ночном пожаре не прошёл бесследно, его последствия оказались роковыми: 28 августа/9 сентября Элеоноры не стало... Смерть вошла в дом Тютчева. Элеонора загадочно соединила свою судьбу с Фёдором Ивановичем и через 12 лет неожиданно ушла из жизни. Элеонору похоронили на кладбище в предместье Турина. На могильной мраморной плите слова: "*Здесь покоится Элеонора Тютчева, рожд. Ботмер, скончавшаяся в сентябре 1838 года*". И ниже: "*Она не придет более ко мне, но я иду к ней*"[47]. Фёдор Иванович

---

[45] Письмо от 16/28 июня 1838 года. См. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 198.

[46] Там же.

[47] Смерть Элеоноры к великой горести Тютчева не была единственной потерей в его семье. Во втором браке, с Эрнестиной, родились трое детей. Только младший сын Иван пережил своего отца. Трое детей было рождено Еленой Денисьевой, „последней любовью" Фёдора Ивановича.

был раздавлен. *"Тютчев так был огорчен смертью жены, что, проведя ночь подле её гроба, поседел от горя в несколько часов"*,- слова Ф. Ф. Тютчева об отце. Первым поспешил на помощь к Тютчеву его брат Николай. Он был в Варшаве и узнал о случившемся горе 15 сентября из письма Клотильды. На следующий день он извещал родителей: *"Сообщаю вам, любезнейшие папенька и маменька, полученное мною вчера письмо от Клотильды Ботмер. Это неожиданное известие сильно меня поразило, тем более, что я совершенно ничего не знал о болезни бедной нашей Nelly. ...Было бы очень жестоко покинуть нашего бедного Фёдора в этом печальном положении, особенно при его настроениях, вам известных"*[48]. Через месяц Тютчев уже восстановил способность к осмысливанию жизни.

В один день, 6 октября 1838 года, Тютчевым написаны два письма о кончине Элеоноры: В. А. Жуковскому и К. В. Нессельроде. Вот строки из его письма к Жуковскому: "*Есть ужасные годины в существовании человеческом... Пережить все, чем мы жили - жили в продолжении целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы - и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить...*". Далее следует мысль, которая постоянно присутствует в подсознании Тютчева: "*Есть слова, которые мы всю нашу жизнь употребляем, не понимая... и вдруг поймем... и в одном слове, как в провале, как в пропасти, все обрушится*". Это прозаическое изложение той же идеи трудности самовыражения, которая ранее в поэтической форме концентрировано прозвучала в гениальном стихе "Silentium!". Через несколько строк следует программное заявление о главной сути тютчевской жизни: "*Вы принесли с собой то, что после неё* (Элеоноры) *я более всего любил в мире:* ***отечество и поэзию****...*". В конце этого необыкновенного письма душевнотравмированный Тютчев пишет о важности счастья для человеческой судьбы: "*Не Вы ли сказали где-то: в жизни много прекрасного и кроме счастия. В этом слове есть целая религия, целое откровение... Но ужасно, несказанно ужасно для бедного человеческого сердца отречься навсегда от счастия. Прости-*

От скоропостижной чахотки скончались в 1864 году Денисьева и в следующем году - ещё двое её детей...

[48] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 199.

те"[49]. Заключающее "*Простите*" звучит давним несогласием с этой мыслью Жуковского.

Через 28 лет, 25 ноября 1866 года, в письме дочери Екатерине, личная жизнь которой не сложилась, Тютчев повторил неприятие того же тезиса: *"Всё, что ты мне говоришь в последнем письме о живительной силе, которую черпает душа в смирении, идущим от разума, конечно, весьма справедливо, но что до меня, то признаюсь тебе, я не в силах смириться с твоим смирением и, вполне восхищаясь прекрасной мыслью Жуковского, который где-то сказал: "Есть в жизни много прекрасного и кроме счастия",- я не перестаю желать для тебя счастья, которое требовало бы от тебя меньших усилий..."*[50]. Необходимость ощущения счастья было внутренней потребностью души поэта, главным рефреном на протяжении всей жизни. Юношеский перевод „Песни радости" Шиллера (в феврале 1823 года) начинается четверостишием:

Радость первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!

Через 47 лет, в феврале 1870 года, тот же душевный настрой тяжело больного Тютчева в переводе песни Клары из гётевского „Эгмонда":

Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волненье,
В небе ликуя, томясь на земли,
Страстно ликующей,
Страстно тоскующей
Жизни блаженство в одной лишь любви...

...Василий Андреевич содействовал публикации тютчевских стихов в пушкинском "Современнике". Он знал Тютчева еще подростком, но душевной близости между ними не было. Фёдор Иванович писал Жуковскому 6/18 октября 1838 года: "*...я вам чужой, почти вовсе незнакомый, жду и надеюсь утешения*"[51].

---

[49] Письмо от 15 апреля 1837 года. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 42.

[50] Письма к родным / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство... Кн. 1, с. 469.

[51] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 41.

Жуковский встречался с Фёдором Ивановичем, через полтора месяца после смерти Элеоноры. Сухие и лаконичные записи в дневнике Жуковского о Тютчеве: "*Горе и воображение*". Состояние Фёдора Ивановича не принято им близко к сердцу[52].

Начало письма к Нессельроде от того же 6 октября 1838 года продолжает тютчевскую тему сложности самовыражения: "*Ваше сиятельство, я все потерял... Слова, я это чувствую, не выражают ничего... Но ведь у человека нет ничего, кроме слов, чтобы выразить, сколь изранено его сердце*". Далее Тютчев напоминает события последних месяцев. После пожара на пароходе пострадавшие пассажиры были доставлены в Гамбург. Элеонора в Гамбурге виделась с Нессельроде. По его совету она послала прошение о возмещении убытков Николаю I, который находился тогда в Берлине. Нессельроде также рекомендовал Элеоноре, чтобы Тютчев обратился с аналогичным ходатайством и на его, Нессельроде, имя. В результате Тютчев получил от казначейства 800 червонцев. Тютчев благодарит Нессельроде и далее пишет: "*Не известие ли об этом благодеянии принесло ей последнее утешение, последнюю радость, которую ей было дано изведать на земле?...Два дня спустя обнаружилась та болезнь, которая среди жесточайших страданий разбила одно из самых благородных сердец, когда-либо созданных Богом*". Конец письма для Фёдора Ивановича особенно труден: "*...Граф, как ни горестно, как ни постыдно такое признание... я ни на что не способен, я сам ничто. Испытание не было соизмерено с моими силами... Я чувствую себя раздавленным... Я могу проливать слезы над этими несчастными детьми, но я не могу их оберегать*"[53]. Дочери

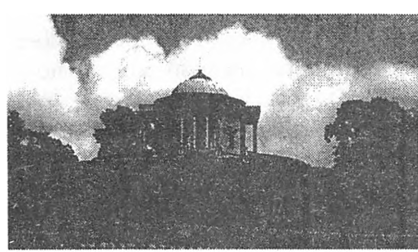
[52] При жизни Жуковского Тютчев стихотворений ему не адресовал. Василию Андреевичу были посвящены три стихотворения: „Памяти В. А. Жуковского" в конце июня 1852 года, „Прекрасный день его на Западе исчез" 11 апреля 1857 года и „На первой дней моих заре" 17 апреля 1873 года. В этих стихотворениях поэтический дар Жуковского не оценивается. В первом стихотворении есть строка: „*В нём не было ни лжи, ни раздвоенья...* ", которая характеризует цельность личности Жуковского, но не Жуковского-поэта. В устах Тютчева цельность души поэта - нонсенс. Душа - „*жилица двух миров*". Раздвоенность внутреннего мира - повод для душевного конфликта и глубоких раздумий. Состояние души поэта - тревога „*двойного бытия*"...

[53] Письма к разным лицам / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство... Кн. 2, с. 532.

Тютчева находились в Мюнхене под надежной опекой любящих людей, близких родственников, друзей тютчевской семьи: баронессы Ганштейн и свояченицы Клотильды. Траурную дату, день смерти Элеоноры, в семье Тютчевых помнили всегда. "*Ты хорошо сделала, что думала обо мне в день 9 сентября*", - писал Тютчев дочери Анне в 1846 году. В 1848 году, через десять лет после кончины Элеоноры, Тютчев (на девятом году нового супружества) обратил к её памяти следующий шедевр:

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой -
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

Простота ритма, эмоциональная боль незаживающей душевной травмы воодушевили восьмерых(!) российских копозиторов: Зыбину, Казбирюка, Шереметьева, Зике, Галкина, Шеболина и других[54]. Как-то Элеонора написала брату Фёдора Ивановича, Николаю, пророческие слова о своем муже: "*Провидение позаботилось о нашем дитяти, и везде он находил, где преклонить голову*"[55]. Рядом с Тютчевым с декабря 1838 года уже была Эрнестина. Летом следующего, 1839 года, Фёдор Иванович и Эрнестина обвенчались. Элеонора передала Эрнестине эстафету забот, тревог, любви...

Часовня-мавзолей в Ротенберге, недалеко от Штуттгарта (Баден-Вюртенберг). Здесь написано стихотворение „Над виноградными холмами...".

---

[54] *Благой Д. Д.* Тютчев в музыке // Литературное наследство... Кн. 2, с. 548-594.

[55] Письмо от 1/13 января 1834 года. См. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 193.

„Я ВСТРЕТИЛ ВАС - И ВСЕ БЫЛОЕ...“

КЛОТИЛЬДА

Я встретил вас - и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое -
И сердцу стало так тепло...

Ф. Тютчев. „К. Б.“, 26 июля 1870 года

Клотильда графиня фон Ботмер (¤ 22 апреля 1809 года, Мюнхен - † 5 сентября 1882 года, Георгенталь), родная сестра Элеоноры, родилась восьмым ребёнком в семье графа Ботмера. 6 апреля 1839 года вышла в Мюнхене замуж за секретаря российскоой миссии Фридриха Аполлониуса барона фон Мальтица (1795-1870), овдовела 2 марта 1870 года.

Уход из жизни Элеоноры поразил и Клотильду. Клотильда почти все 12 лет замужества Элеоноры жила рядом с Тютчевыми. Предположительно в 1829 году Фёдор Иванович переводит стихотворение Гейне „Als ich, auf der Reise, zufällig...“, посвящённое сёстрам Амалии и Терезе Гейне. Тютчевский перевод сохраняет только гейневский мотив, но в восприятии собственной жизни. В русском варианте оно называется „Двум сёстрам“. Однако адресатами тютчевского стихотворения являются уже не сёстры Гейне...

Обеих вас я видел вместе -
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж свежесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!..

И всё, как в зеркале волшебном,
Всё обозначилося вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..

Рядом с Фёдором Ивановичем две сестры: Элеонора и Клотильда. Тютчев во власти сложных чувств к обеим... Что побудило двадцатидвухлетнего Тютчева, острослова и любимца женщин, соединить свою жизнь 5 марта 1826 года с вдовой, старшей его на три года, матерью троих детей? Не чувство ли к её юной сестре?.. Известен стихотворный цикл, посвященный Клотильде Генрихом Гейне, гостившим в 1827-28 гг. в Мюнхене. Одно из лирических стихотворений увлеченного немецкого поэта весной 1828 года (в переводе В. Левика):

В белый сад выходишь утром,
Свищет ветер над землею,
Смотришь, как несутся тучи,
Облекая небо мглою.

И лу́га, и рощи голы,
И кругом - зима седая,
И в тебе зима и сердце
Цепенеет замерзая.

Вдруг, ты весь обвеян белым,
Точно хлопьми метели.
Озираешься сердито:
На деревьях снег в апреле!

Но не снег ты белый видишь,
О, как сладко сердцу стало!
То тебя весенним цветом
Забросало, закидало.

И повсюду - что за чудо! -
Снег цветет весенней новью,
Юный май сменяет зиму,
А душа горит любовью!

...Клотильда всю жизнь преданно любила Тютчева, его детей, его жён. Она была крестной матерью дочерей Элеоноры и

детей Эрнестины. Дочери Элеоноры после смерти матери подолгу жили у Клотильды. Портрет Клотильды кисти неизвестного мастера украсил Баварскую национальную галерею.

Ещё при жизни Элеоноры к Клотильде сватался барон фон Мальтиц[1], коллега Тютчева по российской миссии. И только с появлением в жизни Фёдора Ивановича Эрнестины исчезла у Клотильды надежда на создание семьи с Тютчевым. 6 апреля 1839 года 30-летняя Клотильда вышла замуж за „*Фридриха Аполлониуса барона фон Мальтица* (*с конской головой на гербе*)“[2], российского дипломата и немецкого литератора.

Барон Мальтиц был плодовитым поэтом и драматургом. Его перу принадлежат 23(!) книги. К концу своей творческой жизни издавал по 2-3 книжки в год. Но имя Мальтица сохранилось только в старых литературных справочниках...

По мотивам стихов Мальтица на лебединую тему „Schwan und Falk“ („Лебедь и сокол“), „Der Schwan“ („Лебедь“) и др. (всего Мальтиц сочинил 5 стиховорений любимой птице) Тютчевым было написано стихотворение „Лебедь“ („Пускай орёл за облаками...“), в котором проводились параллели между *Лебедем*, поэтом-лириком, и *Орлом*, поэтом-бойцом. В первом образе угадывался сам Тютчев, во втором - Байрон[3]. Мальтиц знал русскую литературу и историю, посвящал стихи Николаю I и прочим царствующим и именитым особам. Возможно, что под влиянием пушкинских стихотворений Мальтиц написал в стиле баллад „Olegs Roß“ („Конь Олега“), „Swätoslaws Schädel“ („Череп Святослава“), „Isiaslaws Tod“ („Смерть Изяслава“) и др. Мальтиц переводил на немецкий язык

---

[1] Мальтиц был на 14 лет старше Клотильды. Прежним местом его дипломатической службы, до 1837 года, была российская миссия в Рио-де Жанейро. См. *Архипов Ю.* Свояк Тютчева Аполлоний Петрович Мальтиц / Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева под общ. ред Ю. М. Лотмана // Таллинн. 1990. С. 312.

[2] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, B9 (Bothmer)

[3] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н. Я. Берковского; сост., подготовка текста и примечания А. А. Николаева // Л. 1987, с. 388. В статье В. Н. Топорова „Заметки о поэзии Тютчева“ (См. Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева / Под общ. ред. Ю. М. Лотмана // Таллинн, 1990. С. 38.) автор исследует романтическую версию „спора“ между *Лебедем* и *Орлом*, которая восходит к стихотворению Августа Шлегеля „Lebensmelodien“ (1797) и позже звучащая у 19-летнего Виктора Гюго в „Odes et Ballades“ (1821).

поэзию Пушкина („Ангел и черт“), Тютчева („Люблю грозу в начале мая...“ и „Недаром милосердным богом...“), Лермонтова (“Козачья колыбельная“)[4].

Некоторое время Клотильда жила на Оттошрассе 4 (Nr. 248 - по старой сквозной нумерации домов), а Тютчев с Эрнестиной - через дом, на Оттоштрассе 6[5] (Nr. 250; улицы ещё не имели чётной и нечётной стороны). Мальтиц окружил Клотильду вниманием и любовью, посвящал ей сонеты: „An die Vermählten“ („Жене“) в 1838 году и ещё через 20 лет „Rückblick von fernen Hügeln. An Clotilde“ („Взгляд назад с далёких холмов. Клотильде“). Последнее стихотворение наполнено смирением, удовлетворением от прожитой жизни и собственным душевным покоем (столь противоестественным для Тютчева), в последних строках не забыта и Клотильда:

Свободная страна, пред тем, как стать рабой,
Златые цепи рвёт своих надежд, мечтаний.
Но я не рву цепей воспоминаний,
Когда готов сменить сей мир на мир иной.

Прощанием со всем душа моя полна,
А сердце кротостью полно до края,
И благодарных чувств вздымается волна
При трубных звуках лебединой стаи.

Вечерняя заря спокойно догорает,
Тоска по прошлому меня уже не гложет.
Закончен путь и страсти утихают,

И будущее больше не тревожит.
Опорой служат мне на склоне дней
Воспоминания о верности твоей.

Перевод Доры Фишман (Мюнхен, 1996)

Обожание Мальтицем своей жены раздражало Тютчева и вызывало даже чувство досады: „*Я себе не очень нравлюсь в их обществе*“,- недовольно писал он как-то Эрнестине. Потом Мальтицы переехали в Веймар, куда с мая 1841 года Аполлониус был назначен поверенным в делах России. (Когда-то эту же должность в Веймаре занимал Александр Петерсон, первый муж Элеоноры.)

---

[4] Maltitz von, A., Vor dem Verstummen / Weimar, 1858
[5] Stadtarchiv München, Polizeikartenregister Nr. 38461

Тютчев переписывался с ними и первое время довольно часто навещал, а потом всё реже и реже[6]. После встречи Тютчева с Клотильдой в Веймаре 7 июля 1847 года они разлучились надолго. Только через 23 года состоялось ещё одно их свидание...

Детей Мальтицы не вырастили. 2 марта 1870 года Клотильда овдовела и переехала из Веймара в город Кезен, под Наумбургом, в 120 километрах от Карлсбада. В июле этого же года на лечение в Карлсбад приехал Тютчев. Между 21 и 26 июля - возможна их последняя встреча[7]. Клотильде было 61, Тютчеву - 67 лет... В августе того же 1870 года Клотильда многозначительно писала Екатерине, дочери Тютчева: „*...я слишком была приучена быть любимой*“[8].

С пометой „Карлсбад, 26 июля 1870 года“ датирован один из последних шедевров любовной лирики, озаглавленный криптонимом „К. Б.“. Стихотворение было опубликовано в двенадцатом номере известного литературного журнала „Заря“. В журнале публиковались ведущие литераторы России (И. Тургенев, Я. Полонский и др.).

Аксаков в биографическом и литературоведческом исследовании „Биография Фёдора Ивановича Тютчева“ (Москва, 1886) стихотворения „К. Б.“ как бы не заметил... В начале XX века петербургский поэт Пётр Быков, когда-то знавший Тютчева, издаёт все известные к тому времени стихи Фёдора Ивановича. В примечании Быков указывает, что будто поэт Я. П. Полонский, коллега и давний друг Тютчева, незадолго до своей смерти (в 1898 году) сообщил ему, Быкову, о необходимости инверсирования „К. Б.“ в „Б. К.“ и прочтения криптонима фразой „Баронессе Крюденер[9]. (Баронесса Амалия Крюденер, урожд. графиня Лерхенфельд, во

---

[6] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах (т. 1 „Стихотворения“, т. 2 „Письма“) // Вступит. ст. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева; подгот. текста, составл., коммент. К. В. Пигарева // М. 1984. С. 59, 71, 76, 133.

[7] *Николаев А. А.* Загадка „К. Б.“ // „Нева“, № 2, 1988, с. 190

[8] Тютчевский альбом / С. А. Долгополова, А. Е. Тархов. Составление // М. 1994. С. 152.

[9] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений / С критико-биогр. очерком В. Я. Брюсова; библ. указ., примеч., варианты под ред. П. В. Быкова // Спб. 1912. О критике данного издания см. Об издании «Полного собрания сочинений» Тютчева (1912). Письмо Г. С. Гагарина П. В. Быкову 14 ноября 1912 г. / Публикация А. А. Николаева // Литературное наследство... Кн. 2, с.534.

втором браке графиня Адлерберг, - юношеское увлечение Тютчева.) С указанной расшифровкой тогда же аргументированно не согласился почитатель таланта Тютчева известный русский поэт Валерий Брюсов, резонно возражая, что у Федора Ивановича с Амалией не было „*вековых разлук*", что любовь-дружба с Амалией была общеизвестна и не нуждалась в замысловатых криптонимах, несвойственных Тютчеву, что к 1870 году Амалия уже 15 лет была графиней Адлерберг.. Против Брюсова резко выступил известный филолог Роман Брандт, друг второго поколения семьи Тютчевых, категорично настаивая на версии Быкова. Брандт мотивировал свой довод совпадением эпитета в стихотворении „Я помню время золотое...", которое по мнению большинства тютчевоведов адресовано Амалии (хотя документальных подтверждений этому нет!), и в стихотворении „К. Б.". Фраза „*время золотое*", действительно упоминается в обоих лирических произведениях. Но довод Брандта признать достаточным никак нельзя. Словосочетание „*время золотое*" в русской поэзии и фольклоре устойчиво выражает лучшее время жизни, чаще всего это время молодости. Эпитет „*золотое*" у Тютчева обозначает высшее качество и в этом смысле встречается во многих стихотворениях: „*Златой* рассвет небесных чувств твоих" („К Н."), „Любви признание *золотое*" („Сей день я помню для меня...") и многих других. В то же время встречаются сходные поэтические сравнения в адресации заведомо разным лицам. Например, образы женщин, ушедших из жизни: „Недостижимый, неизменный, // Как ночью на небе звезда..." („Ещё томлюсь тоской желаний...", посвящено памяти Элеоноры, первой жены поэта) и „...и она ушла // И скрылась в небе, как звезда." („Я знал ее ещё тогда...", посвящено предположительно памяти императрицы Александры Фёдоровны).

В большинстве всех последующих изданий стихотворений Тютчева (по сегодняшний день!) примечание Быкова к стихотворению „К. Б.", как факт неоспоримый, оставлено уже без ссылки на друзей семьи Тютчева.

Однако сомнения всё-таки остались: литературовед А. А. Николаев выяснил, что Амалия Адлерберг в июле 1870 года среди отдыхающих и гостей курорта в гостиницах Карлсбада не зарегистрирована[10] и не существует иных документов или

---

[10] *Николаев А. А.* Загадка „К. Б." // „Нева", № 2, 1988, с. 190.

достоверных свидетельств современников о её пребывании там в это время.

Создавалось впечатление, что близкие Тютчева, выполняя поручение И. Аксакова об умолчания чрезмерной склонности Фёдора Ивановича к сердечным привязанностям, „*L'abus des affections humaines*" (фр.)[11], стремились отвести внимание от действительного адресата...

Публикация стихотворения в декабрьской 1870 года книжке журнала „Заря" была замечена многими композиторами и уже в следующем году появились первые переложения на музыку. Новую жизнь стихотворение "К. Б." получило в романсе "Я встретил вас...". В прежних нотных изданиях сообщалось, что автор музыки неизвестен. Одним из исполнителей романса был известный драматический артист Иван Москвин. Его исполнение произвело однажды большое впечатление на профессионального певца Ивана Козловского, который на слух восстановил нотную запись мелодии. Тютчевоведами после десятилетий(!) поисков, дискуссий, находок новых композиторских имён (С. Донауров, А. Спиро), музыкальных жанров и вариантов выяснено, что автором музыки, ставшей народной, является композитор Л. И. Малашкин, сочинивший романс в 1880 году. Композитор, очарованный тютчевским стихом, очень точно ощутил музыкальность текста, тонкую возвышенность и интеллигентную чувственность нижеследующих строк:

Я встретил вас - и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое -
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осенью порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас,-

Так, весь обвеян дуновеньем

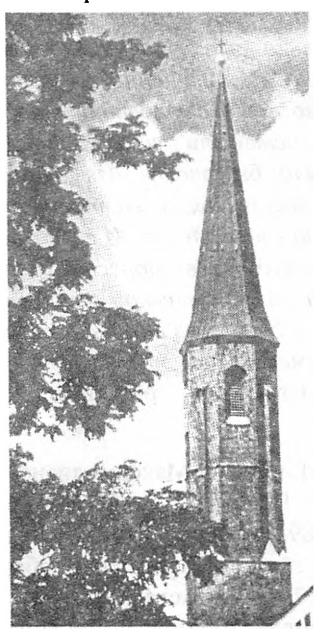
[11] Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой в сентябре 1873 года. См. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азадовского, А. К. Осповата и В. Н. Сажина // Литературное наследство... Кн. 2, с. 430.

Тех пор душевной полноты.
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне,-
И вот слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминание,
Тут жизнь заговорила вновь,-
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

Любимая женщина трех поэтов, наиболее вероятный адресат стихотворения „К. Б.“, баронесса Клотильда Мальтиц, урожд. графиня Ботмер, скончалась в Георгентале (Тюрингия) 5 сентября 1882 года.

Старинная католическая церковь святого Сальватора, построенная в 1494 году, перешла с 30 сентября 1828 года на греко-православное богослужение. Запись в церковных актах Сальваторкирхи о венчании Тютчевых появилась 27 января/8 февраля 1829 года. Венчал Тютчевых священник Григориус Калаганис. В православной Сальваторкирхе крещены все дети Тютчева, рожденные в Мюнхене. Крестной матерью неименно была Клотидьла.

„ЛЮБЛЮ ГЛАЗА ТВОИ, МОЙ ДРУГ...“

NESTI

“..я убежден, что ты до конца меня знаешь, и воспринимаю твою любовь как божий дар. ...Пусть я делал глупости, поступки мои были противоречивы, непоследовательны. Истинным во мне является только моё чувство к тебе“,- Фёдор Иванович Эрнестине, 17 декабря 1852 года.

“...О, что за мерзкая вещь - разлука, и сколько зла причинили мне разлуки с тобой!.. ...ничто не в силах успокоить и разогнать внутренний мрак, тогда как и четверти часа твоего присутствия было бы вполне для этого достаточно... О милая моя киска, то что я тебе здесь говорю - не выдумки. И если мне суждено когда-нибудь снова обрести хоть немного спокойствия и душевной ясности, то этим благом я буду обязан одной тебе, ибо ты одна имеешь на это власть и волю“,- Фёдор Иванович Эрнестине, 23 июля 1854 года.

Эрнестина-Генриэтта-Каролина-Максимилиана-Вильгельмина баронесса фон Пфеффель (¤ 20 апреля 1810, Дрезден - † 17 апреля 1894, Петербург) родилась в баварско-французской семье. её отец, Христиан Гюбер барон фон Пфеффель (1765-1734), уроженец Эльзаса, - баварский дипломат в Голландии, Дрездене, Лондоне, Париже. Мать, Каролина (1789-1811), - баварская баронесса фон Теттельборн. Христиан Пфеффель - пле-

мянник двух знаменитых братьев: известного немецкого баснописца Готлиба Конрада Пфеффеля (1736-1809) и Кристиана Фридриха Пфеффеля (1726-1807), дипломата и историка Баварии. Эрнестина воспитывалась в пансионах Парижа и Страссбурга. 28 сентябре 1830 года в Париже она вышла замуж за баварского дипломата Фридриха Карла барона фон Дёрнберга (1796-1833). 21 февраля 1833 года овдовела. С Тютчевым обвенчалась летом 1839 года. В браке с Фёдором Ивановичем родила троих детей: Марию (1840-1872), Дмитрия (1841-1870) и Ивана (1846-1909). Её брат, Карл (1811-1890), известный журналист и публицист, был дружен с Тютчевым.

В январе 1833 года супруги Дёрнберг приехали из Ратисбонна в Мюнхен на Fasching, традиционный зимний карнавал. Через 24 года Дарья, дочь Фёдора Ивановича и Элеоноры, расскажет семейное предание о первой встрече её отца с её мачехой: "*Это произошло в феврале на балу. Маменька танцевала, а муж её, чувствуя себя нездоровым, решил ухать с бала, он не хотел мешать жене веселиться. Когда он подошел к ней, она разговаривала с каким-то молодым русским. Сказав жене, чтобы она оставалась и что он уедет один, он повернулся к молодому человеку и сказал ему: "Поручаю Вам мою жену". Этот молодой русский был папá. Приехав домой, г-н Дёрнберг слег; он заболел тифом и более не встал на ноги. Маменька рассказывала, что по возвращении домой она застала мужа совсем больным... Когда он умер, она долго не могла прийти в себя от ужаса и недоумения. Вместе с братом она уехала из Мюнхена в Ратисбонн. Там брат её заболел той же болезнью*",- запись Дарьи, дочери Фёдора Ивановича и Элеоноры, в июне 1857 года[1].

Склонный к мистицизму Тютчев был потрясён внезапной кончиной барона, поручившего перед смертью ему свою жену. Барон полагал, что приезжает в Мюнхен на развлеченье, но над своей жизнью он был уже не властен... Тютчев как завещание покойного принял последние слова Фридриха Дёрнберга.

---

[1] Воспоминания Эрн. Ф. Тютчевой / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство "Федор Иванович Тютчев". М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 102.

В контексте описываемого трагического события роковым совпадением выглядит другой эпизод этого же времени: отклонение ходатайства министром Нессельроде о переводе Тютчева из Мюнхена на службу в Гаагу (совместно с посланником Иваном Потёмкиным). Удовлетворение ходатайства означало бы, что Эрнестина в судьбе поэта не появилась бы...

Фатальная предназначенность друг другу Фёдора Ивановича и Эрнестины будет особенно остро ощущаться в кризисные моменты их совместной судьбы. Истории был угоден именно тот сценарий жизни и творчества Тютчева, который теперь уже засвидетельствован потомками.

В марте 1833 года еще не совсем выздоровевший брат Эрнестины, Карл, был уже в Мюнхене и сообщал в Ратисбонн сестре: *"Тютчев, которого я повстречал на улице, чрезвычайно интересовался вами"*. (Карл Пфеффель и Фёдор Иванович были знакомы с 1830 года.) Через шесть дней: *"Тютчевы звали меня обедать"*.

Насколько глубоким оказался след в сердце Эрнестины от встречи на зимнем карнавале? Вероятно, летом 1833 года она приезжала в Мюнхен и увлекшийся поэт вполне мог с ней эпизодически встречаться. Во всяком случае, у Элеоноры, жены Фёдора Ивановича, появился повод к беспокойству: *"Я не прочь отправить его немного прогуляться. Безделье - вещь коварная"*. Такая прогулка состоялась. С августа по ноябрь Тютчев с деликатным дипломатическим заданием был командирован в Грецию. Элеонора сопровождала мужа до Триеста.

Первые месяцы 1834 года и Фёдор Иванович, и Эрнестина были в Мюнхене. Об их сближении в это время можно говорить с определенной уверенностью.

С 26 марта до 1 мая 1834 года в Мюнхене гостил известный историк Александр Тургенев. Он знал Тютчева и многих других дипломатов, дружен с философом Шеллингом, был принят при дворе, часто посещал светские рауты. Молодящийся 50-летний холостяк с привычками опытного салонного кавалера обратил внимание на 24-летнюю баронессу-вдову Эрнестину Дёрнберг. Краткие выдержки из его дневника - история несостоявшегося романа[2]. Любопытно, что имена Фёдора Ивановича и

---

[2] Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / Публикация К. М. Азадовского и А. К. Осповата // Литературное наследство... Кн. 2, с. 63-98.

Эрнестины часто встречаются рядом в дневниковых записях Тургенева.

30 марта (н. ст.), первая встреча на королевском приеме: *"...Я стоял возле вдовушки-красавицы: она внучка славного Пфеффеля: отец её министром в Париже. Слушал, но более смотрел на нее..."*

3 апреля: *"Тютчев был у меня, приглашал к сардинскому посланнику ...Вечер у сардинского посланника, разговор с графом Гихом, с принцем*[3] *и с M-me Krudener*[4] *о минхенских красавицах. Не спускал глаз с милой вдовушки Дёрнберг-Фефель"*.

4 апреля: *"...Любезничал с вдовочкой Дёрнберг: насилу Тютчев увёл меня"*.

В последующие дни описание многочисленных встреч с баварскими знаменитостями, салонное времяпровождение, увлечение Эрнестиной. Записи типа: *"Вальсировал с Криденер, болтал с графиней Гих и с милой вдовочкой"*, *"...до 11 часов пролюбезничал умом и сердцем с прелестной вдовушкой"*, *"...вальсировал с вдовушкой; была любезна во весь вечер"*.

Появляются жалобы на отсутствие взаимности: *"К вдовушке подходил; но приняла сухо и убегала сближения... Сделал визит ей - она нездорова! ...Прообожал её до полуночи"*.

Заочно...

21 апреля: *"...Гулял с Шеллингом. Вечер в концерте: слышал Ромберга*[5]*, но только 1-ю половину концерта; от второй уехал и* ***норвежским напевам*** *перед королевой и блестящей публикой предпочел собственные - вдовушке, царице мыслей моих"*. Русская историческая наука не обогатилась в этот день новыми изысками Тургенева. Тютчев остался в театре.

Скандинавская тема уже однажды прозвучала в творчестве Фёдора Ивановича при переводе стихотворения немецкого поэта Иоганна Гердера „Песнь скандинавских воинов". Молодого Тютчева тогда, ещё в 1825 году, очевидно привлекла возбуждающая героика текста песни:

Вихрем помчимся,
Сквозь тучи и гром,

---

[3] Принц Карл (1895-1875), брат короля Людвига I.

[4] Баронесса Амалия фон Крюденер (1808-1888), жена российского дипломата Александра Крюденера.

[5] Бернхард Ромберг (1767-1841), известный музыкант, композитор.

К солнцу победы
Вслед за орлом!..

Теперь 30-летнего Тютчева тронула проникновенная лиричность композиторского исполнения норвежских напевов. Душа поэта резонансно откликнулась на мелодию звуков музыкой слов:

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоем углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженный во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул -
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

О страстном увлечении Тютчева театром упоминают многие близкие к Фёдору Ивановичу люди. Эрнестина позже удивлялась, что Тютчев прервал их совместное путешествие и уехал из Остенде в Брюссель только „*для того, чтобы увидеть на сцене знаменитую французскую трагическую актрису мадемуазель Рашель*“[6]. Иван Гагарин вспоминал, что Тютчев относился к той категории людей, „*которые так страстно любят театр, что готовы подвергать себя лишениям, обходиться даже без обеда, лишь бы только бывать в театре*“[7].

Вернёмся к Тургеневу и Эрнестине. Её неприязнь всё более очевидна: "*Сперва была вдовушка любезна; при других стала отворачиваться*". Тургеневу явно изменяет чутьё. кавалера...

23 апреля: "*...Идучи по своей улице встретил её с братом. Остановились; она держала букет цветов. ...Я стал её упра-*

---

[6] Письмо от 8/20 августа 1842 года. См. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азадовского, А. К. Осповата и В. Н. Сажина. // Литературное наследство... Кн. 2, с. 206.

[7] Тютчев в Мюнхене / Публикация А. К. Осповата // Литературное наследство... Кн. 2, с. 48.

шивать приехать к Сетто[8]*; сказала, что объявила уже, что не будет, что должна писать письма; я умолял её - не соглашалась; я пенял, что она не приняла меня, а других. Она и не знала, что я был. "Завтра?" - "Я в 12 часов выеду, - отвечала,- но придите в три"*". Появилась надежда...

На следующий день, 24 апреля, Тургенев опять у Эрнестины. Его назойливая влюбленность откровенно Эрнестине неприятна: "*...в три часа был уже у нее, до 4 часов ровно. ...говорил о моих чувствах ...начала отворачиваться, сказала, что не любит этого; я замолчал, заговорил о другом ...Не знаю, не более ли досады оставил в её сердце, чем... В 4 часа ушел, весь взволнованный и смущенный*". Будучи уверенным, что Эрнестина талась дома "*писать письма*" и в гости к семье баронов Сетто не поедет ("*объявила уже, что не будет*"), Тургенев направился к князю Ивану Гагарину ухаживать за Амалией Крюденер. Эрнестина же после ухода Тургенева сразу поехала к баронессе Сетто. Там был Тютчев. Об этом дне есть дневниковая запись Дарьи Фёдоровны Тютчевой через 23 года, в июне 1857 года: "*Маменька* (Эрнестина) *была знакома с нашей матерью* (Элеонорой), *а меня она знает со дня моего рождения. Когда я появилась на свет, маменька была с визитом у г-жи Сетто, это было после обеда. У моей матери благополучно окончились роды, и papa сказал об этом г-же Сетто, когда та поинтересовалась здоровьем моей матери. Маменька была тут же и таким образом узнала обо мне в тот самый день, когда я родилась*"[9]. Дарья родилась 12/24 апреля 1834 года. В 1868 году ко дню рождения 34-летняя Дарья получит от отца поздравительное письмо. Лирическая утонченность души поэта в изяществе его слога: "*Мне думается, милая дочь, что мне пора напомнить о себе, и для этого пользуюсь случаем, вполне естественно представляющимся при приближении годовщины дня, с которого между нами возникли отношения некоторой близости*"[10]. Но этим событиям ещё предстоит произойти.

---

[8] Барон Антон фон Сетто (1756-1847), баварский дипломат.

[9] Воспоминания Эрн. Ф. Тютчевой / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство... Кн. 2, с. 102.

[10] Письмо от 9/21 апреля. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах (т. 1 „Стихотворения", .т. 2 „Письма") / Вступит. ст. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева; подгот. текста, составл., коммент. К. В. Пигарева // М. 1984. Т. 2, с. 321.

Между тем навязчивые домогания путешествующего учёного Эрнестина отвергает всё более решительно.

26 апреля: *"...Был у ней; сперва был живописец; потом одевалась, не приняла и времени не назначила."*

По заказу отца Эрнестины придворный художник Йозеф Штилер писал её портрет. Йозеф Карл Штилер (1781-1858), автор портретов крупнейших деятелей немецкой культуры (Гёте, Бетховена, Гумбольта, Шеллинга), коронованных и знатных особ России (императриц Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, и Марии Фёдоровны, жены Павла I), 36 портретов самых красивых женщин Баварии, в том числе Амалии Крюденер. Художник-литограф Готлиб Бодмер (1804-1837) литографировал большинство работ Штилера. Портрет Эрнестины, к сожалению, считается утраченным. Возможно, что Эрнестина отвезла его к отцу в Париж. Однако сохранились две копии литографии Бодмера. Одна копия находится в музее Ф. И. Тютчева в Мураново, вторая - в мюнхенском городском музее.

28 апреля в гостях у графа Гиха непонятливый, но настойчивый Тургенев *"решился подойти к ней ...и просить о свидании завтра: "je ne serai pas à la maison"* ("меня не будет дома" фр.). *Наконец: "cela m'ennuye"* ("это меня раздражает" фр.)".

29 апреля: *"...он* (Карл Пфеффель) *показывал мне литографированный Бодмером портрет сестры, писанный Штилером. Сходства много".*

С опозданием догадался Тургенев о существовании близости между Тютчевым и Эрнестиной: *"...Тютчев и у меня перед обедом, и у нунция советовал быть смелее, шутить и пр. Я отвечал, что не хочу: он имеет о ней понятие, кажется, справедливое, но сам - любит её!"* Для этого откровения автору дневника понадобился целый месяц. А ведь такие были надежды, романические отношения длились целый месяц и вот незадача.

Финал наступил 1 мая: *"Еще темно ...в 5½ увидел карету: это она, одна ...я остановил карету, подал руку ...Отвечала то же сухо, не дала руки ...она сказала, что велит ехать, - я ушёл... вот и всё! Finita la comedia!"* ("Конец комедии!" итал.).

Упоминания об Эрнестине в записях отвергнутого Тургенева и в переписке с ним Ивана Гагарина будут еще не единожды.

Описываемый салонный роман в жизни Эрнестины продолжения не имел и остался только эпизодом. Выбор Эрнестины и Провидения был иным...

В мае 1844 года Фёдор Иванович с Эрнестиной, муж и жена, приедут в Париж и уведомят запиской Александра Тургенева о своем желании с ним увидиться. Краткое письмо завершится галантной фразой с многоточием в конце: *"Жена моя поручает мне передать вам привет и льстит себя надеждой, что вы также доставите ей удовольствие видеть вас..."*[11].

3 декабря 1845 года Александр Тургенев скончался. Тютчев написал своей тетушке Шереметьевой: *"Вы, конечно, пожалели о Тургеневе. При всем его легкомыслии и пустословии, в нём было много доброго, много души"*[12].

Правнук Эрнестины и Фёдора Ивановича, К. В. Пигарев, так писал о периоде 1833-38 гг. их жизни: „*Многое осталось от нас скрытым в истории отношений Тютчева и Э. Дёрнберг. Она уничтожила переписку поэта с нею за эти годы, а также свои письма брату - ближайшему другу, от которого у нее никогда не было никаких тайн. Но и то, что уцелело в виде загадочных дат под сухими цветами альбома-гербария, постоянного спутника жизни Э. Пфеффель-Дёрнберг, в виде случайно невычеркнутых её старательной рукой намеков в позднейших письмах к ней Тютчева, в виде глухих отголосков в переписке и дневниках немногих свидетелей интимной жизни поэта, наконец - и в особенности, - в некоторых стихах его, которые в свете этих данных приобретают глубокое автобиографическое значение, - свидетельствуют о том, что это не было чуждое «взрывам страстей» и «слезам страстей» увлечение, подобное любви-дружбе к «прекрасной Амалии»*".

В среде баварской аристократии было принято сентиментальное увлечение альбомами-гербариями с записями приятных воспоминаний. (Не лишен был этого увлечения и роман-

---

[11] Письма к разным лицам / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство „Фёдор Иванович Тютчев". М. 1988. Т. 97. Кн. 1, с. 547.

[12] Письма к родным / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство „Фёдор Иванович Тютчев". М. 1988. Т. 97. Кн. 1, с. 496.

тичный король-стихотворец Людвиг I. Иногда с засушенным памятным цветком хранился и локон волос...[13])

Все лето 1834 года Эрнестина была за границей, в Париже, в Швейцарии, но от брата она получала известия: "*Г-н Тютчев приходит ко мне почти каждые два-три дня, чтобы справиться о вас*"[14]. В конце лета Тютчев тоже был вне Мюнхена.

11 декабря 1834 года в Париже скончался Христиан Гюбер барон фон Пфеффель - отец Эрнестины. Эрнестина получила наследство, которое дало ей некоторую материальную обеспеченность. Встреч в феврале 1835 года не было: Тютчев ездил в Вену. Эмоциональный взрыв последовал летом 1835 года. В альбоме-гербарии Эрнестины есть июньская запись "*о счастливых днях, проведенных в Эглофсхейме*"[15]. Эту же пору года отмечает и Тютчев в песне о деве. Баварское лето в разгаре. Душа наполнена красотой природы. Предчувствие грозы - предчувствие любви:

В душном воздухе молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

---

[13] Bayer. Staatsbibliotek, Abteilung für Handschriften und seltene Drukke, Ludwig I. Archiv, 4. Taschen Notizbücher mit gepreßten Blumen.

[14] Письмо от 23 мая/4 июня 1834 года. См. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 193.

[15] Собрание К. В. Пигарева // Москва.

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

Капли-слезы дождевые, капли огневые - символ чувственного истока жизни.

Тогда же был создан "Восток белел". Всего три четверостишия. Какое ёмкое изображение скрытой страсти! Восток это восход, рассвет, начало дня, начало любви:

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало,-
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало,-
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...

Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя,-
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

Сердце Тютчева переполнено чувствами, мозг обостренно воспринимает мир. В душевном подъёме именно в это время Тютчев пишет одни из лучших своих творений о причастности человека к космосу "Тени сизые смесились...", "Сижу задумчив я один...".

Любимое стихотворение Льва Толстого "Тени сизые смесились..." переложили на музыку композиторы Катуар, Черепнин, Золотарев, Метнер, Гольденвейзер, Жиляев, Пейко[16]. Яркое воображение Тютчева передает растворение жизни в стихии

[16] *Благой Д. Д.* Тютчев в музыке // Литературное наследство... Кн. 2, с. 548-594

ночного мироздания, неотделимость космоса души от мирового космоса. Поэт часть Необъятного:

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул -
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всём!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утеши.
Чувства - мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Музыкант А. Б. Гольденвейзер записал о Толстом в 1899 году: *"Лев Николаевич начал прерывающимся голосом "Тени сизые смесились...", - но когда он произнес конец первой строфы "Всё во мне, и я во всём!...", голос его оборвался"*[17].

Композиторы Гречанинов и Метнер прочитали каждый по своему тонкое философское восприятие поступи времени живой природы в стихотворении „Сижу задумчив я один...". В природе всё циклично, будущее станет прошлым, человек бессилен изменить ход времени, осознание конечности бытия безысходно, но жизнь вечна:

Сижу задумчив я один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
Не нахожу.

Былое - было ли когда?

---

[17] Современники о Ф. И. Тютчеве: Сб. лит.-крит., мемуарных и эпист. материалов / Сост., подг. текста и примеч. В. Г. Деханова // Тула. 1984.

Что ныне - будет ли всегда?..
Оно пройдет -
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет - так,
Но с новым летом новый злак
И лист иной.

И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвесть,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь...

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской,
То знает бог!..
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох...

Красота весенней баварской природы чутко воспринимается возбужденной душой поэта. Появляются веселые хрестоматийно-известные стихи “Зима не даром злится...“ о румяной хохочущей Весне, которая прогоняет злую ведьму Зиму...

Весенним освежающим ураганом ворвалось в душу Фёдора Ивановича чувство к Эрнестине. Будущая жена Тютчева была “*поэтической, утонченной и женственной*“ натурой (Д. Ф. Тютчева[18]). Екатерина Фёдоровна Тютчева, дочь Элеоноры, образно, с восхищением и любовью через много лет писала об Эрнестине: “*Именно этот аромат свежести и таинственности присущ моей мачехе: ничего горячего, сверкающего, - лишь свежие запахи гор и чистый, бодрый горный воздух. Она не женщина, а девушка - вечный апрель с его ливнями, преходящими снегопадами*

[18] Там же

и внезапными прояснениями, с его легкими облаками, размываемыми ветром, - июльского солнца тут никогда не бывало"[19]. Эрнестина в апреле родилась, в апреле скончалась... Яркая и необычная женщина вошла в судьбу поэта.

Страсть прочно овладела обоими на годы. Русская культура обязана немецкой баронессе рождением непревзойденных жемчужин высокой поэзии.

7 октября 1847 года, уже после Мюнхена, гербарий Эрнестины будет воспет в стихотворении "Мечта". Точнее, гербарий будет поводом к новому размышлению 44-летнего Тютчева о времени. В стихотворении многократный повтор о двух засыхающих цветках (перевод с французского М. Кудинова):

На два цветка ваш выбор пал случайный,
И вот они без влаги и земли,
В моей руке, подвластны силе тайной,
Былые краски снова обрели.

Цветы живут и шепчут: "Посмотри-ка,
Красивы мы, и ярок наш наряд..."
Сверкает роза, искрится гвоздика,
И вновь от них струится аромат.

Кто два цветка живой наполнил силой?
В чем тут секрет,- спросили вы меня.
Открыть его? Зачем же, ангел милый?
Вы просите? Ну что ж, согласен я.
...

7 октября (какого года?) - памятная дата из гербария. Роза и гвоздика, символ Её и Его (в французском языке слово "rose", т. е. „роза", женского рода, а "œillet", "гвоздика", мужского рода). Очевидно, что эти цветы оказались когда-то давно в гербарии не в холодную российскую пору. В южной Германии и Италии начало октября - еще неглубокая осень. Счастливых дней у Эрнестины и Фёдора Ивановича было в ту пору немало. Гербарий-дневник сохранил и такую восторженную запись: "*Воспоминание о 20 марта 1836 года!!!*". В 1836 году новый фейерверк изящных

[19] Воспоминание Эрн. Ф. Тютчевой / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 99.

лирических обращений к Эрнестине - "Люблю глаза твои, мой друг...", "Вчера в мечтах обвороженных...".

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья

На заре человеческой духовности лирический персонаж „Книги Песни Песней", царь-поэт и любовник, обращался к возлюбленной: „*Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих... Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня*". Ответы возлюбленной еще более страстны: „*Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки его лучше вина... Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви... Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды... Мой возлюбленный пошел в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии...*". Брюсовский символизм когда-то ещё будет... Вдохновение поэтического гения, умноженное на силу его чувств, рождало стих "Вчера, в мечтах обвороженных", в котором выверенность каждого слова, точность рифмы, необычайность словосочетаний с феерическим финалом воплощали волшебство земной любви:

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах, томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вкруг тебя молчанье.
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное духанье
Струилось в воздухе слышней.

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,

И твой, взвеваясь сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно-брезжущим коврам,
Вот ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям,-

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента развеваясь,
Меж пологами развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

2 мая 1836 года Элеонора, жена Тютчева, совершила попытку самоубийства...

Некоторое время Фёдор Иванович и Эрнестина не встречались. В июне Тютчев две недели был в Вене. В Мюнхене до середины июля он жил без семьи: Элеонора с дочерьми находилась в Фарнбахе (недалеко от Нюрнберга). Эрнестина же готовилась покинуть Мюнхен, но еще не уехала... Перед её отъездом в альбоме-гербарии появилась запись с восклицательными знаками: "*Воспоминание о моем отъезде из Мюнхена!! Понедельник, 18 июля 1836 г.*".

Мюнхен опустел... Фёдор Иванович пишет Ивану Гагарину два письма: первое, 19 июля, на другой день после отъзда Эрнестины, и второе еще через три дня (22 июля). В письмах Тютчев тересуется новостями петербургского высшего света. Он скучает по петербургскому обществу и согласен покинуть Мюнхен. От Элеоноры в Петербург идут нервные письма к родителям Тютчева: "*Любезная маменька, в вашем письме есть слова, которые заставили биться мое сердце и вызвали слезы на моих глазах. Неужели это возможно - чтобы этой зимой мы все соединились в*

Петербурге? ...Признаюсь, именно теперь эта возможность привлекает меня более чем когда-либо. ...пребывание в этом городе мучительно тягостно мне, и я живу лишь надеждой на то, что так или иначе все должно измениться“[20]. Служебные дела и материальные проблемы задерживают отъезд надолго, на целый год. Только 9/21 мая 1837 года Тютчев получил отпуск на три месяца и вся семья, наконец, выехала в Россию.

Но в Петербурге Тютчев томился и вновь заскучал по загранице. 3 августа Фёдор Иванович был утвержден старшим секретарем при российской миссии в Турине, столице Сардинского королевства, и 8 августа направился из Петербурга к новому месту службы. Элеонора с детьми осталась у родителей Фёдора Ивановича.

Элеонора осталась зимовать в России.

13 декабря 1837 года Тютчев из Турина послал родителям и Элеоноре в Петербург поздравительное письмо с Новым Годом, 1838. Обращаясь к Элеоноре Тютчев жалуется на разлуку: *"Терпение, мой друг! Я напишу тебе через несколько дней. Теперь же я хочу уверить тебя в том, что запоздание твоих писем заставляет меня переживать тяжелые минуты"*. В письме есть и такие строки: *"Вернувшись в начале этого месяца из Генуи, где мне чрезвычайно понравилось..."*[21]. В Генуе Тютчев был не один... В декабре там была и Эрнестина. Можно полагать, что любящая Эрнестина пожелала проявить здесь твердость. Их отношения давно не являлись романтической тайной. Быть причиной скандальных бурных конфликтов в семье Тютчева и мишенью для сплетников Мюнхена и Петербурга она более не хотела... Оба полагали, что расстаются навсегда. Через год в сентябрьском выпуске "Современника" будут напечатаны прощальные стихи Тютчева "1-е декабря 1837":

Так здесь-то суждено нам было,
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, её истлило
В твоей измученной груди!..

---

[20] Письмо Элеоноры из Фарнбаха от 22 июня/4 июля 1836 года. См. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 195.

[21] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 33.

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

В Генуе в том же декабре того же 1837 года была написана "Итальянская villa", аллегория о заснувшей не́когда любви и через два века вновь пробуждающейся:

...
Вдруг все смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал,-
Фонтан замолк - и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:

"Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь с её мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?"

Впрочем, генуэзское "*прости*" в туринский период жизни Тютчева не было последним. За генуэзским последовало женевское "*прости*".

Через годы, 8 августа 1846 года, Тютчев в письме из Москвы будет напоминать гостившей в Женеве Эрнестине: "*Женева, гостиница Бергов, Рона, ты, я - восемь лет назад*"[22]. В гербарии Эрнестины есть веточка из сада Вольтера в Фернее (недалеко от Женевы). Возле веточки дата: *12 марта 1838 года...*

В мурановском архиве хранится письмо Карла Пфеффеля сестре, из которого следует, что 5 марта она была в Женеве[23]. Девятым марта 1838 года датирован рукой Эрнестины портрет Фёдора Ивановича, выполненный молодой художницей-

---

[22] Там же. С. 111.

[23] *Долгополова С. А. и Тархов А. Е.* Музей-усадьба „Мураново" им. Ф. И. Тютчева. Прижизненная иконография Тютчева // Литературное наследство... Кн. 2, с. 616.

дилетанткой Ипполитой фон Рехберг. 30 марта Тютчев был ещё в Женеве[24].

Четвертым апреля 1838 года датированы грустные стихи о предстоящей разлуке (перевод с французского М. Кудинова):

Устали мы в пути, и оба на мгновенье
Присели отдохнуть и ощутить смогли,
Как осенили нас одни и те же тени,
И тот же горизонт мы видели вдали.

Но времени поток бежит неумолимо.
Соединив на миг, нас разлучает он.
И скорбен человек, и силою незримой
Он в бесконечное пространство погружен.

И вот теперь, мой друг, томит меня тревога:
От тех минут вдвоем какой остался след?
Обрывок мысли, взгляд... Увы, совсем немного!
И было ли все то, чего уж больше нет?

Стихи эти написаны в Линдау, тотчас после Женевы. Как оказался Тютчев в Линдау по пути в Турин, в баварском городе на северном берегу Бодензее? Дорога Тютчева из Швейцарии в Турин через Линдау не проходит... Из Женевы через Линдау - путь Эрнестины в Мюнхен! Вероятнее всего, что Тютчев провожал Эрнестину в столицу Баварии до Линдау, где последовало линдауское "*прости*". Навсегда Фёдор Иванович и Эрнестина разлучиться были не в состоянии! Их расставание было не в интересах Истории!..

Считается, что вышецитированное стихотворение Тютчева адресовано Аполлониусу Мальтицу, коллеге и будущему родственнику, жениху свояченицы, Клотильды. Мальтиц поэтически никогда не вдохновлял Тютчева, особенно столь драматично[25].

---

[24] 30 марта/11 апреля 1838 года Тютчев из Женевы писал в Париж Ивану Гагарину, что через несколько дней возвращается из Женевы в Турин. См. Письма к разным лицам / ... // Литературное наследство... Кн. 1, с. 516.

[25] 22 июля 1847 года Фёдор Иванович писал Элеоноре: „*В Веймаре я застал Мальтица... Он все на той же точке, на которой я его оставил 4 года назад. Все та же песенка. Только эгоизм, составляющий основную черту его характера, обострился в нем, как обостряются черты состарившегося лица. Словом, общество его не было для меня*

Но вернёмся к 4 апреля 1838 года. В стихотворении „Устали мы в пути,..." речь не о Мальтице. 4 апреля рядом с Фёдором Ивановичом была Любимая Женщина, с которой предстояла разлука, а рядом с Аполлониусом - Клотильда, с которой Тютчев уже расстался... В стихотворении угадывается прощание с Эрнестиной и одновременный намек, который мог быть понятен только одной Клотильде: "*От тех минут вдвоем какой остался след?*". "*Мой дружеский привет Клотильде. Будьте счастливы - она и вы*",- пишет Тютчев Мальтицу в письме после текста стихотворения[26]. Это прощальное стихотворение посвящено как-бы Мальтицу, а в действительности, сразу двум женщинам: с одной поэта связывает сегодняшняя страсть, потрясшая его существование, с другой - прошлое, память чувства.

Возможно, еше в Женеве или несколько позже, но по поводу женевской встречи с Эрнестиной, была создана жемчужина тютчевской поэзии "Как ни гнетет рука судьбины..." ("Весна"). Сложность жизни, грусть и оптимизм - основной мотив настроения Тютчева весной 1838 года. Многообразие противоречивых чувств в душе поэта: нравственные страдания и радость весеннего обновления, озабоченность и надежда. Жить не прошлыми ранами сердца или страхом будущей кончины, жить, окунувшись в "*животворный океан*" настоящего:

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены,-
Что устоит перед дыханием
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор её сияет,

благотворно". См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 133.

[26] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н. Я. Берковского; сост., подготовка текста и примечания А. А. Николаева // Л. 1987. С. 423.

И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.
...
Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет,-
И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь-
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!...

Стихотворение „Как ни гнетет рука судьбины..." („Весна") 30-летний Л. Н. Толстой знал наизусть и цитировал в письме к А. А. Толстой 1 мая 1858 года: „*...нет полнее, гармоничнее этого счастия* (счастья „*угорания от весны*").

И ринься бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!

Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки"[27].

22 июля 1838 года после многих трудностей пути и опасного морского происшествия, которое едва не лишило жизни семью Тютчева, в Турин (из Петербурга), наконец, приезжает Элеонора. Дети на время оставлены в Мюнхене у её тетушки,

---

[27] *Тютчев Ф. И.* Стихотворения, письма / Вступит. статья, подготовка текста и примеч. К. В. Пигарева // М. 1957. С. 516.

баронессы Ганштейн. Муж и жена вдвоем. В семейных заботах она только о нём. Но не надолго.

28 августа/9 сентября 1838 года Фёдора Ивановича постигает трагедия: Элеонора внезапно умирает...

Роковыми оказались последствия пережитого ужаса в море на ночном пожаре.

Тютчев у её гроба стал седым за одну ночь. Его отчаяние и страдания неописуемы. Николай, брат Фёдора Ивановича, торопится к нему "*разделить его горесть. ...Я едва удерживаюсь от слез при мысли о бедном Фёдоре, да поможет ему Бог!*"[28].

7 ноября Фёдор Иванович на две недели приехал в Мюнхен и остановился у баронессы Ганштейн[29]. Здесь были его осиротевшие дочери. Из Мюнхена он выехал в Геную. Девятым декабря датировано письмо Карлу Пфеффелю от Эрнестины из Парижа, в котором она уведомляет брата о том, что немедленно выезжает к Тютчеву в Геную. В Турин к месту дипломатической службы Фёдор Иванович и Эрнестина возвращались вместе...

Вероятно, в Турине Эрнестине было посвящено лирическое стихотворение, в котором новые образы любви перекликаются со стихом "Вчера в мечтах обвороженных...":

...
А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,
Иль в сон иной бы перешла.

Последняя фраза дает основание предполагать, что стихотворение написано (или завершено!) в конце 1838 года или в начале 1839[30].

Жребий судьбы соединил две утончённые натуры ценой двух жизней... Они всегда будут помнить об этом. Через пять лет Тютчев адресует Эрнестине следующие слова: "*Милая моя кисанька,... Сегодняшнее число - 9 сентября - печальное для меня число. Это был самый ужасный день моей жизни, и не будь тебя,*

---

[28] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман приучастии К. М. Азадовского, А. К. Осповата и В. Н. Сажина // Литературное наследство... Кн. 2, с. 199.
[29] Stadtarchiv München, Polizeikartenregister Nr. 38461.
[30] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / ... // Л. 1987. С. 388.

он был бы вероятно и последним моим днем. Да хранит тебя бог". Бог хранил Эрнестину, чтобы она хранила Фёдора...

Тютчев готовил министра Карла Нессельроде к возможности своего второго брака. 1 марта 1839 года в характерной для Тютчева манере светской утонченности с частыми сослагательными наклонениями последовало пространное обращение: *"Граф, не могу выразить, как тяжела мне необходимость столь часто докучать Вашему сиятельству своими личными делами... Не входя в объяснения, которые были бы здесь неуместны и, вероятно, имели бы тот недостаток, что не заключали бы в себе ничего для Вас нового, я обращаюсь, граф, к Вашей снисходительной доброте, или, лучше сказать, - к Вашему великодушию, в надежде, что Вы доброжелательно отнесетесь к той просьбе, в отношении которой я решаюсь испрашивать Ваше благосклонное представительство. Предмет моей просьбы - разрешение вступить в брак"*[31]. 15 апреля 1839 году Нессельроде дал такое разрешение.

Так как Фёдор Иванович был православного вероисповедания, а Эрнестина католического, то венчались будущие супруги дважды, по обоим обрядам: 17 июля 1839 года в Берне (Швейцария) в православной церкви при российской миссии[32] и 10 августа в котолической церкви в небольшом городке Констанц, населённом пункте на южном берегу Боденского озера.

Венчание не обошлось без курьёзов. Рассказываают что, отлучившись без разрешения из Турина, Тютчев якобы захватил с собой в Швецарию дипломатические шифры, которые были утеряны „*в суматохе свадьбы и путешествия*".[33]

Со смертью Элеоноры для Тютчева завершилась и его дипломатическая деятельность. 6 сентября 1839 года Тютчев переехал в Мюнхен. 1 октября этого же года Тютчев по собственному желанию был уволен от занимаемой им в Турине должности, но при этом был оставлен в ведомстве Министерства иностранных дел с предоставлением ему отпуска.

---

[31] Письма к разным лицам / ... // Литературное наследство... Кн. 1, с. 533.

[32] В связи с малочисленностью в Швейцарии православного населения православные церкви располагались в приватных строениях и часто меняли свои адреса.

[33] Из „Автобиографических записок" А. О. Смирновой / Публикация С. В. Житомирской // Литературное наследство... Кн. 2, С. 481.

„...*за долговременным неприбытием из отпуска*“ 30 июня 1841 года Тютчев был исключен из числа чиновников Министерства и лишен звания камергера. Новое зачисление в ведомство Министерства произойдет 16 марта 1845 года, но это будет уже в Петербурге. А пока еще несколько лет Мюнхен останется пристанищем для тютчевской семьи.

Тютчев любил полные ярких впечатлений рассказы Эрнестины о своем детстве. Каждый звук голоса любимой женщины возбуждал сердце поэта:

О, как люблю я возвращаться
К истоку первых дней твоих
И, внемля сердцем, восхищаться
Рассказом - тем же все - о них!

О детстве, понятом так мало,
Чуть упомянешь ты порой -
И мнилось мне, что овевало
Меня незримою весной.

Это стихотворение написано 12 апреля 1851 года. (Перевод с французского А. Фета.)

Когда Эрнестине было чуть более одного года, а брату всего 5 дней, дети остались без матери. В 1857 году Дарья, падчерица Эрнестины, записывала в дневнике: "*Маменька родилась, кажется, в Дрездене, там похоронена её мать... Раннее детство её прошло в Мюнхене, у бабушки с материнской стороны, там её баловали, любили, лелеяли*"[34]. Эрнестина и её брат Карл Пфеффель родились в Дрездене, Эрнестина - 20 апреля 1810 года, Карл - 22 августа 1811 года, их мать скончалась 27 августа 1811 года[35]. Маленьких детей забрала к себе бабушка, после смерти которой наступили черные годы - воспитание мачехи. Когда Эрнестина сама станет мачехой, она сделает все возможное, чтобы её падчерицы не чувствовали своего сиротства. Дочери Элеоноры всю жизнь называли Эрнестину "*маменькой*".

В письмах Тютчева будут многократно звучать слова о теплоте отношений между дочерьми Элеоноры и Эрнестиной: "*Но*

---

[34] Воспоминание Эрн. Ф. Тютчевой / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 100.
[35] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Frhr., P13 (Pfeffel)

чем я не могу достаточно нахвалиться, это её нежностью к детям и её заботой о них, за что не знаю, как благодарить её. Утрата, понесенная ими, для них почти возмещена"[36].

Материального достатка семья Тютчева никогда не имела. Деньги были постоянной темой в переписке Фёдора Ивановича с миссией, Министерством, родителями. Тема эта не исчезла и во втором браке, но зазвучала в несколько другой тональности: "*Моя жена, не обладая большими средствами, имеет достаточно для содержания нас обоих, и готова все свое состояние до последней копейки истратить на меня* (в 1834 году Эрнестина получила наследство). *С прошлого июля и я, и дети, мы всецело живем на её счет, а сверх того тотчас после нашей свадьбы она уплатила за меня двадцать тысяч рублей долгу. Повторяю, она сделала это охотно, с радостью... Но справедливо ли, нет ли, я никак не могу согласиться на такой порядок, как на окончательный*"37. Щепетильный вопрос материальных взаимоотношений с Эрнестиной имел достаточные основания. Карл Пфеффель считал, что Тютчевым должны быть возмещены Эрнестине её затраты. Уже из Петербурга Эрнестина деликатно выговаривала брату, отстаивая Тютчева: "*Возвращаясь к той части вашего письма, где вы убеждаете меня попытаться вернуть средства, потраченные на расходы, которые не имея ко мне прямого отношения, подорвали мое состояние, отвечу вам, что я плохо представляю себе, где проходит грань между тем, что касается меня лично и что не касается. Разумеется, не будь я г-жой Тютчевой, я никогда не приехала бы в Россию . По правде говоря, я страшно много израсходовала вследствии того положения, в которое поставил меня мой брак... Когда вы увидитесь с Эйхталем*[38], *поговорите с*

---

[36] Письмо от 1 декабря 1839 года. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 43.

[37] Письмо от 3 февраля 1840 года. Там же. С. 47.

[38] Барон Симон фон Эйхсталь, банкир королевского двора, вёл денежные дела Пфеффелей. Его отец, Арон Эйхталь-Зелигман, в 1814 году получил дворянство и титул барона за. финансирование экономического развития Баварии. См. *Schnee, Heinrich.* Die Hoffinanz und der moderne Staat. Geschichte und System Hoffaktoren // Berlin, 1962, Bd. 4. S. 238. Семья Эйхсталей жила в престижном районе центра Мюнхена на Театинерштрассеҫ 1652 (адресация домов первой трети XIX века). См. Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch den Königlich-bayerischen Haupt- und Residenz-Stadt München, 1823. S. 42.

ним обо всем этом; я знаю, что он предубежден против моего мужа, и разрешаю ему сохранить все эти предубеждения за исключением тех, которые смогут заставить его усомниться в бескорыстии и благородстве чувств, достойных восхищения". Тютчев, разумеется, не знал об этой переписке[39]. 23 февраля/6 марта 1840 года родилась дочь Мария. 14 апреля 1840 года Тютчев извещал родителей: "*Ребенок был окрещен с именем Марии греческим священником. Северин*[40] *был крестным отцом, а маменьку в её обязанностях заменяла Клотильда*"[41]. Греческий священник был из православной греческой церкви Сальваторкирхе. Те же действующие лица в той же Сальваторкирхе 14/26 июня 1841 года крестили сына Тютчевых Дмитрия, названного в честь Дмитрия Северина. Детей Тютчева крестил митрополит Калиникас Кампанис[42].

В 1844 году мюнхенский период жизни Тютчева завершится и семья переедет в Россию. (Дочери Элеоноры учились в мюнхенском институте и приехали годом позже.)

В начале нынешнего века дети Тютчева, Дарья Фёдоровна (дочь Элеоноры) и Иван Фёдорович (Иван Фёдорович Тютчев, сын Эрнестины, родился в Петербурге в 1846 году), готовили к изданию письма отца: „*Перечитывая эти письма, я поражаюсь полному доверию, которое питал рара к трезвому и рациональному мнению своей жены. Хотя и чуждая России по своему происхождению, татап поняла и овладела всем горизонтом патриотической мысли рара - и в этом отношении рара говорил с ней так, как не говорил ни с кем*"[43]. В 1900 году, через 6 лет после смерти Эрнестины, увидели свет сочинения Тютчева, подготовленные к публикации вдовой поэта. В предисловии Дарья и Иван, люди пожилого возраста, восхитились гражданским под-

---

[39] Письмо от 14/26 августа 1846 года. См. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 218.

[40] Северин Дмитрий Петрович (1792-1865), российский посланник в Мюнхене (1837-1862).

[41] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 49.

[42] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch..., 1835. S. 91.

[43] Письмо Дарьи брату Ивану от 24 декабря 1902 года. См. *Долгополова С. А. и Тархов А. Е.* Музей-усадьба „Мураново" им. Ф. И. Тютчева. История Тютчевского мемориального собрания // Литературное наследство... Кн. 2, с. 603.

вигом Эрнестины: „*...Иностранка по происхождению, при вступлении в брак с Фёдором Ивановичем совершенно чуждая России, Эрнестина Фёдоровна* (русское отчество Эрнестины) *нарочно изучила русский язык, чтобы приобрести этим путем возможность читать в подлинниках стихотворения своего мужа, поэтический талант которого она любила и оценивала по достоинству. Этому обстоятельству, открывшему Эрнестине Фёдоровне всю красоту формы и всю глубину содержания стихотворений поэта, русская литература несомненно обязана сохранением большинства его произведений, которые иначе, при полном равнодушии автора к их участи, были бы утрачены навсегда... Иван, Дарья Тютчевы. Октябрь 1899 г.*“[44].

Принимая эстафету от Элеоноры, Эрнестина хорошо знала за кого выходила замуж. Фёдору Ивановичу и Эрнестине предстояло написать свою Книгу Бытия, в которой будут сюжеты драматические, трагедийные, но будут и счастливые...

Позволим себе не согласиться с мнением писателя Фёдора Фёдоровича Тютчева (сына поэта и Елены Денисьевой) о браке Фёдора Ивановича и Эрнестины, который уверял, что их брак „*не был, однако, особенно счастливым...*“[45]. Мать Фёдора Фёдоровича, по её мнению, совершала подвиг любви. Но это был не подвиг борьбы с ханженской моралью (такой подвиг нашёл бы понимание). Денисьева боролась не с обществом, она объявила войну только одному человеку - Эрнестине. Денисьева боролась за право быть счастливой ценой лишения этого права у другой Женщины, которой Тютчев дорожил и расставаться с которой не желал ни при каких обстоятельствах. Наиболее ценимые Тютчевым качества Эрнестины - интеллектуальное взаимопонимание и духовная близость, немыслимы были для Денисьевой. Фёдор Иванович всегда боялся потерять Эрнестину: „*...Видишь ли, киска, есть люди, которых преследует мысль о смерти, меня же преследует, как угроза искупления, страх потерять тебя... вот почему разлука порой кажется мне такой ужасной, хоть кричи... Не знаю только*

---

[44] Там же. С. 608.

[45] Связь с Еленой Денисьевой длилась с 15 июля 1850 года до её смерти 4 августа 1864 года. Через год, 2/14 мая в один день скончались также от чахотки 14-летняя Елена и годовалый Николай. Эрнестина приняла большое участие в судьбе 5-летнего Фёдора, будущего писателя Ф. Ф. Тютчева (1860-1916).

ли в прошлом любил я тебя, но очень ясно чувствую, что будущее без тебя меня бы ужаснуло“[46]. Такие строки получала только Эрнестина (перевод с французского М. Кудинова):

Как робко любящее сердце! Как с годами
Оно всё более охвачено тоской!
И врямя я прошу: о, не беги постой!
Ведь может каждый миг стать бездной между нами -
Между тобой и мной.

Неумолимый страх, гнетущая тревога
Легли на сердце мне и жгут его огнем.
Я слишком много жил,
Дней прошлых слишком много,-
Так пусть твоя любовь не будет прошлым днем.

Связь с Еленой Александровной длились долго, 14 лет. Елена Александровна настаивала на разрыве брака Тютчева, утверждая, что её отношения с Фёдором Ивановичем - перст божий. Но Поэт знал, что это не так, что, отбирая счастье, счастливой стать нельзя. Чувства Елены Денисьевой не имели „*божьего согласия*“ и изначально обрекались только на страдания и проигрыш. Жестокость поражения Денисьевой была обусловлена прочностью отношений между Фёдором и Nesti. Наиболее ценимые Тютчевым качества Эрнестины - интеллектуальное взаимопонимание и духовная близость, нереальны были для Денисьевой. Молодость и экзальтированность Елены Александровны не могли серьёзно соперничать с изысканным аристократизмом, женственностью, интеллигентностью и сдержанной силой характера Nesti. Денисьва, ослеплённая любовью, не видела этой дистанции и не понимала, что Проведением не она, а Эрнестина определена в жёны Поэту. О фатальном поручении барона Дёрнберга Елена Александровна не знала...

Тютчев посвятил Денисьевой цикл лирических стихотворений. Последняя любовь поэта из факта житейского и биографического, стала образом литературным, символом борьбы за право женщины на личное счастье, но, увы, с трагическим финалом этой борьбы:

---

[46] Письмо от 16/28 октября 1853 года. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 199.

Когда на то нет божьего согласья,
Как ни страдай она любя,-
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

За 34 года семейной жизни Тютчев адресовал Эрнестине 500 писем! Сколько же было расставаний-встреч и какой мерой оценить истинное чувство, при котором не иссякает душевная потребность в таком обильном эпистолярии! 500 писем - это 500 любовных признаний, 500 объяснений родственных душ.

Письмо к Эрнестине от 13 июля 1851 года: "*Милая моя кисанька, хочу воспользоваться одной из своих добрых минут, - минут просветления, для того, чтобы написать тебе спокойное и рассудительное письмо, такое письмо, которое ты могла бы прочесть перед моим дагерротипом, не обращая к нему упреков... В твоем письме разлит тихий покой, некая безмятежность, которая благотворно на меня подействовала. Я почувствовал себя живущим в твоих мечтаниях жизнью призрака. Этот вид существования не противен мне. После всех моих беснований это так успокаивает меня. Ах, милая моя кисанька, прости мне все те язвительные и глупые упреки, которыми я тебя осыпал... Ну согласись, милая моя кисанька, что порой я бываю поистине отвратителен. Но ты меня любишь, прощаешь меня и жалеешь... Еще раз повторяю, что нет человека умнее тебя*"[47].

Нить нежных отношений между Фёдором Ивановичем и Эрнестиной выдерживала испытания на прочность и в годы угара страсти Тютчева к Елене Денисьевой.

Его *духовный обморок* то ослабевал, то появлялся вновь. Он чувствовал свою вину перед Nesti. Её страдания угнетали поэта:

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

---

[47] Там же. С. 154.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, -
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Из дневника Анны Фёдоровны Тютчевой: „*У меня был длинный разговор с папá, который встревожен состоянием maman. Он опасается, как бы у нее не было истощения, и притом она грустит. Она говорит ему: «Я в мире никого больше не люблю, кроме тебя, и то, и то! уже не так»*“[48].

Дочери Элеоноры, Дарья и Анна, писали об Эрнестине в августе 1855 года: „*Maman как раз та женщина, которая нужна папá, - любящая непоследовательно, слепо и долготерпеливо. Чтобы любить папá, зная его и понимая, нужно быть святой, совершенно отрешенной от всего земного, а у папá ум благородный и глубокий...*“. Прочтем отрывок из письма Эрнестины падчерице Дарье: „*В прошлую пятницу почта принесла мне письмецо от моего Любимого с очаровательными стихами его сочинения:*

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, -

...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и её
Всесильная волна.

---

[48] Дневниковая запись 2/14 января 1853 года в Овстуге. См. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 253.

Хочу поговорить с тобой о Любимом, всегда таком хвором,- его состояние тревожит меня чрезвычайно. Прошу тебя, посоветуй ему продолжать пользоваться электрогальванизмом"[49].

„*Когда, что звали мы своим...*" („Успокоение") - вольный перевод стихотворения Н. Ленау „Blick in den Strom" („Взгляд в поток"). Перевод стихотворения датирован 15 августа 1858 года[50].

Письмо Эрнестины Дарье 12/24 июня 1859 года: "...*пишу тебе под грустным впечатлением отъезда Любимого, который покинул нас сегодня утром и отправился в Вильдбад, чтобы пройти там курс лечения. Две недели, которые он провел с нами здесь* (в Рейхенхале), *принадлежат к лучшим в моей жизни. Le Gracieux* ("Чаровник" фр.) *неизменно оправдывал свое наименование; несмотря на то, что мы обречены здесь на почти полное одиночество, он был так добр и ласков, что я была в восторге и не узнавала его... Мы совершили с Любимым несколько экскурсий... Чаровник был в восторге, а уж я-то!.. Убеждена, что сегодня в пути он сочиняет стихи, навеянные увиденным за последние дни*"[51]. Вот такая бесконечная любовь к мужу, физическое ощущение его таланта... А ведь их супружество в это время было далеко небезоблачным. Фёдор Иванович посвящал стихи Эрнестине всю жизнь, и в светлые, и в самые драматические годы, в годы наиболее глубокого *духовного обморока* отношений с Денисьевой. В апреле 1851 года Тютчев написал стихотворение ко дню

---

[49] Письмо от 31 августа/12 сентября 1858 года. См. Там же. С. 296.

[50] Nikolaus Lenau (1802-1850) - австрийский поэт-романтик. Настоящая фамилия поэта Niembsch. Он родился в венгерском городе Csatád (на территории нынешней Румынии) в семье казённого писца. В 1803 году семья переёхала в Будапешт, в 1818 - в Вену. В 1821 году в Фляйссбурге изучал венгерское право. Тогда же начал писать стихи. Под псевдонимом Ленау (укорочение фамилии деда Strehlenau, которую Niembsch добавил к своей фамилии в 1820 году в связи с получением дедом дворянства) писал с 1830 года. Публиковался, в основном, в известном баварском книготорговом издательстве Иоганна Котты. В июне 1843 года и в марте 1844 года Ленау посещал Мюнхен. В июне 1843 года Тютчева в Мюнхене не было. Вероятная встреча Тютчева с Ленау могла произойти в марте 1844 года. См. *Lenau, Nikolaus.* Werke und Briefe. Stuttgart und Tübingen. J. G. Cotta'scher Verlag, 1840.

[51] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 302.

рождения Эрнестины и как сюрприз положил в её альбом-гербарий. Но Эрнестина не заглянула тогда в альбом. Тютчев не подсказал, а позже о стихах забыл. Более двух десятилетий не пополняла Эрнестина альбом-гербарий памятных дат новыми записями о приятных воспоминаниях. Какого же было её изумление и волнение, когда в мае 1875 года, т. е. почти через два года после смерти мужа, она в гербарии обнаружила страничку, написанную рукой Фёдора Ивановича! Это не были стихи, это был вопль отчаяния, страх потери единственной жизненной опоры, это была мольба о будущем прощении:

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь на земле найти успокоенье
Мне благодатью ты б была -
Ты. ты, мое земное провиденье!...

Молитва с того света была услышана и принята: остаток жизни Эрнестина посвятила подготовке издания наиболее полного собрания сочинений Тютчева.

Во имя Великой Цели судьба страшной ценой соединила поэта и Эрнестину и не допустила их расставания до конца их дней...

...Февраль 1873. Угасающий Тютчев, зрение едва служит, одна рука неподвижна, тело - почти чужое... Поэт создает свой последний шедевр, последний гимн любви Эрнестине, последнее "*прости*":

Все отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон.
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

„НА ДРЕВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ВЫСОКОМ...“

ЭПИЛОГ

Гигант Гёте был для Тютчева олицетворением немецкого гуманизма. Во многом сходны оказались судьбы великих поэтов Германии и России. Тютчевский отклик на кончину Гете (в 1832 году) - эпиграф к жизни и творчеству самого Тютчева, слова, которые могут быть начертаны на могиле русского поэта:

На древе человеческом высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

“*В этом хилом теле обитал ум, принадлежажий к числу самых замечательных. Нисколько не ценя себя выше других, он, казалось, не относился серьезно к самому себе. Он признавал, что является в высшей степени unpraktisch* (“непрактичным“ нем.), *весьма этим огорчался, но знал, что тут ничем не поможешь, и вознаграждал себя тем, что питал некоторое презрение к натурам положительным и практическим*“,- Иван Гагарин Александре Бахметьевой о Фёдоре Тютчеве в письме из Парижа осенью 1874 года. Далее И. Гагарин пишет: “*Его не привлекали ни богатства, ни почести, ни даже слава. Самым глубоким, самым заветным его наслаждением было наблюдать зрелище, которое представляет мир, с неутомимым любопытством следить за его изменениями...*“[1].

Отсутствие у Тютчева тщеславных желаний - жажды известности, уважения общественного мнения - совершенно пора-

[1] Письмо И. Гагарина от 28 октября/9 ноября 1874 года. Тютчев в Мюнхене / Публикация А. К. Осповата // Литературное наследство “Федор Иванович Тютчев”. М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 48.

зительны. Самовыражая в великолепной поэзии необыкновенный интеллект, изящные философские раздумья, глубокие, проникновенные и как бы спокойные созерцания или усмиренную стройной ритмикой стихию бунтующих чувств, Тютчев не торопился к публикациям. Однажды он почти десятилетие(!) не публиковал ни одной строчки. Многие стихотворения Тютчева подписаны криптонимами. Тютчева не заботила память потомков. Он не стремился к созданию литературного памятника себе с незарастающей народной тропой.

Михаилу Петровичу Погодину в марте 1850 года Тютчев писал: *"Вы меня балуете вашими одобрениями и могли бы опять пристрастить к виршам, но какой может быть прок в гальванизированной музе?"*[2]. Через 18 лет(!) тому же адресату последовало, наконец, ожидаемое послание, но в тютчевской манере:

Стихов моих вот список безобразный -
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...

В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.

Эту авторскую позицию не следует воспринимать столь прямолинейно, как её высказал Тютчев. Данные четверостишия были написаны на шмуцтитуле сборника тютчевских стихов в 1868 года, на шестьдесят пятом году жизни поэта. К этому времени у Тютчева вышел всего только второй сборник![3] Погодин многозначительно ответил поэту, что его стихи "*...родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их внушающие, принадлежат к разряду вечных*". Надо отдать должное августейшим особам, которые с большим уважениям относились к тютчевской поэзии. Дочь Тютчева Дарья в декабре 1860 года писала, что к ней обратилась императрица Мария

---

[2] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах (т. 1 „Стихотворения", т. 2 „Письма") / Вступит. ст. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева; подгот. текста, составл., коммент. К. В. Пигарева // М. 1984. С. 144.

[3] Первый сборник под названием „Стихотворения Ф. Тютчева" был опубликован в 1854 году.

Александровна: "*Вот книга, принадлежавшая императрице* (покойной императрице Александре Фёдоровне, жене Николая I, которая скончалась 21 октября 1860 года). *Она будет вам дорогб. Мне очень хотелось .бы иметь такой же экземпляр стихотворений вашего отца*". Через полгода аналогичная просьба: "*Мне хотелось бы иметь копию стихов вашего отца, которые растрогали государя* (Александра II). *Надеюсь, что их напечатают, но нужно это сделать помимо вашего отца*"[4]. Ей принадлежала первая книжка Тютчева (1854 года).

Ф. И. Тютчев. Художница Ипполита фон Рехберг (Женева, 9 марта.)

Удивительные суждения высказывали взрослые дочери Тютчева об отце: "...*Он представляется мне одним из тех недоступных нашему пониманию изначальных духов, что исполнены разума, проницательности и огня.. Он совершенно вне всяких за-*

[4] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азадовского, А. К. Осповата и В. Н. Сажина // Литературное наследство... Кн. 2, с. 323.

конов и общепринятых правил!"[5]. Литературная интеллигенция высоко оценила Тютчева. Иван Тургенев в «Современнике» писал "*...г-н Тютчев, принадлежащий к поколению предыдущему, стоит решительно выше своих собратьев по Аполлону. ...от его стихов не веет сочинением, они все кажутся написанными на известный случай, как того хотел Гете, т. е. они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве*". Некрасов считал Тютчева равным Пушкину: "*...с третьего тома «Современника» начали появляться стихотворения, в которых было столько оригинальности мысли и прелести изложения, столько, одним словом поэзии, что казалось, только сам издатель журнала* (т. е. Пушкин) *мог быть автором их. Но под ними весьма четко были выставлены буквы Ф. Т. и носили они одно общее название "Стихотворения, присланные из Германии". ...мы решительно относим талант господина Ф. Т. к русским первостепенным поэтическим талантам*"[6]. Музыкально-лирическая простота поэтического изложения ощущений и неординарного восприятия природы, внутреннего душевного мира у Тютчева уникальна и не имеет аналогов в мировой поэзии. Эту особенность глубоко прочувствовал Владимир Соловьев, который в конце XIX века вновь привлек внимание к поэзии Тютчева: "*...сам Гёте не захватил, быть может так глубоко, как наш поэт, темный корень мирового бытия, не чувствовал так сильно и не сознавал так ясно ту таинственную основу всякой жизни - природной и человеческой, - основу, на которой зиждется смысл космического процесса и судьба человеческой души, и вся история человечества*"[7]. Молодой Николай Гумилев преклонялся перед поэзией Тютчева, хорошо знал её, всегда носил при себе томик его стихов. На вопрос, почему они всегда при нем, „*Милый друг,* - растягивая слова, ответил он В. В. Тютчеву: - *а если я вдруг забуду и, не дай Бог, искажу его слова, это же будет святотатство*"[8]. Поэт Лев Озеров писал: "*С первого взгляда Тютчев прост и доступен. Но всю жизнь читаешь его и всю жизнь открываешь в нем*

---

[5] Письмо Анны Тютчевой к сестре Дарье от 17/29 июня 1854 года. Там же. 265.

[6] Современники о Ф. И. Тютчеве: Сб. лит.-крит., мемуарных и эпист. материалов / Сост., подг. текста и примеч. В. Г. Деханова // Тула. 1984.

[7] Исторический вестник. 1903. Июль.

[8] *Ф. И. Тютчев.* Избранные стихотворения / Вступ. ст. В. В. Тютчева. Нью-Йорк // Изд-во им. Чехова, 1952.

все новые глубины и высоты. Поэтический мир Тютчева многомерен. ...Это мир Коперника, Кеплера, Эйнштейна"[9]. Оценка личности Тютчева любящей Эрнестиной в пользу её наблюдательности и ума: "*Но если даже ему и присущ дар политика и литератора, то нет на свете человека, который был бы менее, чем он, пригоден к тому, чтобы воспользоваться этим даром... Это светский человек, оригинальный и обаятельный, но надо признаться, рожденный быть миллионером, чтобы иметь возможность заниматься политикой и литературой так, как это делает он, т. е. как дилетант. К несчастью, мы не миллионеры...*"[10]. "*В нем жили две натуры, очень различные: мистическая, с юности питаемая чтением Жозефа де Местра, которым он чрезвычайно восхищался, во всяком случае в молодости, и натура скептическая, развивавшаяся путем изучения немецкой философии. Под воздействием первой он поднимался до вдохновения, и его естественная прозорливость становилась почти пророческой. Под влиянием второй он возвращался на землю, обескураженный и обескураживающий, подавляемый страхом небытия и страстно цепляющейся за жизнь как за высшее благо...*",- Карл Пфеффель о Тютчеве 31 июля 1873 года[11]. Жизнелюб Фёдор Иванович не мечтал быть услышанным. Его желание было скромнее - незримо присутствовать среди живущих. Но Великий Поэт благодарно воспринят потомками. Диалог Тютчева с Жизнью продолжается:

Хотел бы я, чтобы в своей могиле,
Как нынче на своей кушетке, я лежал,
Века бы за веками проходили,
И я бы вас всю вечность слушал и молчал.

---

[9] *Ф. И. Тютчев.* Стихотворения / Сост., вступ. ст. Л. Озерова „Вечный спутник". М.: „Книга", 1989.

[10] Письмо Эрнестины Тютчевой к брату Карлу Пфеффелю 1/13 января 1850 года. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 241.

[11] Там же. С. 427.

ПРОГУЛКИ С ТЮТЧЕВЫМ ПО МЮНХЕНУ

В Мюнхене во втором десятилетии прошлого века в 3000 домовладениях[1]. проживало около 60 тысяч жителей. Горожанам предлагали свои услуги 34 адвоката, 47 врачей (в том числе 4 зубных и 2 глазных), 3 винодела, 57 пивоваров, 16 переплетчиков, 1 сапожник зимней обуви, 14 часовщиков, 1 изготовитель барометров. Городской комфорт и здоровье мюнхенцев поддерживали умельцы, врачи и другие специалисты 210 профессий[2].

Мюнхен был столицей баварского государства, которым управлял король. 1 января 1806 года двадцать шестой курфюрст Баварии династии Виттельсбахов (генеалогической линии Цвайбрюккен), Макс IV Йозеф, стал первым баварским королем Максом I Йозефом, которого в 1822 году застал Тютчев. Династия Виттельсбахов, одна из древнейших в Европе, известна с 1180 года. К генеалогической линии Цвайбрюккен принадлежали также шведские короли от Карла X до известного вторжением в Россию Карла XII (1654-1718)[3].

Бавария считала себя правоприемницей Священной Римской империи, что означало во внешней политике наличие особых

[1] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch..., 1823.

[2] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch den Königlich-bayerischen Haupt- und Residenz-Stadt München, 1818.

[3] Genealogie des erlauchten Stammhauses Wittelsbach von Dessen. Wiedereinsetzung in das Herzogthum Bayern (11. Sept. 1180) bis herab auf unsere Tage. München, Herrmann Monz'sche Hofkunsthandlung und Buchhandlung, 1870.

интересов в Греции. Бавария соперничала с Пруссией за влияние в Германии и Европе, проводила активную внешнюю политику, вела собственные войны. В Мюнхене были аккредитованы посольства полутора десятков государств. После победы над Наполеоном российская миссия пользовалась высшим приоритетом внимания. Во внутренней политике новый баварский король Людвиг I утверждал наследование идеалов и традиций греческой демократии и культуры. Лучшие зодчие - Кленце, Гертнер, Фишер, Шванталер - выстраивают великолепные здания и памятники в стиле греческой архитектуры: Пинакотеку, Глиптотеку, Пропилеи, королевскую библиотеку и др. В городе издавались 25 газет (через 100 лет - 9!).

Наиболее раннее упоминание в архивных документах о российской дипломатической службе в Баварии относится к 1640 году[4], т. е. ко времени царствования Михаила Фёдоровича, первого представителя династии Романовых.

ГЕРЦОГШПИТАЛЬШТРАССЕ

„*Несмотря на малое количество дела, которое будет у этого чиновника на первых порах его пребывания здесь, я всё же постараюсь, чтобы он не зря потерял время, столь драгоценное в его возрасте*"[5],- столь деликатный доклад писал российский посланник граф Воронцов-Дашков в июле 1822 года министру Нессельроде по поводу прибытия 18-летнего Фёдора Тютчева в Мюнхен в качестве сверхштатного атташе. Здание российской миссии, которое приняло Тютчева в 1822 году, находилось на Герцогшпитальштрассе № 1139[6]. На той стороне улицы, где находился дом с тысячным номером, было всего 12 домов. В средневековом Мюнхене дома нумеровались не в пределах своей улицы, а в пределах городского района, которых в Мюнхене было 6: Альтштадт (старый город) и 5 форштадтов (предместий)[7]. Это бы-

---

[4] Bayer. Hauptstaatsarchiv, MA50335.

[5] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азадовского, А. К. Осповата и В. Н. Сажина // Литературное наследство „Федор Иванович Тютчев". М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 183.

[6] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch..., 1818. S. 13.

[7] В первой половине XIX столетия Мюнхен состоял из девяти городских районов: четырех центральных, образующих Альтштадт (Старый город), - Граггенауерфиртель (сокр. обознач. „Г"), Хакенфиртель („Х"), Крейц-

ла неудобная система, т. к. город расширялся и часто соседние дома могли иметь разницу в 50-100 номеров. Очередное упорядочение почтовых адресов было сущим бедствием для домовладельцев и почтовых контор. В адресных книгах указывались тогда одновременно старые и соответствующие им новые адреса.

Домовладельцем здания российского представительства был королевский адвокат Людвиг Якоб, который купил дом в 1808 году. Здание было построено ещё в 1574 году при курфюрсте Альбрехте V, для студентов семинарии святого Григория Магни. В 1694 году в здании находилась грегорианская семинария. Три курфюрста XVI века, герцоги Альбрехт V, Вильгельм V и Максимилиан I, содержали на этой улице госпиталь для заболевших служащих двора, нуждающихся в медицинской помощи. Так как на улице традиционно находились также общежития семинаристов, то улица периодически называлась то Seminarigasse, Семинарским переулком, то Spitalgasse, Госпитальным переулком. Название Herzogspitalstraße, Герцогшпитальштрассе, закрепилось только в XIX веке.

В год покупки дома Людвиг Якоб сдал первый верхний этаж (здание имело два верхних этажа) в наём российской миссии, соглашение об открытии которой состоялось 7 января 1808 года[8]. Первым российским посланником на Герцогшпитальштрассе был князь Иван Барятинский. Его аккредитация состоялась 14 декабря 1808 года[9]. Российская миссия при баварском дворе возобновила свое представительство после двухлетнего перерыва. До Барятинского с 1796 года по 1806 посланником был барон фон Бюлер. Ещё ранее, во времена курфюрста Карла Теодора, в 1788-89 гг., интересы России представлял „*Le Ministre de Russie Monsieur de Peterson*“[10], российский генерал-майор Христоф Вильгельм Петерсон (¤ 1735, Киль - † 1789, Мюнхен). Его сын, Александр Пе-

---

фиртель („К“), Ангерфиртель („А“), - и пяти предместий - Шонфельдфорштадт („Ш“), Изарфорштадт („И“), Св. Аннафорштадт („Св. А“), Людвигсфорштадт („Л“), Максфорштадт („М“). Сегодняшний Мюнхен - это 86 районов, к которым примыкают из-вне 38 общин.

[8] Bayer. Hauptstaatsarchiv, MA50315.

[9] Там же. В Мюнхене князь женился на графине Марии Келлер. В 1810 году в семье Барятинских родился первенец Александр, будущий генерал-фельдмаршал, наместник Кавказа, пленивший Шамиля. См. Дворянские роды российской империи. Т. 1. СПб., 1993. С. 159.

[10] Bayer. Hauptstaatsarchiv, MA50315.

терсон, был также российским дипломатом (в Веймаре). 15 декабря 1817 года Александр Петерсон вступил (в Мюнхене) в брак с Элеонорой графиней Ботмер, во втором браке Тютчевой.

В 1825 году российской миссии в здании уже не было. Этаж, на котором располагалась российская миссия, был перестроен. Декоратор-архитектор Жан Метивьé переоборудовал этаж под бальный зал[11]. Первый бал в новом зале был дан 12 октября 1825 года. Этот день был двойным праздником королевства: день именин короля Макса I Йозефа, день святого Максимилиана, и 15-й годовщина бракосочетания старшего сына короля, кронпринца Людвига, с принцессой Терезой Саксонской из дома Хильдбург.

По распоряжению короля Макса I день бракосочетания Людвига и Терезы (а заодно и день именин самого короля!) должен ежегодно отмечаться празднеством, получившем позднее название Октябрьского праздника, Oktoberfest[12]. Приглашенный на бал в бывшую российскую миссию 70-летний король переусердствовал в танцах, его сердце не выдержало и 13 октября баварская монархия обрела нового короля, Людвига I.

К 1833-35 гг. нумерация домов в Мюнхене несколько упорядочилась. Но улицы ещё не имели чётной и нечётной стороны. Бывший дом адвоката Якоба получил новый адрес, Герцогшпитальштрассе 18, который сохранялся последующие 110 лет. У этого здания оказалась счастливая судьба: дом простоял четыре столетия и менял только свой номер. Во время Второй мировой войны в результате „ковровых“ налетов авиации почти все строения древней Герцогшпитальштрассе были уничтожены. Остался только один дом, дом российской миссии, аккредитованной при

---

[11] Жан Батист Метивьé, Jean Baptiste Métivier, (1781-1857), архитектор, советник двора по строительству, носитель французской фамилии без дворянских приставок, оставил также след в мюнхенской адресной книге как автор проекта синагоги, сооруженной в 1824-1826 гг. в стиле позднего ренессанса на Театргассе возле Изартора (сейчас Вестенридерштрассе, 7). Культовое назначение здания сохранилось до 1889 года, затем оно многократно меняло владельцев. По проекту Метивье в Мюнхене выстроено несколько зданий, в основном для баварцев французского происхождения, в том числе для графа Монжелá и для графа Межана. См. Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch..., 1842, Band A. S. 76.

[12] Октоберфест весело отмечается и в наши дни. Празднества проходят в Мюнхене на Терезиенвизе, лугу Терезы. Октоберфест стал международным праздником пивоваров.

первом баварском короле. Он стоит по сей день и имеет номер 12. На этаже, занимаемом когда-то посланниками Иваном Барятинским (1808-1815), Фёдором Паленом (1815-1822)[13] и с 1822 года Иваном Воронцовым-Дашковым, сейчас находится государственный советник по школам, этажом ниже - один из отделов финансового управления. На здании висит мемориальная доска: „*Бывшая грегорианская семинария, 1694-1805*". О российском представительстве ни слова! Служащие финансового управления знают историю своего здания, им известно и о существовании российской миссии. Упоминается российская миссия и в книге Х. Габеля „Памятники Баварии": „*Герцогшпитальшрассе 12. Бывший дворец российского посланника графа Воронцова 1808* (!!), *принадлежавший, возможно Жану Метивьё*"[14] Отдадим должное баварскому историку, доктору Хейнриху Хабелю, информирующего читателей об адресе российской миссии, находившейся в Мюнхене почти 190 лет тому назад. При переиздании книги д-р Хабель обещал устранить неточность о первом российском посланнике при баварском королевстве.

КАРОЛИНЕНПЛАЦ

Куда переехало представительство после Герцогшпитальштрассе?

В адресных книгах 1823 года и 1828 года сведений об иностранных представительствах нет. Тютчевская переписка за этот период и другие источники ясности не вносят.

1 июня 1832 года Элеонора, первая жена Фёдора Ивановича, писала Николаю Ивановичу, брату мужа: „*...вы найдете нас в доме Кирхмайера на Karolinenplatz, где раньше жил дядя Николай, а позже Киреевские...*"[15]. Известно, что Иван Васильевич и Петр Васильевич Киреевские жили в Мюнхене в 1829 году. Из письма

[13] Адресная книга 1818 года сообщает адрес и состав российской миссии: „P a h l e n, Graf von. Ausserordentlicher Gesandter und bevollmдchtigter Minister. Herzog-Spital-Strasse, Nr. 1139. K r ü d e n e r, Freiherr, von. Legations-Rath. (Ebendaselbst)." См. Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch..., 1818.

[14] Denkmäler in Bayern / NE: Habel, Heinrich // R. Oldenburg Verlag, München, 1991. S. 225.

[15] Письма к родным / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство „Фёдор Иванович Тютчев" М. 1988. Т. 97. Кн. 1, с. 434.

Элеоноры следует, что их дом на Каролиненплац был посещаем ещё до 1829 года. Действительно, в письме родителям от 1/13 сентября 1842 года Тютчев, получив известие о смерти дяди Николая, сокрушался: „*...мой бедный дядя Николай Николаевич, который в 1828 году не желал покинуть Германии, не побывав на Рейне, и с этой целью уехал от нас в одно прекрасное декабрьское утро при четырнадцатиградусном морозе и четырех футах снега*“[16].

Каролиненплац - площадь в Максфорштадте, пригороде Макса, городском районе имени первого короля. Площадь названа в 1809 году в честь второй супруги короля Макса I Йозефа, Каролины, мачехи короля Людвига I[17]. Каролиненплац - довольно большая площадь, на которую выходит 5 улиц. В начале века на пощади было выстроено 5 зданий с боковыми фасадами на примыкающие улицы. Здания сооружались по проектам двух архитекторов: Карла фон Фишера[18] (Каролиненплац 1, 3, 4 и 5) и упомянутого Жана Метивье́ (Каролиненплац 2). Домовладельцем здания Метивье́ стал бывший премьер-министр граф Максимилиан Монжела́ (Montgelas).

Дом на Каролиненплац 1 был заказан семьёй скульпторов Кирхмайеров, Хайнрихом и Йозефом. Жилым был верхний этаж. Нижний этаж предназначался для скульптурного ателье.

Дом № 3 был известен сначала, как дворец барона Асбека, затем барона Лотцбека (с семейством барона Тютчев был длительное время близок) и, наконец, генерала Хомпеша, бывшего министра финансов. Хомпеш был заказчиком и дома № 5.

Дом № 4 известен как дворец кронпринца, но позже был выкуплен банкиром Шпиро.

Никто из упомянутых домовладельцев в этих зданиях не проживал. Здания, как правило, сдавались в наём иностранным миссиям. Во дворце кронпринца расположилось папское представительство: нунций, епископ граф Argenteau, и аудитор, прелат

---

[16] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах (т. 1 „Стихотворения“, т. 2 „Письма“) / Вступит. ст. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева; подгот. текста, составл., коммент. К. В. Пигарева // М. 1984. Т. 2, с. 69.

[17] Die Münchner Staßennamen / Herausgegeben in Zusammenarbeit mit dem Stadtarchiv München und dem Baureferat der Landeshauptstadt von Hans Dollinger // München, 1994. S. 152.

[18] Gesamtkatalog herausgegeben von der Archtektursammlung der Technischen Universität München und der Carl von Fischer Geselschaft. 1982. S. 116-130.

граф Curoli. В доме № 5 жил французский посол, генерал-лейенант барон Bourgoing[19].

Нумерация строений на современной планировке площади соответствует сложившейся к концу первой трети прошлого века. Из всех зданий сохранился в перестроенном виде только дом № 5.

В адресной книге 1835 года в перечне стран, аккредитовавших свои представительства, указана и Россия[20]. Сообщается список российских дипломатов: „*Его Сиятельство князь Гагарин, Григорий, посланник и полномочный Министр - Каролиненплац 3/1* (т. е. дом № 3, первый верхний этаж)".

Затем следует „*I поверенный секретарь Крюденер, Александр, барон, коллежский советник, кавалер ордена св. Анны II кл. с бриллиантами и ордена св. Владимира IV кл. - Бриеннерштрассе, 15/1*". Здесь до мая 1836 года жила *прекрасная* Амалия Крюденер.

Третьим в списке: „*II поверенный секретарь Тютчев фон, Теодор, камер-юнкер - Каролиненплац 1/1*". Дом Кирхмайера был необычной октогонной (восьмигранной) формы, имел на каждом этаже по 12 окон: скульпторам необходимо было много света. В этом доме у Тютчева в браке с Элеонорой Петерсон (урожд. графиней Ботмер) родились трое дочерей: Анна 21 апреля/3 мая 1829 года, Дарья 12/24 апреля 1834 года и Екатерина 27 октября/8 ноября 1835 года. Девочки были крещены в греческой Сальваторкирхе свяшенником Калиникасом Кампанисом. Крестным отцом Дарьи и Екатерины был посланник Григорий Гагарин[21].

Последним указан „*атташе Мартини, советник - Зонненштрассе 7/3*", родственник Александра Крюденера по материнской линии.

Несколько слов о семье российского дипломата барона Крюденера.

Георг Александр барон фон Крюденер родился в Эстляндии 10 сентября 1786 года, скончался в Стокгольме 18 января 1852 года. Родители Александра Крюденера - жители Прибалтики. Отец, российский майор, Эрнст Фромхольд фон Крюденер (Эстландия, 1752-1812), мать Юдит фон Мартини (1764-1829, Рига)[22].

---

[19] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1835. S. 25.

[20] Там же. С. 26.

[21] Salvatorkirchearchiv, Meldebogen Nr.12443.

[22] Genealogisches Handbuch des Adels. Freiherrliche Häuser A. Band IX / Starke Verlag. 1977. S. 251.

Род Крюденеров был давним и многочисленным. Первый Хайнрикус Крюденер был зарегистрирован в рижской книге должников 11 ноября 1289 года. (Немецкие рыцари появились в Прибалтике в 1202 году.) Многие Крюденеры XVIII - XX веков являлись российскими подданными.

Бурхард Алексис Константин фон Крюденер из Либавы (1746-1802) был российским посланником в Берлине, Дрездене, Венеции. Его (третья) жена Варвара-Юлиана, урожд. Витингхофф (1764-1824), внучка маршала Миниха, слыла поэтессой и писательницей (она была сочинительницей скандального романа „Valérie“), но более известна своим влиянием на трёх европейских монархов: российского Александра I, прусского Фридриха-Вильгельма III и австрийского Франца I. Как утверждает сама Варвара-Юлиана, именно она убедила названных первых лиц заключить Священный союз в 1815 году. Юлиану Крюденер упоминает Лев Толстой в „Войне и мире“. Ей посвященно большое исследование А. Н. Пыпина[23].

Полковник Отто Крюденер (1766-1838) служил полицмейстером в Петербурге.

В тютчевские времена генерал-.лейтенант Вильгельм Крюденер (1806-1867) был петербургским военным комендантом.

Родственник барона Крюденера полковник Павел Языков из Тулы (1792-1864), возможный родственник Тючева, возглавлял петербургский фарфоровый завод. (Тютчев однажды поражался обилию своих родственников, многих из которых он не знал.)

В далеком Тобольске 10 декабря 1834 года родился будущий профессор Академии исскуств Василий Перов. Его мама, Акулина Иванова, 9 мая 1848 года зарегистрировала свой брак с фактическим отцом своего сына, местным прокурором Грегором Густавом Фридрихом Крюденером. Это был его второй брак. Первый брак, с баронессой фон Штакельберг, завершился в связи с кончиной баронессы (в Петербурге) 20 февраля 1847 года.

В родстве с Крюденерами состояли Врангели, Струве, Бюловы. Один из потомков барона Крюденера, зондерфюрер Ганс фон Ден, погиб 2 января 1942 года под Великими Луками. В том же 1942 году погибла в Риге Фанни Михельсон, также потомок Крюденеров...

---

[23] *Пыпин А. Н.* Крюденер Варвара-Юлия / „Вестник Европы“, 1869, VIII, IX

После Второй мировой войны количество Крюденеров не уменшилось. 17 февраля 1967 года в Баден-Бадене собрался съезд представителей Крюденеров и постановил создать союз их имени, который 3 мая того же года был зарегистрирован в правовом управлении Баден-Бадена[24].

Некоторый след оставили и Мартини, один из которых был предшественником Тютчева в должности цензора Министерства иностранных дел. На таковой должности Мартини стал известным в качестве инициатора запрещёния 7 июня 1827 года распространения в России первого тома „Путевых картин" Г. Гейне[25].

Жена Александра Крюденера, Амалия (1808-1888), незаконнорожденная дочь Терезы княгини Турн-унд-Таксис, урожд. принцессы Мекленбург-Штрелиц (Mecklenburg-Strelitz), сестры прусской королевы Луизы. Княгиня Тереза приходилась теткой Александре Фёдоровне, жене Николая I (т. е. Амалия и российская императрица были кузины). Фактическим отцом Амалии был баварский дипломат Максимилиан граф Лерхенфельд из Кёферинга (1772-1809). Непосредственно после рождения она носила фамилию Штернфельд из Дармштадта (Хессен), позже - Штаргард из Регенсбурга. Решением хессенского великого герцога Людвига I с 1 августа 1823 года Амалии разрешено именоваться графиней Лерхенфельд, но без права на герб и родословную[26]. В браке с бароном Крюденером Амалия состояла с 1825 по 1852 гг. и родила двоих детей.

Тютчевский дом на Каролиненплац простоял до осени 1859 года. „*Ему* (Тютчеву) *интересно будет узнать, что сейчас сносят маленький восьмиугольный домик на Karolinen-Platz, где он жил в течение нескольких лет*",- писал Карл Пфеффель сестре в ноябре 1859 года[27].

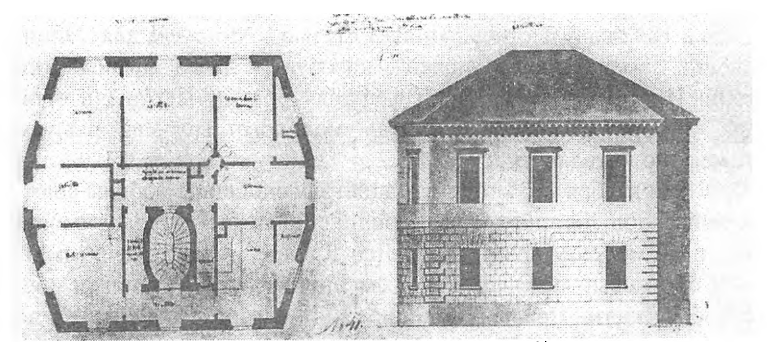
---

[24] Genealogisches Handbuch des Adels / Herausgeben vom Deutschen Adelsarchiv e. V.; bearbeitet unter Aufsieht des Deutscher Adelsrechtsausschusses. C. A. Starke Verlag, an der Lahn. Gegründet 1847 in Görlitz. B. VII, 1989, S. 40.

[25] Гейне Г. Собр. соч. в 10 томах. Л., 1959. Т. 10, с. 625.

[26] Standes-Erhebungen und Gnaden-Acte Deutscher Landesfüfsten während der letzten drei Jahrhunderte. Standes-Erhebungen und Gnaden-Acte verlihen von den Landgrafen und Grossherzogen zu Hessen-Darmstadt seit 10. Juli 1816 von Hessen und bei Rhein / Görlitz. Verlag von C. A. Starke. 1881. S. 519.

[27] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство ... Кн. 2, с. 308.

Архитектурный план дома скульптора Йозефа Кирхмайера на Каролиненплац 1. (Проект архитектора Карла фон Фишера.) В этом доме до мая 1837 года жили Тютчевы. В этом доме родились Анна, Дарья и Екатерина Тютчевы, дочери от первого брака.

Соседствующий с Тютчевыми (на Каролиненплац 2) упомянутый выше граф Монжела́ (1759-1838) был выдающейся личностью, опытным политиком, инициатором многих прогрессивных реформ. Сторонник просвещённого абсолютизма, Монжела́ стремился к созданию могущественной Баварии. Его фактическое правление (в качестве премьер-министра при короле Максе I) с 1799 года по 1817 выпало на нелегкий период баварской истории: вторжение и изгнание Наполеона, образование и распад скороспелых политических и военных союзов. Монжела́ умело маневрировал, меняя ориентацию от антинаполеоновской на пронаполеоновскую и опять наоборот. Его находчивости в период зависимости от Наполеона Бавария обязана бескровному удвоению своей территории и превращению рядового курфюршества во влиятельное королевство. Правда, новое королевство в качестве сателлита Франции вынуждено было помогать Наполеону в его русской кампании 1812 года, но немедленно повернуло оружие против французского императора, как только стало очевидным его неизбежное поражение. Среди баварских политиков граф имел много недругов, благодаря интригам которых первый министр Монжела́ в 1817 году был отправлен в отставку.

Современники высоко оценивают ум этого государственного деятеля. Тютчев был хорошо знаком со своим соседом и часто общался с ним. Большая разница в возрасте между Тютчевым и графом Монжела́ не была помехой их дружбе. Предполагалось ча-

же, что в 1842 году Тютчев напишет статью о Монжела́ для „Энциклопедии замечательных людей“, которую издавал французский историк И. Г. Шницлер[28]. Карл Пфеффель, брат Эрнестины (второй жены Фёдора Ивановича), считал молодого Тютчева равным Монжела́ по интеллекту[29].

18 октября 1833 года к двадцатой годовщине победы союзных войск под Лейпцигом на Каролиненплац был открыт, сооруженный по проекту архитектора Лео Кленце, двадцатидевятиметровый бронзовый обелиск. Главным инициатором установки обелиска был князь Вреде, командир 20-й баварской дивизией во французской армии 1812 года. Подходы к обелиску (ступени, площадки) сделаны из камня, взятого в Альпах возле горы Унтерсберг. Первоначально, ещё в 1818 году, предполагалось водружение монумента на университетской площади рядом с Римскими фонтанами, позже (по проекту Гертнера) - на Одеонсплац. Окончательная привязка (по настоянию Кленце) была сделана к центру круглой площади Каролины, Каролиненплац (напротив российского представительства)[30].

Сегодня памятник темнозеленого цвета, но 27 марта 1834 года Александр Тургенев в дневнике записал: „*...видел желтый памятник, погибшим в России. Cui bono?* („В чьих интересах?“ лат.) *и гибель, и памятник?*“[31]. Тургенев был озадачен посвящением памятника „*тридцати тысячам баварцам, которые нашли смерть на русской войне*“ с загадочным дополнением: „*Они погибли для освобождения родины*“. Надпись успокаивала современников, спрямляла зигзаги баварской истории для потомков, чтила память погибших. Российский дипломат Фёдор Тютчев ежедневно видел памятник баварцам, павшим в России в 1812 году.

В 1833 году был выпущен коллекционный талер с изображением обелиска.

---

[28] Там же. С. 206.

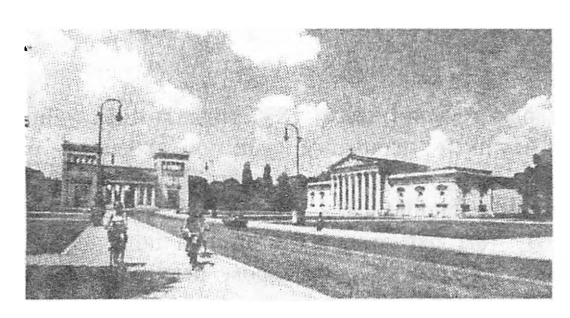
[29] Карл Пфеффель о Тютчеве / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство... Кн. 2, с. 33.

[30] König Ludwig I. von Bayern und seine Kunstschöpfungen zu allerhöchstdessen hundertjähriger Geburtstttagsfeier geschildert von Hans Reidelbach / Mit 42 Tafeln und 200 Text-Illustrationen. München. Jos. Roth, Herzogl. Bayer. Hofbuchhändler. G. Franz'sche Verlagshandlung. 1888. S. 265.

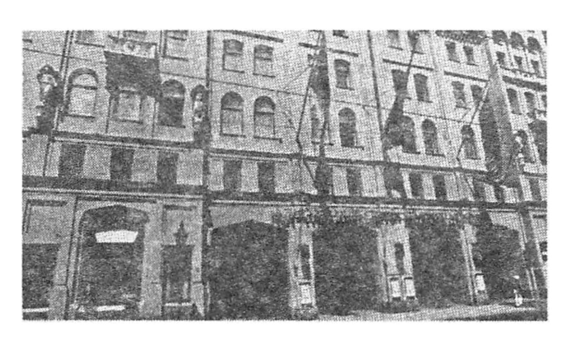
[31] Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / Публикация К. М. Азадовского и А. К. Осповата // Литературное наследство... Кн. 2, с. 73.

Герцогшпитальштрассе 12, здание первой русской миссии при Баварском королевстве, представительство которой открылось в 1808 году. В 1822 году это здание приняло на дипломатическую службу молодого Тютчева. В этом здании интересы России представляли посланники: Иван Барятинский (1808-1815), Фёдор Пален (1815-1822) и с 1822 года Иван Воронцов-Дашков.

Кёнигсплац. На фото: Пропилеи (архитектор Лео фон Кленце, 1854-62 гг) и справа Глиптотека (архитектор Лео фон Кленце, 1816-1830).

Гостиница „Четыре времени года" (на Максимилианштрассе 17), в которой 14/26-16/28 июня 1859 года останавливался Тютчев. Автор проекта - Р. Готтгетрой (1858). В 1903/04 гг. Хейлманн и Литтманн расширили здание. Гостиница упоминается в романе Л. Фейхтвангера „Успех".

ТЕАТИНЕРШТРАССЕ

После смерти Григория Гагарина (24 февраля 1837 года) посланником стал Дмитрий Северин, который в 1842 году переехал с Каролиненплац 3 на первый верхний этаж дома номер 11 по Театинерштрассе. Домовладельцем здания была семья книгоиздателя барона Котта[32].

Адресная книга 1862 года сообщает состав российской миссии, с которым Северин завершал свое 26-летнее пребывание в Мюнхене: „*Северин Дмитрий, действительный тайный советник, Посланник и полномочный Министр, Театинерштрассе 11/1; Вегезак Отто, каммер-юнкер и государственный советник, 1-й секретарь; Гамелая, секретарь, Променадештрассе 3; Мартини Адольф, государственный советник, атташе, Зонненштрассе 9/3; Бибиков Николай, атташе, Максимилианштрассе 21/2*“[33].

POLIZEIKARTENREGISTER NR. 38461

После перевода в Турин летом 1837 года Тютчев иногда посещал Мюнхен. Мюнхен теперь не был уже городом его аккредитации. Фёдор Иванович приезжал сюда на правах гостя. Каждый такой приезд фиксировался в Polizeikartenregister, полицейском регистре. В этом регистре гость города получал свой постоянный номер, номер досье, в котором регистрировались последующие визиты. (Такая удобная форма полицейского учета оказалась очень полезной потомкам-историкам.) В Polizeikartenregister города Мюнхена тютчевское досье имело № 38461[34]. Если приезжий останавливался в гостинице, то горожане могли узнать об этом из газеты „Königlich Bayerischer Polizei-Anzeiger von München“. Фамилии гостей города и в досье, и в Anzeiger'е иногда указывались неточно, т. к. чиновники полиции и гостиниц писали анкетные данные о приезжих часто на слух, со слов гостя.

При изложении дальнейших сведений учтены данные указанного досье.

Известно, что 11/24 июня 1838 года Тютчев в Турине узнал из газет о гибели парохода, на котором его жена Элеонора с

[32] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1842, Band b, S. 101.
[33] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1862.
[34] Stadtarchiv München, Polizeikartenregister Nr. 38461.

тремя дочерьми добиралась к нему из Петербурга[35]. В этот же день Фёдор Иванович оформил паспорт (с датой от 11 июня) и выехал в Мюнхен. Тютчева из Турина сопровождал его камердинер, Маттиас Хёлцль. 16 июня Тютчев в Мюнхене остановился у тетушки Элеоноры, баронессы Ганштейн, которая содержала пансион на Бриеннерштрассе 4. 23 июня вся семья после десятимесячной разлуки и тревожного происшествия, наконец, была в сборе. С Элеонорой путешествовала 24-летняя гувернантка-француженка Екатерина Жарден. 2 июля Тютчев снял ещё одну квартиру на прилегающей к Бриеннерштрассе площади Виттельсбахерплац 2 (нижний этаж), в доме Нойзигля. (Мотив снятия этой квартиры в опубликованной переписке не сообщается.) 10 июля Фёдор Иванович и Элеонора оставили детей у баронессы Ганштейн и выехали через Линдау в Турин.

В письмах периода брака с Элеонорой имя камердинера Маттиаса Хёлцля не встречается. Имя гувернантки упоминается в письмах Тютчева из Италии к старшей дочери Анне дважды: 28 декабря 1838 года („*Передай также мой привет доброй Екатерине*“) и в начале лета 1839 года („*Сердечный привет доброй Екатерине*“). Это уже будут письма к осиротевшей 10-летней девочке: Элеонора Тютчева скоропостижно скончалась в Турине 28 августа/9 сентября 1838 года. Через два месяца, 26 октября/7 ноября 1838 года, Тютчев навестил своих детей в доме баронессы Ганштейн.

Летом 1839 года Тютчев обвенчался с баронессой Эрнестиной Дёрнберг (урожд. баронессой Пфеффель) и решил временно оставить дипломатическую службу. Знакомый мюнхенский домовладелец, скульптор Йозеф Кирхмайер, с 6 сентября 1839 года предоставил Фёдору Ивановичу с Эрнестиной квартиру в другом своем доме, на нижнем этаже по Бриеннерштрассе 18. (В декабрьском письме Тютчев будет извещать, что переехал в Мюнхен в „*конце сентября*“.) Дом, в котором Тютчев начинал свою семейную жизнь в Мюнхене во втором браке, примыкал к восьмиугольному зданию на Каролиненплац 1, где завершилась его дипломатическая деятельность в Баварии.[36].

---

[35] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 38.

[36] Дом на Бриеннерштрассе 18 был построен в 1828 году по проекту архитектора Шопке и просуществовал до 1889 года Stadtarchiv München, LPK 1599/1, Nr. 185.

„*Тотчас по приезде в Мюнхен мы взяли их* (детей) *к себе, и две недели спустя дети так привязались к ней* (Эрнестине), *как будто у них никогда не было другой матери*",- сообщал Тютчев родителям 1/13 декабря 1839 года[37]. В этом же письме Тютчев намекает на беременность Эрнестины: „*...положение Нести вполне определилось*". Повидимому, это обстоятельство заставило Фёдора Ивановича искать несколько бóльшую квартиру, причем искать срочно.

ОТТОШТРАССЕ

С 24 февраля 1840 года семья Тютчевых живет на первом верхнем этаже дома виноторговца Макса Отта на Оттоштрассе 6, старой мюнхенской улице (также примыкающей к Бриеннерштрассе), переименованной королем Максом I Йозефом в 1815 году в честь своего новорожденного внука Отто, второго сына тогда ещё кронпринца Людвига. Ранее дом Отта числился в списке городских домовладений под номером 250. Соседний дом, на Оттоштрассе 4 (бывший номер 248) занят заботливым другом Фёдора Ивановича и его семьи графиней Клотильдой Ботмер (сестрой Элеоноры), в замужестве баронессой Мальтиц[38].

На Оттоштрассе родился первый ребенок Эрнестины. 14 апреля 1840 года Фёдор Иванович пишет родителям: „*моя коллекция барышень обогатилась ещё девочкой, которую моя жена родила в прошлом месяце. Ребенок был окрещён с именем Марии греческим священником. Северин* (российский посланник) *был крестным отцом, а маменьку в её обязанностях крестной матери заменяла Клотильда*"[39].

В Мюнхене была единственная греко-православная церковь - Сальваторкирхе, которой в январе 1829 года князем П. М. Волконским, министром двора и уделов, от имени императора

[37] Там же. С. 44.
[38] Дом был построен в 1828 году и принадлежал Национальному банку. В начале XX века на этом месте была построена гостиница „Русский двор", которую в 1914 году выкупило страховое общество „Allianz". См. Stadtarchiv LBK 7162.
[39] Там же. С. 49.

Николая I была подарена церковная утварь, всего 38 предметов[40]. Греческий священник - митрополит Калиникас Кампанис.

В упомянутом выше декабрьском письме Тютчев писал о своём новом образе жизни: „*...мы живём уединенно и тихо. Дети, Мальтиц и его жена* (т. е. Клотильда), *тетка Клотильды* (баронесса Ганштейн), её (Клотильды) *отец* (Карл граф Ботмер) *и братья - вот наше обычное общество*". Из всего семейства Ботмеров в Мюнхене в это время проживали три брата Клотильды: Фридрих, Ипполит и Максимилиан. Все они были офицерами баварской армии. Граф Карл имел незначительный для него офицерский чин обер-лейтенанта. Он жил на пятом верхнем этаже в большом доме № 21 на престижной Динергассе, улице, соединяющей исторический центр Мюнхена, Мариенплац, с Резиденцштрассе. Ближе всех к Тютчевым жил Фридрих, на Бриеннерштрассе 14. На Фюрстенштрассе 8а жил Ипполит. Это тоже близко от дома Тютчевых. В Людвигсфорштадте на Ландверштрассе 8 жил Максимилиан. К Фёдору Ивановичу он ходил пешком: выходил на Зонненштрассе и через Карлсплац и Барерштрассе за 20-25 минут приходил на Оттоштрассе 6[41].

КАРЛШТРАССЕ

Летом 1840 года Тютчевы отдыхали недалеко от Мюнхена на курорте Тегернзее. Сюда же приехала Амалия Крюденер. Здесь справляли её именины: „*Заботу обо всем взял на себя принц Карл, брат короля. Он очень дружески расположен к госпоже Крюденер, а так как он к тому же чрезвычайно любезен, то не упустил случая нарочно приехать из Мюнхена, чтобы в день её именин дать в её честь большой обед, на который пригласил всех её знакомых, находящихся в Тегернзее*"[42].

Тютчев возвращается в Мюнхен без семьи и пишет жене в Тегернзее. Его торопливое письмо от 3 сентября („*Четверг. Утром*") наполнено семейными планами: „*Пишу тебе, милая моя кисанька, второпях. ...Вся трудность заключается по-прежнему в недостатке места. Я ещё раз побываю в доме В., чтобы всё*

[40] Bayer. Hauptstaatsarchiv, MA 84 414.
[41] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1842, Band b, S. 51, 53-55.
[42] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 52.

выяснить и добиться, если возможно, окончательного ответа“[43]. Под криптонимом „*В.*“ имеется ввиду столяр Антон Вихан, дом которого Тютчев пытается снять. Фёдор Иванович добился окончательного ответа и 15 октября 1840 года в тютчевской биографии появился новый адрес: Карлштрассе 54/1. Улица названа в 1808 году королем Максом I Йозефом в честь своего младшего сына (от первого брака) 13-летнего Карла, того самого „*чрезвычайно любезного*“ принца Карла, который в 1840 году дал большой обед в честь именин Амалии Крюденер.

Карлштрассе расположена параллельно Бриеннерштрассе и восточной частью упирается в Оттоштрассе. Все названные улицы находятся в Максфорштадте, основном районе обитания Тютчева.

На Карлштрассе семья Тютчевых увеличилась ещё на одного человека: 14/26 июля 1841 года родился первый сын, пятый ребенок в семье. Крестным отцом был опять посланник Дмитрий Северин. Сына в честь посланника назвали Дмитрием. Фёдор Иванович извещал родителей через три недели: „*Ребенок крепкий и очень живой, и, несмотря на моё безразличное отношение к полу будущего ребенка, я был очень рад, что на этот раз появился мальчик, ибо этот раз, надеюсь, будет последним*“[44].

В Мюнхене, действительно, прибавления в семье Тютчевых более не будет. Через пять лет в Петербурге, 30 мая 1846 года, родится сын Иван, будущий почетный мировой судья и член Государственного совета, единственный наследник всего родового имущества Тютчевых. (В бывшей усадьбе Ивана Тютчева, Мураново, с 1 августа 1920 года усилиями потомков Фёдора Ивановича открыт известный музей имени Ф. И. Тютчева.) Ещё трое детей Фёдора Ивановича (в 1851, 1860 и 1861 гг.) будут рождены Еленой Александровной Денисьевой.

Но тогда, в 1841 году Тютчев, выражая пожелание прекращения прироста семейства, этих событий предвидеть не мог...

ЛЮДВИГШТРАССЕ

Тютчев любил мюнхенский Максфорштадт, а в Максфорштадте - Людвигштрассе, улицу, подаренную королем Максом I

[43] Там же. С. 55.
[44] Там же. С. 57.

Йозефом старшему сыну, кронпринцу Людвигу, в 1822 году. Одев корону Людвиг застроил улицу своего имени красивыми большими зданиями. В 1826 года из Ландсхута в Мюнхен на Людвигсштрассе был переведен институт (он назывался тогда Ингольдштадским т. к. до 1801 года предшествующие 340 лет находился в Ингольштадте), который стал называться Королевским. Количество факультетов было значительно увеличено. В 1840-43 гг. для Королевского института по проекту архитектора Фридриха Гертнера было выстроено новое здание. Институт позже был преобразован в Людвиг-Максимилиан-Университет (по имени двух королей-покровителей: Людвига I и его сына Максимилиана II). В университете преподавали европейские знаменитости Фридрих Тирш, Фридрих Шеллинг, Лоренц Окен. *„Я уже сообщил вам в моём последнем письме,-* писал Тютчев родителям 18/30 декабря 1842 года[45],- *о своем решении поместить в мюнхенский институт двух моих девочек, Дарью и Китти. Они поступили туда 1-го октября, и теперь, когда преодолели трудное для новичков время, очень довольны своим новым положением*“. Старшая Анна поступит в институт годом позже. Рядом с университетом Гертнер в 1829-44 гг. выстроил университетскую Людвигскирхе, в которой *„за алтарем, во всю стену от потолка до панели“* (воспоминание Николая Греча[46] висела картина художника Петера Корнелиуса „Страшный суд“, самая большая в Германии (209 кв. м). В 1830 года на Людвигштрассе 23 по проекту Кленце было построено здание военного министерства, в котором несколькими годами позже разместился Баварский государственный архив.

На Людвигштрассе проходили торжественные процессии: трогательные проводы 6 декабря 1832 года принца Отто (сына Людвига I) на греческий престол, встреча 11 октября 1842 года принцессы Марии Прусской, будущей королевы Баварии. 17-летняя принцесса Мария прибыла в Мюнхен после вечания 5 октября 1842 года в Берлине с кронпринцем Максимилианом Баварским. её приезд совпал с Октоберфестом. Об этой встрече Тютчев 13 октября сообщал Эрнестине: *„Третьего дня состоялся въезд молодой принцессы. Я смотрел из окна Снегиря.* (Снегирь - шутливое прозвище французского адвоката и публициста Этьена

[45] Там же. С. 74.

[46] Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / Публикация К. М. Азадовского и А. К. Осповата // Литературное наследство... Кн. 2, с. 89.

Межана. Межан жил на Людвигштрассе 4, занимал второй верхний этаж[47].) *Людвигштрассе представляла собой великолепное зрелище: на всем своем протяжении она казалась вымощенной человеческими головами*“[48].

Тютчеву была обещана квартира на Людвигштрассе и он её настойчиво добивался с несвойственной ему энергией в решении бытовых неурядиц. В указанном письме есть строки: „*Что до квартиры - то мне обещают сдать её 16-го. В противном случае я непременно обращусь к полиции. Впрочем знай, что в твоё отсутствие, если что и делалось, то делалось плохо*“. 16-го октября квартиру Тютчеву не сдали. Сдали 27 октября 1842 года. В этот день Тютчев въехал в свою последнюю (согласно досье Nr. 38461) мюнхенскую квартиру на третьем верхнем этаже в доме торговца мукой Коппа на Людвигштрассе 7[49].

Почти напротив дома находилась королевская библиотека. Она была построена по проекту Ф. Гертнера в 1832-39 гг. „*Перед широким зданием государственной библиотеки мирно сидели на солнышке высеченные из камня четверо мужчин древнегреческого типа с обнаженным торсом. В школе он* (господин Гессрейтер) *учил, кого они изображают. Теперь он этого, разумеется, уже не помнил. Если ежедневно проходишь мимо кого-нибудь, следовало, собственно, знать, кто это. Он как-нибудь обязательно наведет справку. Как бы там ни было, библиотека хорошая*“,- это строки из романа Л. Фейхтвангера „Успех“.

Тютчев, разумеется, знал этих греков.

Господину Гессрейтеру, фейхтвангеровскому персонажу, дадим справку. Четверо мужчин, *одетых* по греческим модам IV и более ранних веков до н. э., изображают: врача Гиппократа (460-377 гг. до н. э.), философа Аристотеля (384-322 гг. до н. э.), поэта Гомера (IX век до н. э.), историка Фукидида (между 460 и 400 гг. до н. э.). Эти люди для сведения мюнхенцев, наследников Священной Римской империи, являли олицетворение древнегреческой культуры. Фукидид оставил потомкам описание Пелопонесской

---

[47] Stadtarchiv München, Polizeimeldebogen, M67. Здание сохранилось по новому адресу: Людвигштрассе, дом № 7.

[48] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 71.

[49] Сведения о проживании Тютчева на Людвигштрассе в 1839 году (см. Литературное наследство „Федор Иванович Тютчев“. М. 1989. Т. 97. Кн. 2, иллюстрация на с. 455) не соответствуют Polizeikartenregister Nr. 38461.

войны между Афинами и Спартой в 431-404 гг. до н. э. В начале первого тома своего сочинения Фукидид между прочим заявил: „*Кто однако захочет узнать, как в действительности это было, то, так как в природе человека в будущем всегда опять такое или похожее может повториться, тот найдет мою книгу нужной и мне будет этого достаточно*“[50]. Тютчеву, знатоку античной культуры, было известно это фукидидово изречение, которое зазвучало в вольном поэтическом переводе 12 апреля 1866 года, резонансно его душевному состоянию:

Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась -
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...

Южный конец Людвигштрассе соприкасается через Одеонсплац с Резиденцштрассе. На Резиденцштрассе находится королевский дворец, Residenzpalast. Семья известного баварского дипломата барона Антона Сетто, часто упоминаемого в дневнике А. Тургенева, занимала первый верхний этаж в доме № 6 на этой самой аристократической улице города. В доме Сетто собирался высший свет Мюнхена и дипломатического корпуса. Здесь часто бывали Тютчев и Эрнестина. К апартаментам барона вела широкая парадная лестница. („*Поднималась ли ты по лестнице в доме г-жи Сетто?..*“- спрашивал Фёдор Иванович Эрнестину во время её приезда в Мюнхен в октябре 1853 года) В семье Сетто 24 апреля 1834 года Эрнестина узнала о рождении второй дочери Тютчева Дарьи.

ХУНДСКУГЕЛЬ

Но у Тютчева был ещё один адрес, который не указан в досье Nr. 38461. В 1844 году Тютчевы готовились покинуть Германию. За год до этого Фёдор Иванович ездил в Россию, затем вместе со второй женой, Эрнестиной, летом 1844 года, Тютчевы совершили путешествие во Францию. Квартира на Людвигштрассе за ненадобностью была возвращена домовладельцу Коппу. В июле Тютчев писал из Парижа в Веймар старшей дочери Анне (дочери

---

[50] König-Otto-von-Griechenland-Museum / NE: Murken Jan; GT. Bayerische Museen; Bd. 22 // München: Weltkunst-Verl., 1995. S. 8.

первого брака, Анна, Дарья и Екатерина, гостили тогда в Веймаре у свояченицы Фёдора Ивановича, баронессы Клотильды Мальтиц): „*Через несколько* ***недель*** *мы вернёмся в Мюнхен...*“[51]. Но уже 4/16 сентября Тютчев с женой и детьми от второго брака выехал из Мюнхена в Петербург. Где жили Тютчевы короткое время после приезда из Франции перед выездом в Россию? Проблему недлительного пристанища Эрнестина пыталась разрешить в переписке с братом Карлом. Её письмо брату из Виши 23 июля/4 августа 1844 года: „*Тысяча благодарностей за ваше столь любезное предложение предоставить нам вашу квартиру, когда мы будем проезжать через Мюнхен. Но мой муж и его слуга до такой степени неряшливы и беспорядочны, что я не могу воспользоваться вашим гостеприимством; один Бог знает, что они у вас натворили бы... Поэтому я решительно отказываюсь остановиться у вас, но если мой добрый Карл мог бы снять нам маленькую квартирку* <...>„[52]. Так снял ли „*добрый Карл маленькую квартирку*“?

После отъезда Тютчевых в Россию Эрнестина увиделась с братом только через 9 лет. Она вновь посетила Мюнхен осенью 1853 года. Из Петербурга Эрнестина получила тогда письмо от мужа: „*Что касается квартиры твоего брата, которая была тогда нашей* <...>„[53]. Значит „*Добрый Карл*“ квартирку всё-таки не снял и решился перетерпеть неряшливость и беспорядочность Тютчевых, с которыми расставался на неопределённое время.

Где жил брат Эрнестины? Об этом сообщает адресная книга 1842 года[54]: барон Карл Пфеффель занимал первый верхний этаж большого дома на Хундскугель 1184 (номер дома по старой мюнхенской нумерации). Как давно? Домовая книга уточняет: с октября 1836 года[55]. Ко времени принятия семьи Тютчева у Пфеффелей было уже четверо детей.

После отъезда Тютчевых в Россию семья Карла Пфеффеля переехала на второй верхний этаж дома по Театинерштрассе 11[56].

---

[51] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 92.
[52] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство.... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 208.
[53] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 200.
[54] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1842, Band b, S. 16.
[55] Stadtarchiv München, Alte Hausbögen 1184, Z. 46.
[56] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1845, S. 110.

Этажем ниже находилось российское представительство Дмитрия Северина.

Домовладельцем здания, в котором жили Пфеффели на Хундскугель, был граф Карл Рехберг-унд-Ротен-Лёвен. В те времена мюнхенцы именовали это здание Рехбергским дворцом.

В начале прошлого века улица Хундскугель („Hundskugel" - собачий шар) состояла всего из 3 домов, во второй четверти столетия - из 7. После упорядочения нумерации домов Рехбергский дворец получил адрес: Хундскугель 7.

Улица, названная когда-то Хундскугель, на карте Мюнхена существовала до конца XIX столетия. Дворец стоит и сегодня. Большое красивое V-образное здание, построенное ещё в 1678 году, с четырьмя высокими этажами, широкими окнами и лепными карнизами сохранило свой № 7, но по Хакенштрассе. Собственностью семьи графов Рехберг дворец стал в 1688 году. 9 марта 1838 года жена последнего домовладельца, Ипполита Рехберг, художница-дилетантка, писала в Женеве портрет Тютчева. Рядом с Фёдором Ивановичем была баронесса Эрнестина Дёрнберг, урожд. Пфеффель, во втором браке Тютчева.

В первой половине XIX века Рехберги сдавали здание в наём.

В 1805 году дворец был временным пристанищем для российского генерала, графа Григория Разумовского[57].

В 1828 году в Рехбергском дворце 7 месяцев жил Генрих Гейне. Гейне в гостиницах не останавливался. Переписка шла через лавку издательства И.-Г. Котты. (Лавка находилась на

[57] Граф Григорий Кириллович Разумовский (1759-1837) состоял в браке с баронессой Генриэттой Мальзен (1790-1827). В Баварии граф влюбился в графиню Терезу Шенк-цу-Кастель (1790-1818). Брак с баронессой был освящён католической церковью и по этой причине не мог быть расторгнут. Граф презрел условности и при здравствующей баронессе венчался с графиней в православной церкви Триеста (в 1806 году). Их сыновья, Лев и Максимилиан, не были признаны российскими подданными и наследственных прав в России не получили. Однако Австрия, где поселились новобрачные, признала второй брак графа Разумовского. Отец графини, Франц-Людвиг Шенк-цу-Кастель (1735-1821), известен многими благими деяниями, в том числе, созданием казённых детских домов в Баварии. См. *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга // С.-Петербург. 1895. Т. 2, с. 154.

Променадештрассе 10[58].) Но вот Вольфгангу Менцелю 12 января 1828 года Гейне сообщает свой частный адрес в Альтштадте „*на Хундскугель, в Рехбергском дворце. Как раз на днях я перееду на эту новую квартиру; перед той, где я живу сейчас, слишком часто рубят дрова*". Гейне действительно переехал в январе, т. к. в письме Деррингу от 23 января 1828 года он даёт указание: „*...посылайте их* (выдержки из газет) *непосредственно мне по адресу: Генриху Гейне, доктору прав, живущему в Рехбергском дворце на Хундскугеле*". Однако в 19-й строке домовой книги № 1184, записана с неясными исправлениями иная дата проживания: „*Генрих Гейне из Линенбурга, этаж 0* (т. е. нижний этаж) *с 1-го мая 1828 года до 2-го августа того же года*"[59]. Возможно, что до 1-го мая Гейне проживал в здании без записи в „Домовой книге". Переписка немецкого поэта эту деталь не уточняет. Гейне иногда указывал без комментариев: „*Мой адрес сейчас, и пока, и в дальнейшем, всё ещё: Г. Гейне, доктору прав, отдать в литературно-артистическую лавку издательства И.-Г. Котты в Мюнхене*".

В 1830 году во дворце Рехберга жил знакомец Тютчева барон Лотцбек, семейству которого ранее принадлежал дом на Каролиненплац.

В августе 1848 года (после смерти графа-домовладельца в январе 1847 года) дворец Рехберга за 60000 флоринов купил мастер по золочению Йозеф Радшпилер. Дом до сих пор принадлежит его наследникам. Нестандартная для Мюнхена мраморная мемориальная плита на уровне первого верхнего этажа сообщает, что здесь в 1827-1828 гг. жил Генрих Гейне. Авторы надписи допустили неточность: в 1827 году Гейне здесь ещё не было. Он останавливался в Рехбергском дворце в 1828 году, но этажом ниже.

Вышецитированные письма поэта и старая домовая книга, видимо, им неизвестны. Нынешним мюнхенцам Рехбергский дворец более знаком как „Радшпилерхаус" („Дом Радшпилера"). На небольшой площади напротив дворца находится сейчас оригинальный фонтан с колесом, вращающимся от водяной струи, вытекающей из рта стилизованной фигуры человека, разрезанного этим же колесом. Скульптура соответствует фамилии домовладельца: Radspieler - игрок с колесом.

---

[58] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1842, Band b, S. 101.

[59] Stadtarchiv München, Alte Hausbögen 1184, Z. 19.

Время сохранило ещё один дом исчезнувшей улицы, дом с бывшим адресом Хундскугель 2, старейший постоялый двор Мюнхена, известный ещё с 1440 года. Его нынешний адрес: Хоттерштрассе 18[60]. Теперь там экзотическая пивная „Хундскугель“. Хозяйка, госпожа Барбара Зигг, знает историю своего заведения.

ГОСТИННЫЕ ДОМА

Эрнестина Дёрнберг, будущая жена Тютчева, после смерти первого мужа, дипломата барона Дёрнберга (21 февраля 1833 года в Мюнхене), уехала в Ратисбонн, но 30 октября 1833 года вернулась в Мюнхен и поселилась в доме, принадлежавшем семейству книгоиздателя барона Котта, на Швабингер Ландштрассе 11 на втором верхнем этаже[61]. В 1891 году Швабингер Ландштрассе была переименована в Леопольдштрассе, в честь принца Леопольда (1846-1930), внука короля Людвига I. К дому Эрнестины часто подходил 50-летний холостяк, историк Александр Тургенев, который тщетно добивался взаимности 23-летней вдовы, но довольствовался лишь светом в её окнах: „*...все в каком-то угаре, но и в этом положении подошел к её окнам: в них был свет; я не пошел к Сетто*“[62]. Квартира была снята до 4 мая, но Эрнестина выехала на три дня раньше. Она ехала к больному отцу в Париж.

В Мюнхене в первой трети прошлого века было 9 гостиниц. Самые лучшие - „Золотой олень“ и „Чёрный орел“. В „Золотом олене“ на Театинерштрассе 18 (недалеко от Одеонсплац) летом 1832 года и весной 1834 жил Александр Тургенев[63]. В 1832 года в ней также останавливались граф Воронцов-Дашков, княгиня Разумовская, князь Трубецкой и другие именитые россияне. Князь Вяземский, задержавшийся в ней по дороге в Рим в октябре 1834 года, называл „Золотой олень“ „*лучшей в городе, но едва ли не худ-*

---

[60] Haus- und Straßennamen der Münchner Altstadt / Hugendubel, München, 1992. S. 500.

[61] Stadtarchiv München, Polizeikartenregister Nr. 24348.

[62] Запись в дневнике Тургенева 23 апреля 1834 года. См. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / Публикация К. М. Азадовского и А. К. Осповата // Литературное наследство... Кн. 2, с. 81.

[63] Königlich Bayerischer Polizei-Anzeiger von München, Nro 60, 1832; Nr. 24, 1834.

шей из всех немецких гостиниц"[64]. В этой же гостинице останавливалась Эрнестина с первым мужем, бароном Дёрнбергом, возможно, в январе-феврале 1833 года: „...*В час пришел ко мне Фефель* (Карл Пфеффель), *сказал, что сестра его жила когда-то над моей комнатой*"[65].

В октябре 1853 года, Эрнестина Тютчева приехала в Мюнхен и остановилась в гостинице „Маулик"[66]. Карл Маулик в 1845 года купил в центре города, на Кауфингерштрассе 21, у виноторговца Альберта Макса старую гостиницу „Чёрный орел". Изменение название гостиницы (и владельца) произошло уже после отъезда Тютчевых из Мюнхена. Эрнестина, как только приехала 23 октября, сразу же сообщила Фёдору Ивановичу, что остановилась в „Черном орле". Она жаловалась Тютчеву на „*ледяные комнаты*" и 26 октября переехала на Фюрстенштрассе 8 (к домовладельцу доктору Христмюллеру). Тютчев 16/28 октября отвечал Эрнестине: „*Гостиница «Чёрный орел», где ты остановилась, вызывает у меня только одно воспоминание: что-то около двадцати лет назад я приходил в нее повидаться с Вяземскими, когда они были проездом в Мюнхене*"[67].

1 мая 1854 года Эрнестина с дочерьми выехала из Мюнхена в Дрезден и 11 мая приехала в Петербург.

В июне 1859 года, по дороге на курорт Вильдбад, Тютчев побывал вновь в Тегернзее и Мюнхене: „...*всё, что я вижу, представляется мне сном... Здесь я остановился в „Четырёх вре-*

---

[64] Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 88.

[65] Запись в дневнике Тургенева 23 апреля 1834 года. См. Там же. С. 82.

[66] Stadtarchiv München, Polizeikartenregister Nr. 38461. Königlich Bayerischer Polizei-Anzeiger von München, Nro 83, 1853.

[67] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 199. Воспоминание Тютчева не согласуется с записями Вяземского, который сообщал, что в 1834 году останавливался в „Золотом олене". В конце XIX века на карте Мюнхена вновь появилась гостиница „Чёрный орел", но по адресу Ландверштрассе 32. „Чёрный орел" не забыт и сегодня, но теперь это только роскошная уютная пивная в центральной части города (на Амалиенштрассе 26), владелец которой сохранил старый герб „Чёрного орла". Впрочем в Мюнхене два „Чёрных орла", неведающих друг о друге. Второй „Чёрный орел" называет себя попросту трактиром („Wirthaus") и находится в окраиной части Мюнхена на Ландсбергерштрассе 456. Имя хозяйки трактира, баварки фрау Вайсс, - Татьяна.

менах года", где без тебя чувствую себя совсем не к месту"[68]. Возможно, что этот приезд Тютчева способствовал изданию через полтора года книжки переводов его 74 стихотворений, выполненных молодым ассистентом королевской и государственной библиотеки Генрихом Ное (1835-1896).

„Четыре времени года" - новая гостиница, её строительство было завершено в 1858 году. Автор проекта - Р. Готтгетрой (R. Gottgetreu). В тютчевское время адресом гостиницы был Максимилианштрассе 4. В 1903/04 гг. Хейлманн и Литтманн расширили здание гостиницы. Сегодня её адрес - Максимилианштрассе 17.

В 1931 году дорогая гостиница „Четыре времени года" была слишком шикарной для нациста Ганса Лаутензака: „*Я мог бы, конечно, позволить себе роскошь остановиться в „Четырех временах года". Но благоразумнее, если мы, видные деятели партии, не будем слишком выставлять себя на показ*". Гостиница оказалась по карману более состоятельному персонажу, Хильдегард баронессе фон Третнов (Л. Фейхтвангер „Братья Лаутензак").

Лион Фейхтвангер несомненно знал о существовании в Мюнхене с 1904 года Лаутензакштрассе. Будем считать совпадением имен литературного персонажа и немецкого художника-гравера XVI столетия Ганса Лаутензака, который был известен ландшафтами в стиле нидерландского реализма и портретами обитателей венского королевского двора. К идеологии нацизма художник, увековеченный в названии улицы, отношения не имел.

КЁНИГСПЛАЦ

Кёнигсплац - самая значительная и красивая площадь Мюнхена. Людвиг I называл это большое пространство „Королевской площадью", имея ввиду главенство новой площади над остальными площадями города.

Кёнигсплац в начале XIX века был большим лугом без застроек. С запада в плац входила Кронпринцштрассе, с востока - Кёнигсштрассе. Обе улицы позже были соединены и переименованы после поражения Наполеона под городом Бриенн (Brienne-le-Châleau) в Бриеннерштрассе. В более давние времена дорога через луг называлась Фюрстенвег, Княжий путь. Западный конец Кронпринцштрассе упирался в Кронпринцплац, названный в 1845 году

---

[68] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 261.

Штигльмайерплац в честь баварского скульптора-литейщика Й. Штигльмайера, отлившего из бронзы обелиск для Каролиненплац.

Планирование площади, на которой в конце концов появилось всего три здания, началось ещё в наполеоновские времена, но затянулось до окончания войны. Идеи королевской семьи, главным образом кронпринца Людвига, было поручено претворять в жизнь молодому профессору академии архитектору Карлу фон Фишеру (1782-1820). Фишер уже имел опыт застройки соседней площади, Каролиненплац. По первоначальному замыслу, явно под влиянием фельдмаршала-победителя Вреде, площадь отдавали военным. Здесь должны были располагаться: кадетский корпус, дом военных инвалидов, апостольская церковь и памятник погибшим на войне. Время не работало на войну. Начали появляться гуманитарные акценты: появилась идея построить ещё библиотеку. Позже эти акценты выкриталлизовались в самостоятельную и стройную концепцию. О военных зданиях больше не вспоминали.

Людвиг был гражданским человеком. Любящий папа, король Максимилиан I, на войну старшего сына не посылал, берёг для короны. (Младший брат Людвига, 19-летний принц Карл, успел повоевать под командованием Вреде.) Максимилиан I дал Людвигу блестящее образование, в том числе художественное: кронпринц закончил два университета (Ландсхутский и Гёттингентский) и учился искусству в Италии. Кронпринц был знатоком живописи, писал стихи, окружал себя жудожниками, поэтами, философами, скульпторами. Несостоящий нигде на официальной службе свободный архитектор Лео Кленце был другом Людвига. Благотворное влияние Кленце (1784-1864) на кронпринца и позже короля Людвига I Баварского длилось всю жизнь.

Кронпринцем была собрана гигантская коллекция египетских, античных и римских скульптур в мраморе, бронзе, базальте. Многие скульптуры представляли собой римские копии, ценность которых была не ниже ценности оригиналов. Для этой коллекции требовалось специальное здание, Глиптотека. Людвиг объявил конкурс. В 1813 году три архитектора - фон Халлерштейн, фон Фишер и Кленце - предложили свои проекты Глиптотеки. Людвиг отверг все три. В 1816 году новые проекты предложили фон Фишер и Кленце. Людвиг не принял обоих. Но в том же году был принят, наконец, третий вариант проекта архитектора Кленце. Соперничество двух зодчих было в пользу друга Людвига. В 1820 году фон

Фишер скончался и эстафету застройки площади окончательно принял Лео Кленце.

Для Глиптотеки предназначалась северная сторона Кёнигсплац. 14 лет длилось строительство музея и 30 сентября 1830 года архитектор докладывал королю, что к двадцатой годовщине Октоберфеста, дня королевского бракосочетания, музей открыт для народа. Работы по камню выполнялись сподвижником Кленце, мастером Антоном Рипфелем. Было сооружено 13 залов: зал фавна, Диомеда, сфинкса, Аполлона, Александра и др. Посетители увидели „Афродиту" Праксителя (VI век до н. э.), „Медузу" и „Босоногого" Лизиппа (VI век до н. э.), „Пьяную старуху", „Мальчика с гусем" , дочь Сократа, спящего Сатурна и другие шедевры древности[69].

Дневник Александра Тургенева 1834 года заполнен восхищениями Глиптотекой: „*Осмотрел Глиптотеку: конечно, в первый раз великолепие и внутреннее украшение здания меня более поразило* (Тургенев посещал Мюнхен в 1832 году), *ибо я не видел еще ватиканских сокровищ; но и теперь нельзя не подивиться средствам короля для сооружения такого храма одному из изящных художеств. ...Храм Эгины почти весь здесь в своих мраморах. Бахус - в зале своего имени - из дворца Барберини: все имена знакомые. В Европе ничто так не напоминает ватиканского музея, как эта Глиптотека*".

По концепции Кленце все строения на Кёнигсплац и композиция самой площади должны соблюдать гармонию античного зодчества. Южная сторона площади отводилась для здания в кориннфском стиле, западная - для строения в дорическом стиле. В обрамлении площади предполагались дворцовые жилые строения. По обеим сторонам дороги, проходящей через площадь, планировались 4 фонтана. Но кронпринц Людвиг желал также, чтобы на будущей главной площади Мюнхена стояла церковь немецкого апостола Бонифация. В Италию был послан молодой архитектор, ученик Карла фон Фишера, Георг фон Цибланд (1800-1873), который после длительного изучения итальянской церковной архитектуры предложил в качестве прототипа римскую базилику St. Paolo fuori le mura. В 1829 году был утверждён художественным советом Академии (второй) проект церкви Св. Бонифация. Кленце настоял, чтобы фасад церкви был обращён не к Глиптотеке, а в

---

[69] Glyptothek München / Ein Führer von Dieter Ohly // München. 1992.

противоположную сторону, на Карлштрассе. С тыльной же стороны церкви необходимо построить музейное здание выставок с фасадом к Глиптотеке. В 1835 году, в день 25-летия бракосочетания королевской семьи, на Октоберфест, Людвиг I заложил камень в основание церкви св. Бонифация. Её строительство было завершено только к 1850 году.

Проектирование музейного здания выставок было доверено также Цибланду, который это здание и церковь св. Бонифация объединил в единый комплекс. В течение 1838-45 гг. напротив Глиптотеки был воздвигнут в коринфском стиле музей античных собраний из керамики.

Георг фон Цибланд, способный архитектор, строительный инспектор королевского двора, гражданским строительством почти не занимался. В его активе несколько церквей, в том числе памятная часовня Терезы в Бад Айблинге, где королева Тереза, жена Людвига I, молила у бога покровительства её второму сыну, Отто, уехавшему 17-летним юношей 6 декабря 1832 года на королевский престол в Грецию. Молитвы помогли: Отто царствовал 30 лет, пока жива была мама... (Со стороны российской дипломатии акции возведения баварского принца на греческий трон способствовал секретарь посольства в Мюнхене Фёдор Иванович Тютчев.)

Западная часть площади была определена для гигантской арки-форта, Пропилеев, аналога афинских ворот в Акрополь. Пропилеи - вход на площадь и в город, были построены по проекту Кленце в дорическом стиле в 1854-62 гг. Пропилеи имели три въезда: центральный и два боковых. Центральным пользовались в особо торжественных случаях, боковыми - повседневно.

Възжающему в Мюнхен арка символизировала преемственность эллинских традиций. Путник должен был полагать, что въезжает в Новые Афины, „Афины-на-Изаре". Лучшие архитекторы Баварии - Кленце, Гертнер, Фишер, Шванталер, Цибланд - изучали в Италии живопись и римскую архитектуру, в Греции - античное зодчество, выстраивали в Мюнхене в стиле греческого классицизма великолепные здания и памятники.

Гости из России сообщали свои впечатления: *"Мюнхен для искусств - вторая Флоренция. Король настроил зданий для них, достойных Рима: собрал в них все, что накупил в течение жизни в Италии и здесь <...> Город отстраивается и увеличивается во все стороны: везде площади; я бы назвал его площадным, если бы Миних* (Мюнхен) *теперь не был Афинами Германии*" (А. Тургенев,

1834). *"Царь-художник и царь-поэт <...> много занимается украшением города и обогащением его памятниками искусств древности и германской старины <...> Мюнхен может быть признан приготовительным курсом к Риму*" (П. Вяземский, 1834).

В 1838 году российский император Николай I гостил в Мюнхене, посетил Пинакотеку, Глиптотеку, познакомился с Кленце. Последовало приглашение в Петербург для реконструкции Эрмитажа. Семь раз посетил немецкий зодчий северную столицу России. Строительные работы начались в 1842 году, а 5 февраля 1852 года Новый Эрмитаж был открыт для посетителей. Реконструкции подверглись все четыре фасада Эрмитажа, внутренние помещения, гланая лестница. Помогали Кленце известные баварские художники и скульпторы Г. Хильтенбергер, Й. Хальбиг, а также многие рабочие-специалисты. Некоторые из рабочих стали „невозвращенцами". С российской стороны с Кленце сотрудничали архитекторы В. Стасов, Н. Ефимов, А. Брюллов, художники А. Теребенев, В. Демут-Малиновский, Н. Токарев, Р. Свинцов и др. Кленце был награжден российскими орденами Св. Анны с бриллиантами и Св. Станислава.

И духовным отцом Кёнигсплац, королём Людвигом I, и реальным создателем площади, зодчим Кленце, предполагалось, что на площади будут проходить и большие форумы. Но тот накал страстей, который действительно здесь происходил, предсказать они не могли. На старинной картине - въезд короля Людвига II. Тысячи встречающих (счёт людей на этом пространстве только на тысячи) приветствуют короля. Это нормальный восторг. Или вот на другой картине тысячи любопытных наблюдают гигантский цуг с Максимилианмонументом. Действительно, очень интересно. Но Кёнигсплац был свидетелем и революционных катаклизмов 1848 года и 1918 года.

Приход Третьего рейха ознаменовался для Кёнигсплац серьёзной реконструкцией. Площадь, как памятник просвещённой монархии первой половины прошлого века, перестала существовать. Площадь стала называться „Königlicher Platz". Зелёный покров был снят и заменён гранитными плитами для марширующих восторженных приверженцев „нового порядка". В восточной части площади были фундаментально сооружены: „Дом фюрера", „Дом партии" и два почётных храма, Ehrentempel. Под храмами и „Домами" находились обширные подвалы с разветвлённой сетью коммуникаций, подземными ходами и бомбо-

убежищем на 450 человек. В „Доме партии“ фюрер принимал итальянского дуче. Площадь стала местом многотысячных патриотических форумов NSDPA. В прессе площадь наывали „Акрополь Германии“. Гитлер заимствовал у Сталина всю атрибутику краснознамённой парадной шумихи главной площади СССР. Для полноты аналогии 9 ноября 1935 года на „Königlicher Platz“ в оба Ehrentempel были торжественно перенесены саркофаги с останками соратников фюрера, погибших в путче 1923 года. Храмы-мавзолеи были оборудованы ложами для правителей, принимающих парады. Во время войны „Königlicher Platz“ был объектом прицельного бомбометания. Глиптотека подверглась полному разрушению. В 1946 году наземную часть храмов взорвали. Их цоколи доступны обозрению по сей день. Саркофаги исчезли. Зелёный покров восстановили. Старое название площади вернули. „Дома“ переименовали: „Дом фюрера“ в музыкальную школу, „Дом партии“ - в институт и музей графики и топографии. Подземные лабиринты остались в прекрасном состоянии... Площадь, вместо возбуждающих военно-политических форумов, занята теперь в духе времени грандиозными театральными шоу.

ПАРКИ

Мюнхенские парки часто упоминаются в переписке Тютчева и его современников. По приезде в Петербург Анна, старшая дочь Тютчева, с грустью вспоминала: „*Эта обстановка* (отеля „Демут“ в Петербурге) *представляла печальный контраст с просторными и светлыми залами моего института в Германии, окруженного свежей зеленью сада с его липами и кустами роз*“[70]. В 1836 году в Мюнхене была эпидемия холеры. Многие горожане покинули свои дома. Тютчев иронизировал, что Английский сад „*единственное обитаемое место в Мюнхене*“. Английский парк расположен на берегу Изара в малонаселенном районе дорогих особняков мюнхенских аристократов (в пригороде Изарфорштадт). Парк заложен в 1789 году англо-американским физиком Беньямином Томпсоном графом Румфордом, который был приглашен на баварскую службу курфюрстом Карлом Теодором. Особенно часто

---

[70] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник 1853-1855 гг. / Вступ. ст. и примеч. С. В. Бахрушина. Под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского // М. 1928. С. 61.

упоминается Хофгартен, королевский парк, расположенный в центре города возле королевской резиденции. Парк был оформлен в итальянском стиле в 1613-17 гг. при курфюрсте Максимилиане I. Тютчев обратил в анекдот совсем несмешной случай своего голодного обморока, который произошел с ним в Хофгартене: „*Однажды ваш дядя* - рассказывал Тютчев Ивану Гагарину[71],- *пригласил меня на обед; я думал, что к шести часам, и явился в ту самую минуту, когда вставали из-за стола. Поэтому я не обедал. На другой день жены моей не было и некому было заказать обед; я обошелся без обеда. На третий день я потерял привычку обедать, но силы мне изменили, и я упал в обморок в Хофгартене*". И Александр Тургенев, и Николай Греч многократно пишут о гуляниях горожан и приезжих в Хофгартене под аркадами: „*...с 3½ до 5½ гулял под аркадами с Тютчевым и с Шеллингом*",- запись Тургенева в дневнике от 11 апреля 1834 года. „*...достойны примечания аркады, идущие по западной и северной стороне площади* (парка). *В сих аркадах находятся большие фресковые картины важнейших событий из истории Баварии... Внешняя часть аркад, по лудовиковой улице* (Людвигштрассе), *занята так называемым базаром, в котором помещаются красивые и богатые магазины, кофейни и кондитерские*",- воспоминания Н. Греча[72].

ТЕГЕРНЗЕЕ

Излюбленным местом пригородного отдыха мюнхенцев был курорт Тегернзее под Мюнхеном. Красивый баварский ландшафт в предгорьях Альп, хрустально-чистое спокойное озеро и горно-луговой воздух привлекали в Тегернзее и королей, и горожан. В Тегернзее был королевский замок, в котором двор однажды спасался от холеры. Курорт Тегернзее был и местом отдыха царской семьи. Здесь бывал и Николай I. По его распоряжению в Тегернзее для иператорского двора был куплен табун лошадей.

Осенью 1840 года Тегернзее посетила великая княгиня Мария Николаевна. Тютчев был гостем Марии Николаевны во время её остановки в Мюнхене и в Тегернзее. „*Сегодня утром мы должны быть у оной великой княгини*",- письмо Тютчева от 3

---

[71] Тютчев в Мюнхене / Публикация А. К. Осповата // Литературное наследство... Кн. 2, с. 48.

[72] Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 91.

сентября 1840 года[73]. 21-летней дочери Николая I поэт презентовал совсем неверноподданническое приветствие:

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!
...
Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет,
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины блеснет,

И с человеческим сознаньем
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты,-

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай любить он не умеет -
Боготворить умеет он!

Великая княгиня была воспета как великая женщина! Мария Николаевна благоволила к Тютчеву. Позже (в 1845 году) она содействовала помещёнию дочерей Фёдора Ивановича, Дарьи и Екатерины, в Смольный институт и (в 1852 году) способствовала назначению Анны фрейлиной к цесаревне Марии Александровне, жене будущего императора Александра II.

Брат Эрнестины, Карл, купил в Тегернзее виллу. Тютчевы часто и подолгу отдыхали в Тегернзее. Последний раз Фёдор Иванович посетил Тегернзее 14/26 июня 1859 года.

Там же виллу имела и баронесса Амалия Крюденер. В июле 1840 года она отмечала здесь свой день рождения: „*Здесь основались на жительство несколько семейств нашего мюнхенского общества, и благодаря близости города мы не испытываем недостатка в посетителях. Эти дни мы во всю предавались празднествам благодаря госпоже Крюденер; она приехала сюда месяц тому назад, и намедни мы справляли её именины. ...Сюда*

[73] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 55.

приехали из Берлина генерал Мансуров и его жена, урожденная Трубецкая"[74].

После смерти в 1852 году первого мужа, барона Крюденера (в Стокгольме), Амалия в 1855 году зарегистрировала брак с фаворитом императора Александра II, графом Николаем Адлербергом, генерал-губернатором Великого княжества Финляндского (1819-1892)[75]. В 1881 году граф после смерти Александра II вышел в отставку[76]. Семья Адлербергов - Амалия, Николай и сын Николо (¤ 17 марта 1848 года, Петербург - † 8 сентября 1920 года, Монтре, Швейцария[77]) - покинула Россию и 23 августа 1881 года прибыла в Мюнхен, где поселились на Амалиенштрассе 93, в доме Максимилиана Лерхенфельда, племянника Амалии, внука Максимилиана графа Лерхенфельда[78]. Амалия, романтическая любовь поэта Фёдора Тютчева на протяжении 50 лет(!), скончалась в Тегернзее 21 июня 1888 года[79]. Она похоронена на кладбище кирхи св. Лаврентия. Кирха расположена на берегу озера напротив её виллы, известной под названием „Haus Adlerberg am See". С террасы виллы и с окна спальни скорбеющий граф Адлерберг хорошо видел кирху. В купчих документах на виллу граф записал, что будут прокляты во веки веков те, кто посмеет какими-либо строениями закрыть вид кирхи (с окон виллы). Вилла меняла владельцев, но никто не осмеливался нарушить завещание графа. Граф Николай Адлерберг-старший похоронен рядом с Амалией.

Сын Амалии, граф Николай Николаевич, был российским подданым, рос в чинах статских и императорского двора, получал российские награды, состоял на российской дипломатической

---

[74] Письмо Тютчева родителям 2/14 июля 1840 года. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 52.

[75] Фамилия Адлерберг - шведского происхождения (наиболее давний предок Эразм в 1500 году), диплом на потомственное дворянское достоинство получила при Карле XI в 1684 году, грамоту графов российских - 1 июля 1847 года. См. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи / Составил граф Александр Бобринский. С.-Петербург, 1890. Т. 2, с. 355.

[76] Brockhaus Conversations-Lexikon. Lepzig. 1882. Band 1. S. 151.

[77] Stadtarchiv München, Polizeimeldebogen, A10 (Adlerberg).

[78] Там же.

[79] На могильной плите Амалии гравёр ошибочно продлил её жизнь на 10 дней. Опечатка не обращала бы на себя внимание, если бы в июне было 31 число...

службе. В начале XX века и до 1917 года граф Николай Адлерберг-младший был атташе в Мюнхене[80]. В июле 1910 года граф продал виллу своему коллеге, российскому дипломату в Мюнхене, князю Константину Mourousi[81]. На вилле незадолго до Первой мировой войны, предположительно в 1910-11 гг., состоялось совещание, в котором принимали участие некоторые государственные деятели и дипломаты будущих воюющих держав. Среди присутствующих находились президент Франции Раймонд Пуанкаре и Чрезвычайный и Полномочный посол России во Франции член Госсовета Александр Петрович Извольский. Совещание, к сожалению, оказалось нерезультативным.

Бывшая вилла Амалии не пострадала во время Второй мировой войны. После войны вилла на Швайгхофштрассе 2 в Тегернзее была известным салоном погрессивной интеллигенции. Хозяйка салона, владелица виллы госпожа Маршка, литературно-образованная женщина, приглашала писателей, художников. В холодное время года каждый посетитель приносил кусок угля или деревянные щепки. Салон госпожи Маршка описан в книге Марии Пустеёвски (Pustejowsky) „Три полена дров" („Drei Scheiteln Holz").

---

[80] См. Придворный календарь на 1915 год. С. Петербург. С. 88. Представительство России находилось на первом верхнем этаже в доме на Галериштрассе 22. (Здание сохранилось. Нынешний его адрес Франц-Йозеф-Штраусс-Ринг 7.) Последним посланником царской России был А. Вестманн, секретарем миссии - Николай Столыпин (двоюродный брат известного российского реформатора Петра Аркадьевича Столыпина). См. Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1911, Theil III, S. 8. Дом на Галериштрассе принадлежал когда-то принцу Карлу, брату короля Людвига I. Принц Карл в июле 1840 года в Тегернзее взял на себя заботы о празднествах в честь именин баронессы Амалии Крюденер, матери графа Николая Николаевича Адлерберга, которому предстояло родиться через 8 лет. Знал ли граф, работая во дворце принца Карла, эту подробность 60-летней давности? В период между двумя мировыми войнами представительства СССР в Мюнхене не было. 9 января 1968 года Мюнхен посещал советский посол Семён Константинович Царапкин. В 1989 году открылось представительство Украинской ССР, а в 1992 году после распада СССР на Зайдльштрассе 28 - Генеральное консульство Российской федерации. Первым Генеральным консулом Российской федерации в Мюнхене с 1992 по 1997 гг. был Павел Фёдорович Лядов. См. *Лядов П. Ф.* Из Баварии с любовью / Deutsch-Russische Zeitung, 1997, Nr. 07, S. 3.

[81] Bayer. Hauptstaatsarchiv, MA 500350.

Нынешний владелец вилллы, господин доктор Ганс-Петер Люкс, сообщивший вышеизложенные сведения, чтит память семьи Адлербергов[82].

ЖЕЛЕЗНЫЫЕ ДОРОГИ

Тютчев, энтузиаст-путешественник, с восторгом встретил появление в Европе сети железных дорог. В его переписке многократны восхищения новым видом транспорта (письмо из Веймара от10/22 сентября 1841 года): „*Благодаря железным дорогам, часть которых уже завершена, все эти города* (Лейпциг и Дрезден*) приблизились друг к другу, как по волшебству*“[83]. В другом письме (из Дрездена от 27 сентября 1841 года) „*Надо согласиться, что пар - великий чародей, порою движенье так стремительно, так поглощающе, пространство так преодолено, сведено на нет, что трудно не поддаться чувству некоторой гордости*“[84].

В Мюнхене первый паровозный гудок был услышан 1 сентября 1839 года. Вокзал располагался на окраине города, на Марсплац в предместьи Максфорштадт. Строений здесь почти не было и площадь представляла собой просто большой луг. Так как это место сразу же стало оживлённым, то здесь появились увеселительные аттракционы, построен был стационарный цирк „Krone“ („Корона“, нем.), существующий по сегодняшний день. (Позже был выстроен новый вокзал ближе к центру города.) Первая 62-километровая колея соединяла Мюнхен с Аугсбургом.

Через год дирекция дороги решила отметить первый юбилей и устроила рекламный рейс, Extrafahrt. Но достойно организовать его не сумела. Тютчев подробно и эмоционально описывает жене происшествие: „*Прочитав вчера, во время своей утренней прогулки, объявление о назначенном на сегодня Extrafahrt по железной дороге, я увлёк в эту поездку Мальтицев... Мы уехали в 4 часа и должны были возвратиться в 6. Вместо этого мы вернулись в город, когда било 10 часов. Поистине, беспорядок, анархия, глупость, царящие в этом учреждении, трудно себе представить. Очевидно, провидение, охраняющее детей и пьяниц, покрови-*

---

[82] *Lux, Hans-Peter.* Das Tegernseer Tal. Haus Adlerberg / Russische Spuren in Bayern // München, 1997, S. 33.

[83] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 61.

[84] Там же, с. 64.

тельствует этому предприятию. Только вмешательство провидения способно оградить его от страшнейших несчастий... 4-5 тысяч человек в полнейшей тьме, у большой дороги, ожидали поезда с тем, чтобы броситься в него, как только он появится и вынуждены были брать вагоны приступом, боясь, что в случае неудачи придётся провести ночь под открытым небом, в 5 милях от Мюнхен. Вопли, толкотня, опасность упасть под колеса, какой-то дьявольский фейерверк, пущенный неизвестно для чьей забавы... всё это заставило меня пережить несколько мгновений, когда я искренне порадовался твоему отсутствию... Несколько сот человек возвратятся в Мюнхен не ранее завтрашнего утра. Но зато завтра, несомненно, подымется страшный ропот против дирекции. Если бы публика не была столь добродушна, ни одного стекла не уцелело бы завтра в окнах управляющего, г-на Маффе“[85]. Стекла уцелели, г-н Маффе получил первое взыскание...

Впрочем, такие неурядицы были редкостью и тютчевские восторги не уменьшались (письмо через год из Веймара): „*Через некоторое время будет вполне закончена железная дорога между Лейпцигом и Берлином, и то путешествие, на которое доселе требовалось два дня, возьмет всего семь часов. Спустя некоторое время вся Германия, благодаря железным дорогам, займет на карте путешественника не больше места, чем занимает сейчас одна из её провинций*“[86].

Западник-Тютчев полон впечатлений от путешествий по Европе (сентябрьское письмо 1842 года): „*Я также с большим удовольствием повидал Бельгию с ее великолепными городами и селеньями,, представляющими на пространстве трехсот верст от Рейна до моря один непрерывный сад, который, благодаря железным дорогам, проезжаешь в восемь часов времени*“[87]. Совсем детский восторг (письмо из Берлина в июле 1847 года): „*Железные дороги в соединении с хорошей погодой - истинное очарование*“[88]. Или в октябрьском письме 1843 года из Мюнхена: „*Из Берлина, благодаря железной дороге, мне потребовалось всего семь часов, чтобы приехать в Лейпциг, оттуда один час до*

---

[85] Там же, с. 54.
[86] Там же, с. 61.
[87] Там же, с. 69.
[88] Там же, с. 130.

Альтенбурга..."[89]. Время притупляло новизну дорожных ощущений и Фёдор Иванович иногда брюзжит (письмо из Москвы от 8 августа 1846 года): „*Как отвратительно пребывать трое суток в катящемся ящике! Так ясно тогда сознаешь, как ты глуп*"[90].

Восхищаясь новым видом транспортной связи, Тютчев понимал ее большое экономическое и политическое значение, особенно в условиях российских просторов. 20 августа 1851 года Фёдор Иванович акцентирует внимание президента Академии наук графа С. С. Уварова на этом обстоятельстве: „*Действительно, то, что Москва приблизилась к Петербургу на 15 часов езды, является не только любопытным и интересным фактом, но может по справедливости считаться важным политическим событием*". Славянофил-Тютчев полагает, что, т. к. западные общества духовно разобщены, то в Европе железные дороги сблизили и поставили лицом к лицу раздражённых друг другом людей. Славянофил Тютчев настаивает: "*Мне сдаётся, что мы вправе смиренно думать, что у нас в России будет не так, что всем нам, пока мы существуем, предстоит бороться с одним, действительно, реальным врагом - пространством. Следовательно, мы можем льстить себя надеждой, что по милости этого духовного единства, в котором у нас, поистине, нет недостатка, все, что способствует нашему пространственному сближению, послужит лишь укреплению подлинного единства и к усилению мощности целого. Достаточно говорили о Русском Колоссе. В конце концов признают, я надеюсь, что это - Великан, и великан, хорошо сложенный...*"[91].

РОДСТВЕННИКИ

Имена некоторых немецких родственников Тютчева сохранены в мемориале Мюнхена. Фёдор Иванович дважды вступал в брак, оба раза с родовитыми аристократками-вдовами.

БОТМЕРЫ. 5 марта 1826 года старый слуга Тютчева, Николай Хлопов, сделал на обратной стороне иконы дарственную надпись[92] и уехал в Россию, оставив Фёдора Ивановича на попечении Элеоноры Петерсон (урожд. графини фон Ботмер). Вен-

---

[89] Там же, с. 90.
[90] Там же, с. 111.
[91] Там же, с. 176.
[92] *Долгополова С. А. и Тархов А. Е.* Музей-усадьба „Мураново" им. Ф. И. Тютчева // Литературное наследство... Т. 97. Кн. 2, с. 604

чание по православному обряду состоялось значительно позднее, 27 января/8 февраля 1829 года[93]. Первый брак Элеоноры с Александром Йоханном Петерсоном длился с 15 декабря 1817 года до 6 октября 1825 года[94]. В этом браке было рождено трое детей: Карл (1818-1875), Оттон (1820-1883), Альфред (1825-1860). Первое упоминание о роде Ботмеров восходит к XII веку, временам крестоносцев. Сведения о генеалогии графов Ботмер хранятся в Баварском государственном архиве. Ботмеры не были баварцами. В 1696 году они получили баронский титул в Ганновере, в 1713 году - графский в Вене и только 8 декабря 1817 года подтвердили графский титул в Баварии[95].

Графиня Элеонора фон Ботмер родилась в Касселе 19 октября 1800 года[96]. В Касселе её отец, Карл-Фридрих-Хайнрих-Ернст граф фон Ботмер (1770-1845), вступил в брак 4 ноября 1799 года с Антуанеттой Ганштейн (1777-1826)[97]. Элеонора была самой старшей. Всего в семье Ботмеров с 1800 года по 1816 родились, кроме Элеоноры, ещё 11 детей: Георг (1802-1823), погиб на дуэли; Луиза (1803-1876); Феликс (1804-1876); Фридрих (1805-1886); Жозефина (1806-1811); Адольф (1807-1887); Клотильда (1809-1882); Освальд (1810-1810); Ипполит (1812-1886); Карл (1814-1855);

---

[93] Записи о венчании Тютчевых обнаружены в архиве Сальваторкирхи греческим журналистом, церковным старостой Сальваторкирхи, господином Константином Котсовилисом.

[94] Один архивный документ указывает на кончину Александра Петерсона в Нюрнберге. См. Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, M7 (Montgelas).

[95] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, B9 (Bothmer).

[96] Большинство архивных генеалогических документов указывают дату рождения Элеоноры 19 октября 1800 года. Один документ называет 19 августа 1800 года. Сведения о других годах рождения Элеоноры: 1799 год, 1797 год (см. Литературное наследство „Фёдор Иванович Тютчев" // М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 188,. 653) и 1801 год (см. *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник 1853-1855 гг. / ... // М. ... 1928. С. 219) не соответствуют ни одному из архивных документов. При бракосочитании с Фёдором Ивановичем 27 января 1829 года Элеонора в Сальваторкирхе назвала датой своего рождения 18 октября 1801 года. См. Archiv von der Salvatorkirche. Hauptbuch für die griechische Kirche in München. Taufregister, S. 71.

[97] После смерти Антуанетты у Карла Ботмера был ещё один брак, с Терезой Коппенфельс, но в этом браке детей не было. См. Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, B9 (Bothmer).

Максимилиан (1816-1878). Известны их жизнеописания. Не все они оставили след в тютчевской биографии и истории Баварии.

Упомянем о некоторых. Брат Элеоноры Феликс родился 19 июля 1804 года в Касселе. Он некоторое время состоял на российской службе, жил в Митаве, Риге, Петербурге. Был в браке с графиней Хун, его младший сын, Максимилиан, породнился с российскими Давыдовыми.

Имя Фридриха встречается в тютчевской переписке: „*...провидение столкнуло меня в самой сутолоке* (Лейпцигской ярмарки) *с Фридрихом Ботмером, который приехал из Мекленбурга*“[98]. Для одной из ветвей старой дракенбургской генеалогической линии, к которой принадлежали Ботмеры, Мекленбург являлся их родным городом. В мурановском архиве хранится письмо Фридриха (1881 года) к племяннице, Екатерине Тютчевой.

Младшая сестра Клотильда была восьмым ребенком в семье. Она родилась в Мюнхене 22 мая 1809 года. Юной Клотильдой Тютчев был некоторое время увлечён в период брака с Элеонорой. В 1839 году Клотильда вышла замуж за барона Мальтица, коллегу Фёдора Ивановича. После длительной разлуки с овдовевшей Клотильдой Тютчев встретился за три года до своей кончины. Предполагается, что Клотильде посвящён знаменитый шедевр „Я встретил вас и всё былое...“. Скончалась Клотильда в Георгентале (Тюрингия) 5 сентября 1882 года.

Самым безалаберным в семье Ботмеров был Ипполит. Служил в армии. Не выслужился. Трижды был женат и столько же разведен. Вторая его свадьба состоялась в Лондоне 24 мая 1856 года с мисс Минни. Пасынок Тютчева, Карл Петерсон, в марте 1858 года так высказался о своем дяде: „*...вышел пройдохой, авантюристом, прошел чрез разные, очень видные положения, все сумел испортить и теперь отправляется в Ост-Индию искать новых похождений*“[99].

Предпоследним родился Карл, в Ганновере, 3 января 1814 года. Прожил он 41 год. Его женой в мае 1844 года стала Анна

---

[98] Письмо Тютчева Эрнестине 27 сентября 1841 года. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т. 2, с. 63.

[99] Воспоминания Эрн. Ф. Тютчевой / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство... Т. 97. Кн. 2, с. 97.

Баумгертнер. Известно её письмо в 1845 году дочери Тютчева, Анне Аксаковой[100].

Судьба самого младшего брата Элеоноры, Максимилиана, сложилась удачливее его одиннадцати братьев и сестер. Максимилиан почти 9 лет учился в кадетском корпусе, в армии дослужился до генерал-лейтенанта, стал начальником генерального штаба баварской армии, был инициатором её реформирования, во время франко-прусской войны был уполномоченным от Баварии при главной квартире кронпринца Фридриха Вильгельма. Максимилиан был блестящим оратором, энциклопедически развитым человеком во многих областях знаний и искусств, имел пятерых детей, двое сыновей стали генералами. В 1898 году в мюнхенском районе Нойхаузен фамилия брата Элеоноры Тютчевой была увековечена в названии улицы, Ботмерштрассе.

На одной из мемориальных плит в Галерее знаменитых баварских полководцев, Feldherrnhalle, на Одеонсплац начертан следующий текст: „*В мировой войне 1914/18 гг. воевали плечом к плечу с немецкими братьями для прочного мира и свободы 1400000 баварцев. 200000 погибли за отечество. Баварскими руководителями немецкой и союзной армий были: генерал-фельдмаршал кронпринц Руппрехт Баварский, генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский, генерал-полковник Феликс граф Ботмер*“. Феликс Ботмер - племянник Элеоноры Тютчевой.

Феликс Ботмер, сын Максимилиана, родился в Мюнхене 10 декабря 1852 года. Во время Первой мировой войны командовал Вторым баварским резервным корпусом, сражавшимся в Лотарингии, с июля 1915 года командовал Южной армией в Восточной Галиции (противостоял генералу Брусилову) и с февраля 1918 года командовал Девятнадцатой Армией в Лотарингии. Умер Феликс 19 марта 1937 года. В нынешнем справочнике наименований мюнхенских улиц в статье о Ботмерштрассе к имени Максимилиана Ботмера добавлено имя его сына Феликса.

В Мюнхене и сейчас живут графы Ботмеры, но они не знают, что в первой половине прошлого столетия их родственником был знаменитый русский поэт Фёдор Тютчев.

Старший сын Элеоноры от первого брака, пасынок Тютчева, российский дипломат Карл Петерсон, был женат на Марии

---

[100] Родовой архив Тютчевых / Обзор Н. М. Михайловой // Литературное наследство... Кн. 2, с. 657.

Озеровой, дочери посланника Ивана Озерова. Их дочь Мария родилась в Лиссабоне 12 августа 1856 года. Позже семья Карла Петерсона вернулась в Мюнхен и проживала по старому тютчевскому адресу: Оттоштрассе 6. 30 сентября 1879 года Мария, внучка Элеоноры, венчалась с Эдуардом Монжелá, внуком графа Монжелá, бывшего премьер-министром у короля Макса I Йозефа и соседом Тютчевых на Каролиненплац. Гражданский брак между ними был заключен значительно позже: 14 декабря 1888 года. Свидетелями на бракосочетании Марии и Эдуарда были два Карла: Пфеффель, брат Эрнестины, и Д'Арко-Валлей. Третий Карл, Петерсон, не дожил до брака своей дочери, он умер в 1875 году. Мать Карла Д'Арко-Валлей, графиня Анна (рожд. Марескальки), упоминается в тютчевской переписке. Летом 1836 года Тютчев писал Ивану Гагарину: „В *Мюнхене* (во время холеры) *видишь либо беременных, либо только что разрешившихся женщин. В числе первых красивая госпожа Анна, которая поселилась в доме Майо в Английском саду*"[101]. Александр Тургенев в дневниковых записях 1834 года графиню Д'Арко-Валлей сравнивал с мадонной Рафаэля. Гены Элеоноры и россиянки Марии Озеровой были переданы восьмерым наследникам графа Эдуарда Монжелá. Мария Монжелá скончалась в Мюнхене в 1932 году, пережив своего мужа на 15 лет[102]. Род Монжелá не угас по сегодняшний день.

ПФЕФФЕЛИ. Во втором браке, с Эрнестиной баронессой фон Дёрнберг (урожд. баронессой фон Пфеффель), Фёдор Иванович состоял с 1839 года. Тютчев вошел в круг семьи с культурными традициями. „*...она внучка славного Пфеффеля; отец её министром в Париже*",- писал А. Тургенев в дневнике 30 марта 1834 года, имея ввиду двоюродного деда Эрнестины, известного баснописца, и отца, посланника Баварии во Франции. Род Пфеффелей происходит из Аугсбурга (первый Георг Пфеффель упомянут в 1633 году), но баварское дворянство было подтверждено только 19 мая 1808 года, а баварским бароном отец Эрнестины стал лишь 5 января 1828 года[103]. Мать, Каролина (1789-1811), - баварская баронесса фон Теттельборн. 28 сентября 1830 года Эрнестина Пфеффель в Париже вышла замуж за баварского дипломата Фридриха

---

[101] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах... / ... // М. 1984. Т 2, с. 20.
[102] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, M7 (Montgelas).
[103] Genealogisches Handbuch des Adels. Freiherrliche Häuser A. Band IX // Starke Verlag. 1977.

Карла барона фон Дёрнберга (1796-1833). Брат Эрнестины, Карл (1811-1890), был известным журналистом. У Карла в браке с Каролиной Роттенбург родилось четверо детей: Эрнестина (1836-1922), Мария (1838-1927), Каролина (1839-1914) и Хуберт (1843-1922). Каролина Паулина Роттенбург (1805-1872) - незаконнорожденная дочь Паула, принца Вюртенбергского, и актрисы Фридерики Рот[104]. Старшая дочь Карла, Эрнестина, в 1862 году стала женой видного немецкого дипломата, графа Карла Тауффкирхена. Позже один из районов Мюнхена будет назван этим именем. Другая племяница Эрнестины Тютчевой, Мария Пфеффель, в 1869 году вышла замуж за Фридриха графа Поччи. Отец Фридриха, Франц Поччи (1807-1876), был известным баварским литератором. Король Людвиг I приблизил его ко двору. Однако в историю баварской культуры Франц Поччи вошел не как обер-церемонимейстер двора, а как детский поэт и писатель, лирик, иллюстратор книг, переводчик, композитор, драматург, один из создателей театра марионеток (театра „Папы Шмида“), который существует и сегодня. В 1887 году мюнхенцы увековечили имя Поччи, шурина Эрнестины Тютчевой, в названии одной из улиц. Другая племянница Эрнестины, Каролина, в 1862 году вышла замуж за Антона Августа Сетто, за внука того Сетто, который жил Резиденцштрассе 6, где часто встречались молодые Фёдор Иванович и Эрнестина. Отец Антона Августа, Август Сетто, также был баварским дипломатом.

Род Пфеффелей угас, но гены Пфеффелей обильно передались их потомкам. Сегодняшним мюнхенским праправнукам Пфеффелей, семье барона Риттер-цу-Гроенештайн, известны все предки, более пятнадцати поколений, но о родстве с Тютчевым они не ведают[105].

Герб баронов Пфеффель.
Девиз герба „Берегись позора!“

---

[104] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Frhr., P13 (Pfeffel).
[105] Deutsches Familienarchiv. Ein genealogisches Sammelwerk. Neustadt an der Aisch. 1979. Band 72. S. 322.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тютчевы вернулись из Германии в Россию 3 октября 1844 года. Морским путем до Петербурга плыли на новом пароходе „Николай". Происшествий с пожарами не было: „*Переезд прошел благополучно, хотя и был отмечен ужасным штормом*"[106]. Вернулись в Россию навсегда. Но зарубежные поездки, в том числе и в Германию, продолжались. 20-30 гг. XIX века были в Баварии годами расцвета культуры, искусства и даже демократии. В начале 40-х годов счастливая звезда короля Людвига I Баварского стала клонится к закату. Процесс расцвета перешел в стадию затухания. Многие деятели культуры стали покидать Мюнхен и переезжать в столицу Пруссии, Берлин. Усиление баварской оппозиции, использовавшей некоторые неудачные политические действия короля и внутренние неурядицы в королевском семействе, а также революционное движение в Германии и Европе привели к редкому эпизоду в истории баварской правящей династии - отречению в 1848 году короля Людвига I (в пользу сына, кронпринца Максимилиана). Но все эти исторические катаклизмы произойдут уже в отсутствие Фёдора Ивановича в Мюнхене. Тютчев позже оценит сложившуюся ситуацию в Германии и даст гениальный прогноз её последствиям: „Что *меня наиболее поражает в современном состоянии умов в Европе, это недостаток разумной оценки некоторых наиважнейших явлений современной эпохи,- например, того, что творится теперь в Германии... Это дальнейшее выполнение все того же дела, обоготворения человека человеком... Как только надлежащим образом опознают присутствие этой стихии, так и увидят повод обратить более пристальное внимание на возможные последствия борьбы, завязавшейся теперь в Германии,- последствия, важность которых способна, для всего мира, достигнуть размеров неисследимых...*"[107].

---

[106] Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство.... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 210.
[107] Незавершенный трактат „Россия и Запад" / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство... М. 1988. Т. 97. Кн. 1, с. 193.

„ТЕБЕ ПРИВЁЛ Я С СЕВЕРА ПЕВЦА...“

Генрих Ное

Самым близким для Фёдора Ивановича человеком в Мюнхене после отъезда Тютчевых в Россию в 1844 году оставался брат Эрнестины, жены Тютчева, Карл Пфеффель. Известно, какое взаимное уважение питали друг к другу муж Эрнестины и её брат. Семья баронов Пфеффель из поколения в поколение отличалась культурными традициями. В этой семье были и дипломаты, и пиатели-баснописцы, и писатели-историки. Сам Карл Пфеффель стал известным и авторитетным журналистом. Ещё в 30-е годы кругом общения молодых тогда Фёдора Ивановича и Карла Пфеффеля была элита баварской культуры. В дневнике историка Александра Тургенева, гостившего в Мюнхене в 1832 и 1834 годы[1], имена Тютчева и Пфеффеля упоминаются рядом с именами известных немецких учёных, писателей, дипломатов (Шеллинга, Тирша и др.). Тургенев даже пошутил как-то, что со времён развалин Рима вряд ли собирались вместе столь славные собеседники.

Несомненно, Карл Пфеффель получил из Петербурга первую книжку стихов Тютчева, изданную в 1854 году[2], и надо полагать, что эти стихи не были положены на полку забвения. Импульсом к переводу стихотворений на немецкий язык послужил,

---

[1] Тютчев в дневниках А. И. Тургенева (1832-1844) / Вступ. ст., коммен. и публ. К. М. Азадовского и А. Л. Осповата. // Литературное наследство „Федор Иванович Тютчев“. М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 63-98.
[2] *Тютчев Ф. И.* Стихотворения // Спб., 1854.

вероятнее всего, кратковременный приезд Тютчева в Мюнхен летом 1859 года.

Письмо Эрнестине из Мюнхена от Фёдора Ивановича 15/27 июня 1859 года: „*Милая моя кисанька, я вернулся вчера вечером в Мюнхен с твоим братом и Гюбером* (Hubert - сын Карла Пфеффеля), *проведя сутки в Тегернзее <...> Я выеду отсюда сегодня вечером или, может быть, завтра утром*“[3]. Тютчев сообщает, что остановился он в гостинице „Четыре времени года“.[4] С кем встречался он, кроме семьи Пфеффеля в течение 14/26-16/28 июня, сейчас установить трудно.

Тютчев, например, не мог не навестить на Театинерштрассе 11 российского посланника Дмитрия Северина, крестного отца своих младших детей. Северин жил этажем ниже Карла Пфеффеля[5]. Дом на Театинерштассе находился не более 400-500 м от гостиницы.

На Резиденцштассе 6, это тоже очень близко, проживала семья барона Сетто[6], где 25 лет тому назад Тютчев часто встречался с Эрнестиной. В дневниках А. Тургенева имя Сетто часто упоминаемо. С этой семьёй в ближайшие годы (в 1862) Пфеффелям через младшую дочь Каролину предстояло породниться[7]. Со многими друзьями и родственниками Тютчев мог увидиться за один день и две ночи, предшествующие его отъезду из Мюнхена. Но вероятна встреча и с одним незнакомцем, будущим переводчиком

---

[3] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / Сост., подг. текста Л. Н. Кузиной // М. 1984. Т. 2, с. 260.

[4] Гостинница находилась на Максимилианштрассе 4. Под этим же названием на том же месте гостиница существует и сегодня, её адрес: Максимилианштрассе 17. Во время пожара в августе 1859 года сгорел гостиничный архив и нынешняя администрация не смогла подтвердить дату пребывания Тютчева в гостинице. (Письмо коммерческого директора гостиницы господина В. Роербейна от 18 февраля 1998 года.) Гостиница упоминается в романе Л. Фейхтвангера „Братья Лаутензак“.

[5] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch den Königlich-bayerischen Haupt- und Residenz-Stadt München, 1858.

[6] Там же.

[7] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Frhr., P13 (Pfeffel)

упомянутой книжки стихов Тютчева, Генрихом Ноé[8]. Судя по восторженному „Предисловию“, которым предпосланы переводы, непосредственное воздействие обаяния Фёдора Ивановича на Генриха Ноé, повидимому, всё же состоялось:

Предисловие

Русский поэт Теодор фон Тютчев (по-русски Федор Иванович Тютчев), лирические стихи которого я перевёл в стройную немецкую метрику, заслужил в течение двух десятилетий жизни в своём отечестве и других славяноязычных странах доброе имя задумчивого и задушевного умного лирика.

В отношении его жизни можно сказать немного. Он сын русского дворянина из старинного дворянского рода. Родился в 1803 в Москве. Он учился там же и уже в свои 22 года был принят русским посольством в Мюнхене. Здесь оставался он в качестве атташе (с вынужденными перерывами из-за отпусков) до 1836 года. В том году он оставил Мюнхен в должности секретаря посольства. В Мюнхене в 1827 году он сочетался браком с вдовствующей госпожей фон Петерсон. В Турине Тютчев служил в течение некоторого времени в должности поверенного в делах. Вскоре из-за кончины жены он уехал из Турина. Затем Тютчев жил некоторое время, как частное лицо, в Мюнхене, где женился вторично. Его женой стала вдова, госпожа фон Дёрнберг, рождённая фон Пфеффель. В 1843 году Тютчев переехал в Петербург, где по сей день определён на службу в министерстве иностранных дел.

Его отдельные стихи первоначально печатались в журналах „Современник“, „Беседа“ *и др. Собранные вместе они впервые были изданы в Санкт-Петербурге в 1854 году. О характере этой поэзии, которая переведена также на большинство славянских языков, можно сказать, что она преподносит верное отображение современной русской души с её контрастами и противоположностями, с её размахом лирической способности, с её усталостью от суеты.*

---

[8] Feodor Iwanowitsch Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaaßen des Originals dem Russischen nachgebildet von Heinrich Noé / München, 1861. Stadtbibliothek München, Sign: 27 635.

Образованность и развитие Тютчева - всесторонни. Подобно тому, как его родина с одной стороны близка к Западной Европе, а другой стороной обращена к Востоку, так и его восприятие впитало в себя и отзвуки западно-европейских песен, и параболическое богатство восточной фантазии. Его вера в параллельное и взаимное проникновение природы и духа, в метафизическое значение творения привели бы нас к выводу о его философском квиетизме[9]*, если бы не мешал этому свет его изначальной индивидуальности, возникающий то тут, то там. Он - космополит. И сквозь отшлифованные утонченные мелодии его лирики, услышанной во многом у западных народов, звучат и грустные минорные тона, истекающие в бесконечном изобилии в родных напевах его народа.*

Как все мягкие натуры, он очень чувствителен, живет притягивающими и отталкивающими фантазиями и грёзами, приводящим к метаниям.

В его стихах чувствуется и язвительное, испорченное настроение Гейне, и проникновенность шиллеровского идеализма.

Беспокойное мироощущения поэта не воспринимает ничего, кроме красоты. Он - прирожденный лирик, певец настроения.

Желаю этой книжечке выйти в свет и вставить еще одно, новое, крохотное колечко в большой цепи, соединяющей души, вопреки разделяющим их оболочкам.

Мюнхен, март 1861

Переводчик

Стиль изложения и точность оценок предполагают серьёзную эрудиция автора, хорошое знание личности и творчества Тютчева. А ведь в июне 1859 года, когда предположительно к переводчику должны были попасть стихи Тютчева (они могли оказаться у него и ранее), Генриху Ноé ещё не исполнилось 24 лет! И хотя совершенно очевидно, что сведения о Тютчеве изложены Генрихом Ноé не со слов Фёдора Ивановича, важен факт приоритетности появления на Западе краткой биографической и критико-литературоведческой справки о русском поэте задолго до публикаций российских биографов. Санкт-Петербургское издание 1854 года

[9] Квиетизм - поиск спокойствия души в боге.

„Стихотворений" Тютчева вышло вообще без предисловия и справки о поэте.

В 1859 году юный Генрих Ноé занимал скромную должность ассистента в королевской библиотеке на Людвигштрассе. (Ноé жил на нижнем этаже в доме, принадлежавшем библиотеке, по Шёнфельдштрассе 17а, небольшой улочке, возле государственного архива, примыкающего к зданию библиотеки[10]). Читателями библиотеки вполне могли быть члены семьи барона Пфеффеля. Дочери барона были ровесницами Генриха Ноé и, хотя их социальное положение с Ноé было неравным (Ноé не был дворянином), но сходство культурных запросов у этих молодых людей вполне могло способствовать их сближению. Несомненно пользователем библиотеки был и сам барон Карл. Поэтому очень вероятно, что при достаточной близости с семьёй барона, Ноé написал „Предисловие" всё-таки со слов маститого журналиста и единственного литератора из тютчевского окружения в Мюнхене, Карла Пфеффеля, который хорошо знал, понимал и ценил творчество русского поэта. Вероятно, идея издания стихотворений Тютчева на немецком языке при участии переводчика Генриха Ноé также принадлежит Карлу Пфеффелю.

Книжка переводов тютчевских стихов открывается не упомянутым выше „Предисловием", а другим авторским текстом: сонетом-посвящением, в котором поэт представляет поэта. В отечественной поэзии известно немало обращений к Тютчеву, в зарубежной - одно единственное: от Ноé. Немецкий юноша-переводчик, восхищенный творчеством Тютчева, сразу, с первой страницы, вводит читателя в атмосферу высокой поэзии. В поэтическом словотворчестве у Ноé рождаются образы восточной мифологии: волшебная страна Джинистан, страна добрых духов-джинов, в которой обитает душа русского поэта:

Тебе привёл я с Севера певца;
Он не поёт тот край, где он родился,
Ни пустоши - наследство от отца,
Где солнца луч сквозь тьму к нему пробился.

---

[10] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch den Königlich-bayerischen Haupt- und Residenz-Stadt München, 1858.

Пытается найти он те слова,
Что чувств полны, душевного волненья,
И вечного истока вдохновенья -
Небесных чар, земного волшебства.

Неиссякаемый источник красоты
Его в дороге смелой вдохновляет
И Джинистан его благославляет -

Волшебная страна его мечты,
Где солнце, им зажжённое, сияет,
Где он достиг блаженства высоты.

Перевод Доры Фишман (Мюнхен, 1996)

74 тютчевских стихотворения читаемы стали на немецком языке. Одним из первых читателей был кабинет-секретарь короля Людвига II, Франц Сераф фон Пфистермайстер (1820-1912)[11]. На шмуцтитуле книги, хранимой сегодня в городской библиотеке Мюнхена, ему новогодняя дарственная надпись от Ноé: *„Господину советнику двора фон Пфистермайстеру как слабый знак своей преданности и благодарности сочинителя. Мюнхен, 1 января 1862"*[12].

Читали книжку Ноé любители поэзии и следующих поколений. Тому свидетельством следующий пример.

Среди переводов есть стихотворение „Der Schwan" - „Лебедь" („Пускай орел за облаками..."). Немецким поэтом придумана метафора, которой нет в тютчевском оригинале:

Des Elementes Spiegel wallen,
So rein, wie du, an dich heran.

---

[11] Neue Deutsche Biographie / Verlag Duncker & Humbolt. Berlin. 1964. Пфистермайстер отказывался финансировать затраты композитора Рихарда Вагнера, любимца короля, за что в 1866 году строптивый кабинет-секретарь остался без должзности. Этот эпизод обыгран в фильме Лукино Висконти „Людвиг".

[12] Feodor Iwanowitsch Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaaßen des Originals dem Russischen nachgebildet von Heinrich Noé / München, 1861. Stadtbibliothek München, Sign: 27 635. S. 1.

Любопытно, что метафору „*Des* **Elementes** *Spiegel...*“, означающую стихию мироздания, позаимствовал у Ноé другой переводчик этого же стихотворения Тютчева, Фридрих Фидлер (1905): „*Rein dir dein* **Element** *geweiht...*“[13]. Близкая метафора встречается и у Доротеи Хиллер фон Гаертринген (1934)[14]. Желание Ноé осуществилось: его книжка не была забыта и вставила свое *крохотное колечко* в цепь времён.

В 1828 году Тютчев с первой женой, Элеонорой (урожд. графиней Ботмер), её младшей сестрой Клотильдой и братом Николаем совершил путешествие в Тироль (через Зальцбург). Созерцание красоты Альп возле горы и озера Унтерсберг[15] вдохновило Тютчева на цикл стихотворений, два из которых („Снежные горы“ и „Утро в горах“) вошли в сборник, оказавшийся у Ноé. Возможно, что именно эти стихи оказались той последней каплей на весах судьбы молодого Ноé в окончательном выборе им жизненного пути.

Генрих Ноé родился 16 июля 1835 года в семье мюнхенских государственных служащих. Он учился в Мюнхене и Эрлангене естествознанию и языкам и вскоре владел в совершенстве 18(!) языками, в частности, кроме русского, знал южнославянские языки. После шести лет практикантских занятий в королевской библиотеке Ноé стажировался 1 год в библиотеке Британского музея и в 1864 году после защиты диссертации в Эрлангене получил научную степень доктора философии.

Книжка переводов Тютчева 1861 года была первым печатным трудом Ноé и, увы, единственным опытом его публичной поэзии. Поэтичность яркой и незаурядной личности переводчика Тютчева простиралась далеко за пределы стихотворчества. Ноé становится свободным писателем и в качестве такового написал десятки толстых книг, и почти все они посвящены путешествиям. Так Генрих Ноé живёт среди южных сла-

---

[13] Gedichte von Fedor Iwanowitsch Tjutschew. Im Versmaß der Urschrift von Friedrich Fiedler / Leipzig, Druck und Verlag von Philipp Reclam, 1905.

[14] *Gaertringen, Dorothea Hiller von.* Russische Dichter // Leipzig. 1934. S. 41.

[15] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений. Изд. 3-е / Вступ. ст. Н. Я. Берковского. Составл., подгот. текста и прим. А. А. Николаева. // Л. 1987. С. 376. Ныне путешествие от Зальцбурга в район Унтерсберг на пригородном автобусе № 55 составляет 35 минут.

вян, путешествуя по Краине, Истрии, Далмации, Боснии. Позже его рассказ об этих странствованиях займет 600 страниц 4-го тома „Немецкой альпийской книги“[16]. Поэзии Ноé не оставил. Его стихи вкраплены в многочисленные рассказы о путешествиях, как озёра на картах Альп, воспеваемые им всю оставшуюся жизнь. Путешествовал Ноé также в горах Франции и Испании.

Странствовал Генрих сначала с друзьями, к которым позже присоединилась жена Катарина (она была моложе своего супруга на 10 лет), ещё позже - дочери Мария-Вальбурга и Лидия.

В своих увлекательных повествованиях Ноé красочно рассказывал о горной природе, обычаях народов, их фольклоре. Читатель узнавал о климате, геологических структурах и полезных ископаемых, о местной флоре и фауне. Ноé ищет и находит тропы Истории, пути, по которым передвигались народы и войска завоевателей (Ганнибала, Наполеона). Его своеобразные энциклопедии иллюстрировались лучшими художниками альпийских стран - Баварии, Австрии, Швейцарии, Италии: Карлом Шмидом, Томасом Ендером, Теодором Альфонсом, Джузеппе Канелла и многими другими.

Генрих Ное (1835-1896), первый переводчик сборника стихотворений Тютчева на немецкий язык.

[16] *Noé, Heinrich.* Deutschen Alpenbuch // Glogau 1875.

Noé хорошо знал творчество Гейне и многие впечатления Noé созвучны романтичным наблюдениям гейневского „Путешествия по Гарцу“ (1826). Вот пример образного описания Генрихом Noé Лунного озера, Мондзее, в австрийских Альпах[17]:

„В диких движениях тумана луна то появлялась, то исчезала. Широкая поверхность озера поднималась и опускалась в пузырчатом свете. Дрожащий рассвет стоял длинной линией горизонта, где он развивался и искривлялся в воде и камнях. Но нам казалось, что лучше видеть священное озеро в свете созвездий. Вряд ли есть еще где-нибудь в горах озеро, чьи берега появляются удивительным способом преображений и превращений от света луны в глади водной поверхностью. Озеро, если хотят его узнать, нужно увидеть только в этом сиянии“,- это проза переводчика Тютчева. Но как непохож её язык на стиль автора вышецитированного „Предисловия“.

У Noé есть рассказ об одноимённых горе и озере Унтерсберг, недалеко от Зальцбурга. Вот его начало[18]:

“Как-то шёл я летним утром через холодное ущелье Новых Ворот. Я хотел выйти из болота, над которым возвышался синий Унтерсберг. На фоне неба выделялась только маленькая снежная плоскость, которая блестела своими рёбрами“.

Поэт Noé, впечатлительный наблюдатель картин горной природы, не довольствуется повествовательной формой описания. Его проза естественно и как-бы помимо воли автора переходит в ритмический нерифмованный стих:

Мрак населяют только духи
В оврагах волчьих, небольших утёсах,
Болотах топких и опасных. В скалах
В ночные пропасти потоки рвутся,
Все островки смывая.

Щедрой палитрой художника Noé изображает далее картину утра в горах, но теперь уже текст рифмован 4-х стопным хореем:

Утро новый день рождает.

---

[17] *Noé, Heinrich.* Das Österreichische Seebuch // München. 1867. S. 21.
[18] Там же. С. 12-18.

Гамма звуков нарастает,
Унося ночной покой.
Всё сияет и грохочет,
Льётся в уши, жмурит очи -
Их не слышит лишь глухой.

Перевод Доры Фишман (Мюнхен, 1997)

Тот же восторг от созерцания рассвета возле Унтерсберга выражен в стихах Тютчева, который здесь был за 39 лет до Ноé. Возбуждённая торжеством красоты гор не осталась равнодушной душа русского поэта. Его вышеназванные стихи („Снежные горы“ и „Утро в горах“) нашли благодарный отклик у переводчика, тогда, в 1861 году, ещё только будущего певца Альп. Кстати, камнем, взятым возле горы Унтерсберг, облицованы ступени к бронзовому обелиску павшим в России баварцам, который установлен на Каролиненплац. И Тютчев, и Ноé хорошо знали этот памятник.

В “Книге о баварских озёрах“ есть небольшая глава “Ammersee“[19], в которой Ноé уделяет полстранички летним религиозным процессиям с игровыми представлениями из жизни Иисуса, *Passionspiel*,. Эти впечатляющие представления происходят один раз в 10 лет, длятся весь летний сезон и известны далеко за пределами Баварии. В районе селения Обер-Аммергау (в долине реки Аммер, впадающей в Аммерзее, озеро недалеко от Мюнхена) на время религиозных празднеств съезжаются многочисленные туристы со всей Европы. Тютчев хорошо знал эти представлениях. В августе 1840 года их пыталась увидеть и Эрнестина, вторая жена Фёдора Ивановича. Тютчев ей писал в Тегернзее из Мюнхена: „*Я буду очень раздосадован, если из-за этой задержки* (встречи с великой княгиней Марией Николаевной, гостившей в Мюнхене) *тебе не придётся съездить В Аммергау, но, с другой стороны, сильно сомневаюсь, чтобы эта поездка доставила тебе большое удовольствие. Ещё в прошлый раз, когда туда ездили Мальтицы,*[20] *не было возможности достать комнатку в городке. Придётся ездить ночевать на два перегона дальше и вставать в три часа*

[19] *Noé, Heinrich.* Bayerisches Seebuch // München 1865, S. 251.
[20] Под *прошлым разом* Тютчев имеет ввиду поездку Мальтицев на Passionelspiel в июле того же 1840 года.

утра, чтобы попасть к началу представления. Найдётся ли развлеченье, которое ты согласилась бы оплатить такою ценою?"[21].

Летом 1900 года, в этих же местах путешествовал русский поэт и художник-пейзажист Максимилиан Волошин. В рассказе „В Обер-Аммергау" Волошин живописно и подробно описывает традиционные зрелища-мистерии. Поэту показалось, что эти представления, „*остаток прекрасного средневековья*", теряют в угоду любопытствующим праздным туристам „*свою первобытную свежесть и религиозную наивность*". Расстроенный художник „*шёл с мешком за плечами по сырой горной тропинке по направлению к белевшим вдали Альпам Тироля. ...А в голове звенели слова Гейне* (из „Путешествия по Гарцу", пер. М. Михайлова):

Ухожу от вас я в горы,
Где живут простые люди,
Где свободный веет воздух
И дышать свободней груди.

В горы, где синеют ели,
Звонки, зелены, могучи,
Воды плещут, птицы свищут
И по воле мчатся тучи... "[22]

Величие горной природы возвышало и очищало душу, возбуждало поэтический настрой у талантливых лириков - Гейне, Тютчева, Ноé, Волошина...

Ноé основывает туристские альпийские общества в Австрии, Швейцарии, Мюнхене. Он переезжает из Мюнхена в Вену и с 1875 года начинает выпускать там „Alpenzeitung", а с 1894 года - „Laibachter Zeitung". Переводчик Тютчева, Генрих Ноé, умер 26 августа 1896 года в больнице альпийского городка Боцен, на севере Италии. Там же в Боцене, на лютеранском кладбище, установлен ему памятник. Книги Ноé, признанного классика немецкой литературы о путешествиях, издаются по сей день.

---

[21] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / Сост., подг. текста Л. Н. Кузиной // М. 1984. Т. 2, с. 54.
[22] *Волошин М. А.* Путник по вселенным // М. 1990. С. 19-29.

ТЮТЧЕВ, КОРОЛЬ ОТТО И ПЕРСОНАЖИ КАРТИНЫ ФИЛИППА ФОЛЬЦА

СОБЫТИЯ ДЕКАБРЯ 1832 ГОДА

Начало декабря 1832 года вошло в летопись Мюнхена не зимними холодами, не биржевыми сводками, не обострившимися отношениями с последователями ордена иезуитов[1], а взрывом патриотических страстей: 17-летний принц Отто Баварский, второй сын короля Людвига I, отправлялся на царство в Грецию, где он 8 августа того же года был избран на греческий престол.

Многовековая история борьбы Греции за свою независимость от турецкого ига полна драматизма. В первой половине XIX века европейские державы военными и политическими методами продвигали решение греческого освобождения. Значительно была ослаблена греческая зависимость от Турции после разгрома турецкого флота под Наварино 20 октября 1827 года кораблями России, Англии и Франции. По Адрианопольскому договору (между Россией и Турцией 14 сентября 1829 года) Турция вынуждена была признать греческую автономию. Решением Лондонской конференции (в феврале 1830 году) суверенитет Греции был расширен: Греция получила право на христианского князя в качестве монарха. Правда, князь - еше не король, но уже все-таки суверен. Лондонская конференция не возражала против кандидатуры первого греческого суверена саксонского принца Леопольда. Через месяц, 21 марта 1830 года, принц передумал, т. к. появилась возможность стать первым бельгийским королем, да и греческое православие ему было не к чему. В отсутствие суверена Грецией управлял первый президент, Иоанн Каподистрия, но ему не повезло: он серьезно мешал соперничающим группировкам и 9 октября 1831 года был убит.

---

[1] В Баварии орден иезуитов был распущен в 1834 году, его имущество было передано школам и Мальтийскому приоратству.

Иоанн граф Каподистрия (1776-1831) происходил из старинного корфского рода, в 1802 году был государственным секретарем Ионической республики, с 1813 года служил в русской Дунайской армии, входил в состав российских делегаций на международных конгрессах с повесткой дня по греческому вопросу (Венской в 1814 году, Парижской в 1816 году). Прозападные группировки Греции обвиняли И. Каподистрия в русской авторитарной манере правления[2].

Известно, что главная инициатива возведения баварского принца на греческий престол принадлежала мюнхенскому профессору-эллинисту Фридриху Тиршу, влиятельному политику при баварском дворе. Свою идею он вынашивал почти 20 лет, связан был с неафишируемой антитурецкой организацией греческих патриотов „Гетерия", которая имела отделения не только в Греции, но и во многих европейских городах (в том числе Одессе). Последние несколько лет Тирш отрабатывал детали плана, согласовывая уточнения с заинтересованными сторонами. Существенный нюанс идеи Тирша - необходимость несовершеннолетия иностранного претендента на греческий престол. При этом юноша-король по плану Тирша будет управлять страной с помощью регентского совета, который должен состоять из влиятельных лиц его родины. К моменту достижения совершеннолетия молодой король должен уже получить достаточное греческое воспитание.

Мюнхенский профессор с согласия короля Людвига I был неофициальным связуюшим звеном с европейскими правительствами. Переписке Тирша с российским императором содействовал дипломат Фёдор Иванович Тютчев. С августа 1831 года по октябрь 1832 года Тирш находился в Греции, выясняя на месте особенности внутриполитической ситуации. 13 февраля 1832 года великие державы в Лондоне согласились с кандидатурой принца Отто Баварского в качестве будущего греческого короля. 8 августа Национальное собрание Греции избрало сына Людвига на греческий престол. В октябре 1832 года в Мюнхен прибыли посланники Национального собрания: адмирал Андреас Миаулис, генералы Костас Ботцарис и Димитриос Плапоутас, с просьбой к Отто выполнить пожелание Национального собрания.

---

[2] König-Otto-von-Griechenland-Museum / NE: Murken Jan; GT // München. Bayerische Museen. Bd. 22. 1995. S. 30.

Предыстория дипломатической активности была известна немногим. Мюнхенские газеты полны подробностями о приготовлениях к отъезду короля Отто Греческого. Так стал именоваться сын Людвига I. Газета „Münchener Politische Zeitung" (Nr. 135) поместила следующую публикацию в рубрике международных событий: „*Бавария. Мюнхен, 4 декабря, вторник. Как мы слышали, Его Величество король Отто Греческий в четверг 6 этого месяца в 9 часов утра отправится в дорогу в Грецию. Вчера после обеда депутация одного из местных магистратов посетила Его Величество и обратилась от имени местной общины с прошением о присвоении этой общине Высочайшего Имени на память о короле Отто Греческом в Мюнхене. Его Величество соблаговолил высказаться доброжелательно по поводу мнения граждан Мюнхена*[3].

Вчера вечером в большом Одеонзале в присутствии Их Величеств короля Людвига I, королевы Терезы, короля Отто Греческого состоялся концерт камерной музыки княжеского Гогенцоллерн-оркестра... Большой успех имела подающая надежду 9-летняя Мария Весперманн, которая исполнила рондо для фортепиано"[4].

На следующий день эта же газета сообщает новые подробности:

„*Бавария. Мюнхен, 5 декабря, среда. В последнее воскресенье* (т. е. 2 декабря) *все три члена греческой депутации получили каждый Крест Коммандора ордена Гражданской службы баварской короны*[5]. *Их адъютанты получили драгоценные бриллиантовые кольца. В тот же день депутация имела честь быть приглашенной к королевскому столу. Как мы слышали, Их Величества король и королева будут сопровождать Его величество короля Отто Греческого в его завтрашнем отъезде, а затем после обеда вернутся обратно в город. Его Величество короля Отто Греческого до Неаполя будет сопровождать Его*

---

[3] Такая община существует и сегодня. Она находится в городской черте Мюнхена в районе Оттобрунн. К годовщине 150-летия отъезда Отто в Грецию, в 1982 году, на средства общины открыт музей имени короля Отто Греческого.

[4] Münchener Politische Zeitung mit Seiner Königlichen Majestät allergnädigstem Privilegium. Nr. 135, 1832, S. 1096.

[5] Данный орден Людвиг учредил в день своего рождения 25 августа 1827 года. Королю тогда исполнился 41 год.

Высочество кронпринц[6]. *В свите Его Величества генерал Хайдеггер и адъютанты: барон фон Аш и граф фон Сапорта. В свите Его Высочества барон фон Бессерер и граф фон Буттлер. Первый ночлег будет в Иннсбруке. Через несколько дней после отъезда короля Греческого последуют остальные члены регентства*[7]. *Его Величество король Отто Греческий будет гостить 3 дня во Флоренции, 8 дней в Риме и из Неаполя после прибытия английского фрегата направится в Бриндизи. Господа греческой депутации 7-го этого месяца вместе с остальной свитой Его Величества отбудут в Триест, откуда приблизительно 4 января следующего года отплывают совместно с военными*".

Каждому королю подобает иметь свое войско. У короля Отто Греческого войско было баварское, 3000 солдат. По случаю убытия отряда в Грецию поэт Х. Донауер сочинил марш „Прощание баварских воинов" (на мелодию песни „Прощание Бертранда")[8]:

Живи на радость страна, которая нас родила.
Судьба зовет к яркой прекрасной звезде!
К высокой чести нас избрали.
Влечет в туманно-серую даль
Слава, благополучие, светлое будущее!
Прочная башня прекрасного трона
Сверкает, оплетенная венком.
Хайль, Отто! Хайль, благородный королевский сын!

Воины вернулись 30 марта 1834 года. „...*король смотрел возвратившееся из Греции войско*",- запись в дневнике Александра Тургенева, гостившего в это время в Мюнхене[9].

---

[6] Старший сын Людвига I, Максимилиан (1811-1864), будущий, с 1848 года, король Максимилиан II Баварский.

[7] Королю Отто был придан регентский совет: бывший министр Йозеф граф фон Армансперг, председатель совета, юрист Георг фон Маурер и генерал Карл фон Хайдек (Хайдеггер). Маурер и Армансперг следовали в Грецию отдельно от свиты короля.

[8] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Akt R. F. 668

[9] Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / Публикация К. М. Азадовского и А. К. Осповата // Литературное наследство "Федор Иванович Тютчев". М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 74.

Кому-то угодна была ссора греческой депутации с регентским советом. Газета публикует энергично протестующее письмо греков: „*Греческая депутация. Мюнхен, 3 декабря 1832 года. Мы считаем своим долгом разъяснить и открыто опровергнуть неприемлимые и ложные сведения, изложенные в „Würzbürgerzeitung“ от 6-го прошлого месяца, что якобы греческая депутация и национальное собрание против назначения благородного генерал-майора Хайдеггера. Мы заявляем, что ценим услуги всех светлых новых друзей, которые словом и делом оказались полезными нам и дружественной Баварии*“[10].

„Münchener-Conversation Blatt“, среда, 5 декабря 1832 года уточняет: „*Шестого утром в 9 часов состоится отъезд Его Величества короля Отто. Прощальная аудиенция **уже позади**(!). В последнее воскресение господином министром иностранных дел бароном фон Гизе после молитвы и последующего обеда греческому представительству были вручены награды. Крест Коммандора Ордена Гражданской службы баварской короны получили господа: адмирал Миаулис и генералы Боцарис и Плапулас. Драгоценные бриллиантовые кольца получили господа адъютанты Стрипас, Цуравелас, Паулидис. В непосредственном сопровождении короля Отто будут господа адъютанты: граф фон Сапорта и барон фон Аш. Регентству в дальнейшем будут приданы: правительственный финансовый директор фон Грайнер, от министерства иностанных дел тайный советник Саломе, старший геометр Гебхард. Также учреждена типография двора, с которой поедет наборщик и печатник...*“[11]. Из цитированных газетных заметок следует, что официальная аудиенция прощания была за 4 дня до отъезда, 2-го декабря, и проходила почти по-домашнему, с обедом, подарками... Кроме королевской семьи, присутствовали греческие гости, министр Гизе и, возможно, еще какие-то менее значительные лица. Среди присутствоваших не упомянут главный режиссер события Фридрих Тирш, а также дипломаты стран, закулисно поддержавших осуществление данной международной акции. Можно лишь догадываться о действительных причинах столь скромной прощальной дворцовой аудиенции, несмотря на значительность повода. Возможно, Людвиг, зная о соперничестве великих держав, о непрочности их

---

[10] Münchener Politische Zeitung... Nr. 136, 1832, 4. Dezember (S. 1107).
[11] Münchener Conversation Blatt, Nr. 340, 5. Dezember 1832.

временных союзов, пытался не предоставлять им шанс турнирного состязания во влиянии на юного короля.

Волнительность расставания с Отто выплеснулась на улицы Мюнхена. „Münchener Politische Zeitung“, 6 декабря: *„Молодой потомок дома Виттельсбахов, второй королевский сын, восходит на греческий престол. Король Отто сегодня утром в 10 часов последовал в путь к своему славному назначению в Грецию в сопровождении Их Величеств короля и королевы и Его королевского Высочества кронпринца. Улицы столицы, по которым следовало королевское шествие, кишели бесчисленными людьми, желавшими продлить в памяти дорогое лицо всеми любимого королевского сына. Не было глаз без печали и сердца, неохваченного искренней тоской от противожелаемой разлуки. Греция принимает бесценный дар от Баварии, она принимает короля Отто, суверена, который одарен редчайшим добрым сердцем...“*[12].

„Münchener Conversation Blatt“ 7 декабря подтверждает те же подробности, почти не добавляя новых: *„Вчера в 10 часов утра из двора королевской резиденции выехал кортеж. Но уже за час до этого собралось большое количество жителей Мюнхена. Его Величество король Отто ехал в карете своих родителей. Сзади ехали кареты свиты. Весь кортеж медленно следовал по главным улицам столицы и выехал из города по мосту через Изар. Их королевские Величества королева и король Отто были искренне во власти тяжелого прощания. Присутствующие были свидетелями захватывающей сердце грустной сцены. Ни у одного из провожающих не было сухих глаз...“*[13].

На 12-м километре между поселками Перлах и Хегенкирхен (приход Хоенбрунн) состоялось трогательное расставание короля-юноши Отто с мамой и папой. Родительские чувства были столь переполнены, что Людвиг I Баварский приказал установить памятную колонну в данном месте, пункте начала отсчета самостоятельной жизни юного монарха, следующего в неведомую ему страну (сейчас данное место именуется Розенхаймер-Ландштрассе в мюнхенском городском районе Оттобрунн).

[12] Münchener Politische Zeitung... Nr. 137, 1832, 6. Dezember 1832.
[13] Münchener Conversation Blatt, Nr. 342, 7. Dezember 1832.

Присутствовал ли Тютчев на проводах Отто? С определенной долей уверенности на этот вопрос можно ответить отрицательно. В опубликованном эпистолярии Тютчева отсутствует какое-либо его мнение по поводу столь неординарного события. Но зато, как впечатлительно реагировал Тютчев через 10 лет на приезд в Мюнхен принцессы Марии 11 октября 1842 года! 17-летняя дочь принца Вильгельма Прусского за шесть дней до того обвенчалась в Берлине с кронпринцем Максимилианом Баварским и в качестве кронпринцессы прибыла в Мюнхен на постоянное место жительства[14]. Её приезд совпал с ежегодными осенними гуляниями, Oktoberfest, и с предстоящим собственным днем рождения, 15 октября. Тютчев тогда писал: „*Людвигштрассе представляла собой великолепное зрелище: на всем своем протяжении она казалась вымощенной человеческими головами, столь тесно прижатыми одна к другой, что они казались неподвижными, а затем, когда по мере приближения экипажа принцессы они приходили в движение - в мерцательном движении толпы было нечто столь мощное и бурное, что его нельзя было наблюдать без некоторого головокружения.* ***Я никогда не видел ничего подобного***“[15]. Между тем, мюнхенские газеты тогда довольно спокойно освещали приезд принцессы, акцентируя, в основном, дворцовые сведения. „Münchener Politische Zeitung“ 12 октября 1842 года писала: “*Мюнхен. 11 октября. Все с дружественным ожиданием смотрели прибытие в сегодняшний полдень Её Королевского Высочества кронпринцессы Марии. Его королевское Высочество кронпринц* (Максимилиан) *вчера выехал навстречу своей высокочтимой супруги. Его Императорское Высочество герцог Лейхтенбергский прибыл вчера вечером из Вены и последовал в герцогский дворец*“[16] и т. д. Никаких бурных эмоций и восторгов. Только деловая программа приёма.

Способствуя претворению в жизнь инициативы Тирша, сообщая Тиршу о положительной реакции официальных россий-

---

[14] В браке с Максимилианом Мария-Фридерика-Франциска-Августа (1825-1880) родила в 1845 году будущего короля Людвига II Баварского и в 1848 году принца Отто.

[15] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах (т. 1 „Стихотворения“, т. 2 „Письма“) / Вступит. ст. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева; подгот. текста, составл., коммент. К. В. Пигарева // М. 1984. Т. 2, с. 71.

[16] Münchener Politische Zeitung... Nr. 244, 12. Oktober 1844.

ских чиновников, Тютчев, ни в одном из частных писем эмоционально не окрашивает упоминание о короле Отто. Ни один из современников Тютчева не свидетельствует о личной положительной оценке Тютчевым событий 6 декабря 1832 года. В разработке плана Тирша Тютчев не участвовал и позже выразил свое несогласие с некоторыми существенными деталями плана. В августе-ноябре 1833 года Тютчев поедет в Грецию в качестве дипломатического курьера. Тютчевовед Антония Глассе (США)[17] подробно выяснила, что Тютчев должен был восстановить утраченную связь с королем Отто (немецкое имя Otto в дипломатической переписке было изменено на греческое Othon), как со стороны российской дипломатии, так и со стороны короля Людвига I Баварского. Уже через несколько месяцев не вполне самостоятельного юношу-короля регентство ориентировало лицом к Западу. Соперничество держав за влияние на судьбу Греции было не в пользу России. В командировку Тютчев отправлялся неохотно и с заданием фактически не справился. В служебном отчете Тютчев образно писал: „*Волшебные сказки изображают иногда чудесную колыбель, вокруг которой собираются гении-покровители новорожденного. После того, как они одарят младенца самыми благодетельными своими чарами, неминуемо является злая фея, навлекающая на колыбель ребенка какое-нибудь пагубное колдовство, имеющее свойством разрушать или портить те блестящие дары, коими только что осыпали дружественные силы. Такова приблизительно история греческой монархии. Нельзя не признать, что три великие державы, взлелеявшие её под своим крылом, снабдили её вполне приличным приданным. По какой же странной, роковой случайности выпало на долю баварского короля сыграть при этом роль злой феи? И право, он даже слишком хорошо выполнил эту роль, снабдив новорожденную королевскую власть пагубным даром* ***своего Регентства!*** *Надолго будет памятен Греции этот подарок „на зубок“ от баварского короля*“[18]. Это тютчевское предсказание сбылось в полной мере. Провидец Тютчев предчувствовал печальный финал затеи Тирша. Но все эти неудачи будут позже, а пока Людвиг I с при-

---

[17] Дипломатическая миссия Тютчева в Грецию / Сообщение А. Глассе (США) // Литературное наследство "Федор Иванович Тютчев". М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 446.

[18] Тютчев в Мюнхене / А. К. Осповата // Литературное наследство.... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 44.

сущей ему фантазией и королевским размахом стремился мемориально увековечить восхождение своего второго сына на иностранный престол.

20 октября 1833 года католический священник и греческий архимандрит освятили закладку колонны имени Отто, Отто-колонны, в приходе Хоенбрунн и 13 февраля 1834 года колонна была торжественна открыта в присутствии коменданта королевского греческого корпуса господина полковника фон Лезур с адъютантами. Колонна сооружена в дорическом стиле знаменитым мастером по камню Антоном Рипфелем. Высота колонны 8,75 м, венчает её бюст короля Отто в стилизованной греческой одежде. В 1835 году художник Алоиз Хирард изготовил литографию с изображением Отто-колонны, обрамленной стихами поэта Г. Норда, в которых имя короля Людвига упоминается чаще имени его сына[19]:

Здесь дал благородный отец
Благославление своему сыну.
Сиянием он украсил
Новую королевскую корону!
Дал Людвиг своему Отто
В горячем излиянии
Трудное слово разлуки
С последним прощальным поцелуем!
...

Под изображением колонны на литографии текст (с подтекстом): „...*Люди, чьи чувства для святого патриотизма чужды, препятствовали открытию колонны к годовщине разлуки. Но наш праведный король отменил 28.12. прошлого года высочайшими приказами их отвратительное влияние и благодаря верности, бескорыстию и патриотизму Рипфеля Отто-колонна 13 февраля 1834 года была торжественно открыта в присутствии королевского греческого отряда под командованием господина майора фон Отта... Хайль Людвиг и Отто! Хайль дом Виттельсбахов!*“[20]. Отто-колонна реставрирована в 1977 году и стоит на своем прежнем месте (на Розенхаймер-Ландштрассе в Оттобрунне).

---

[19] König-Otto-von-Griechenland-Museum / NE: Murken Jan; GT. Bayerische Museen; Bd. 22 // München: Weltkunst-Verl., 1995. S. 59. Подстрочный перевод автора.
[20] Там же.

Были установлены еще два памятника: в Айблинге (недалеко от города Розенхайм в Баварии) в 1835 году по проекту Фридриха фон Цибланда „Монумент Терезы", где изображена королева Тереза в момент прощания с Отто, и через год - „Отто-часовня" в Киферсфельдене (недалеко от Зальцбурга), городке, в котором родился Отто.

Все памятные сооружения запечатлены на отчеканенных коллекционных монетах, серебряных талерах[21].

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КАРТИНЫ

Но Людвиг I желал также, чтобы потомки познали его время и через образы картинной живописи. Король не ошибся: почти все картины, созданные художниками двора, время пощадило. Было создано более десяти иконографических Отто-памятников, в том числе несколько полотен с изображением групповых портретов. Для нас интерес представляет произведение придворного художника Филиппа Фольца (1805-1877), которое живописец назвал „Прощание короля Отто I Греческого с Мюнхеном 6 декабря 1832". На небольшом полотне размером всего 72 х 50,4 см[22] изображены около 70 портретов самых значительных лиц баварского двора первой трети XIX столетия. В искусстоведческих справочниках упоминаются и другие названия картины, например, „Прощание короля Отто с мюнхенским двором". В путеводителе Ш. Рёттген „Афины - Мюнхен. Баварский национальный музей"[23] картина именована „Прощание короля Отто со своей семьей"[24]. Этими названиями подчеркивалось, что расставание Отто было только со своими близкими. Никого из посторонних! И художник Филипп Фольц, и король Людвиг понимали, что тема прощания с

---

[21] Всего при Людвиге I с октября 1825 года по ноябрь 1841 года отчеканено по различным поводам 29 памятных монет: 24 медных монеты номиналом от 2 до 24 крейцеров и 5 серебряных монет номиналом в 3 гульдена. Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch den Königlich-bayerischen Haupt- und Residenz-Stadt München, 1842, Band A, S. 111.

[22] Литография Г. Бодмера имеет размер 62,3 х 48,5 см.

[23] *Röttgen, Steffi.* Erinnerungsmale an König Ottos Abschied in Bayern, in: Athen - München. Bayerisches Nationalmuseum, Bildführer 8, München 1980. S. 95.

[24] König-Otto-von-Griechenland-Museum / ...// München: Weltkunst-Verl., 1995. S. 56.

королевским принцем является только внешним поводом, сценарным антуражем для выражения более важной сверхзадачи картины. Людвиг I, основатель художественного Мюнхена, собиратель картин и хороший знаток живописи, задумал уникальный сюжет: король и его двор. Именно поэтому картина Фольца не фотографическое изображение сцены расставания 6 декабря, а художественное произведение с правом на фантазию для осуществления главной идеи. Фактическая аудиенция несиюминутного прощания состоялась ранее, 2 декабря, с ограниченным количеством приглашенных людей, среди которых Фольца не было.

У Людвига при дворе было много хороших художников, он их любил и по достоинству ценил, но для воплощения задуманного король пригласил молодого Филиппа Фольца. Тому было немало причин, в том числе даже генетические: в каждом поколении Фольцев были талантливые художники. Предок Филиппа Фольца, Ганс Фольц из Ульма, который жил в XVII столетии, был знаменитым в то время художником. Отец Филиппа, Людвиг, оставил след в художественных справочниках как портретист конца XVIII века. Брат Филиппа, также Людвиг, художник и скульптор, сотрудничал со знаменитым Шванталером, автором грандиозного колосса „Бавария“. Каролина, племянница Филиппа, дочь Людвига-младшего, была талантливой пейзажисткой. Король Людвиг знал, что отец Филиппа был художником-миниатюристом и передал сыну тонкие навыки своего мастерства. Несомненно, что Филиппа Фольца рекомендовал королю друг Людвига I, учитель Филиппа, мэтр Петер Корнелиус, который расписывал в это время интерьер Пинакотеки и создавал тогда же самую большую в Германии картину „Страшный суд“ для Людвигскирхе[25].

Увлекался Фольц иллюстрированием произведений Шиллера, учился в Италии, закончил свой жизненный путь директором Пинакотеки, где в XVII зале и по сей день висит его „Прощание Отто“.

---

[25] Александр Тургенев записал 28 марта 1834 года: „*...он* (Шеллинг) *удивляется, что Корнелиус избрал главною запрестольною картиною для здешнего собора - Страшный суд, зная, что этот сюжет и ему подобные в католических церквях в алтаре не принимаются, как, например в Сикстинской капелле*“ См. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / ... // Литературное наследство... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 73. Картину площадью 209 кв. м, заказанную Людвигом, невозможно было разместить в приделе церкви.

ПЕРСОНАЖИ КАРТИНЫ

В упомянутом справочнике Ш. Рёттген указан список 42 портретных персонажей. Этот список не является табелем о рангах королевских подданных. Данный табель скорее угадывается в композиции картины. В центре картины на переднем плане два короля: Отто I Греческий и Людвиг I Баварский, сын и отец. Провожающие разделены на две неравные группы, левую и правую (см. ниже извлечение из упомянутой работы Ш. Рёттген) . Левую группу, в которой большинство провожающих, Фольц разместил со стороны Отто, по спирали подъема парадной лестницы (к праздничному залу королевской резиденции).

Со стороны Людвига, справа от Отто, на нижней площадке лестницы Фольц в три ряда расставил 15 человек. В третьем последнем ряду - трое: два адъютанта короля Отто, барон Аш и граф Сапорта (в списке им присвоены номера соответственно 10 и 11) и третий персонаж, который в списке не обозначен. Им может быть один из адъютантов кронпринца Максимилиана: барон Бессерер или граф Буттлер.

Во втором ряду полукругом стоят восемь человек (слева направо, в списке их номера соответственно 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 12): три члена регентского совета - генерал-майор Карл фон Хайдек (он же Хайдеггер), Йозеф Людвиг граф фон Армансперг, статский советник Георг Людвиг фон Маурер; далее тайный действительный советник Карл Август фон Абель; греческий священник; старший строительный советник Лео фон Кленце (портрет в анфас); советник двора профессор доктор Фридрих Тирш (портрет в профиль) и полковник Франц граф фон Паумгартен.

Первый ряд правой группы образует небольшой полукруг из четырех человек: трех членов греческой депутации - генерала Димитриоса Плапутаса, адмирала Андреаса Миаулиса, генерала Коста Ботцариса (их номера в списке 15, 14 и 13) и четвертого персонажа (в греческой национальной одежде), неуказанного в списке, вероятно, одного из адъютантов депутации (Стрипаса, Цуравелласа или Паулидиса).

Король (персонаж №2 в списке Ш. Рёттген) положил руку на плечо адмирала Миаулиса и дает ему последнее напутствие. Но, мы уже знаем, что греческая депутация 6-го декабря еще оставалась в Мюнхене. Депутация выехала 7-го, а официальное ее напутствие состоялось четырьмя днями ранее, 2-го декабря. Действительное прощание с депутацией вероятнее всего состоялось на следующий день после отъезда Отто. То есть жесты и позы персонажей, как и вся композиция в целом, диктовались внутренней логикой воплощаемого художественного замысла, а не фактографическим показом события.

1 König Otto von Griechenland
2 König Ludwig I. von Bayern
3 Generalmajor Carl von Heideck
4 Joseph Ludwig Graf von Armannsperg
5 Staatsrat Georg Ludwig von Maurer
Fürst von Oettingen-Wallerstein
6 Geheimer Legationsrat Karl August von Abel
7 Griechischer Geistlicher
8 Oberbaurat Leo von Klenze
9 Hofrat Professor Dr. Friedrich Thiersch
10 Hauptmann Josef von Asch, Adjutant des Königs Otto
11 Hauptmann Friedrich Graf von Saporta, Adjutant des Königs Otto
12 Oberst Franz Graf von Paumgarten
13 General Costa Bozaris
14 Admiral Andreas Miaulis
15 General Dimitri Koliopulos Plaputas
16 Prinz Luitpold, der spätere Prinzregent
17 Prinzessin Mathilde
18 Königin Therese, Gemahlin König Ludwigs
19 Amalie Freiin von Rottenhoff
20 Maximiliane Freiin von Mandl
21 Prinz Max von Leuchtenberg
22 Sophie Gräfin von Gravenreuth
23 Maria Theresia Grärin von Deroy
24 Generalmajor Constantin Fürst von Löwenstein-Wertheim
25 Oberstleutnant Joseph Fürst von Thurn und Taxis
26 Generalleutnant Karl Graf zu Pappenheim
27 Innenminister Ludwig Crato Carl
28 Carl Graf von Rechberg
29 Clemens Graf von Törring-Seefeld

30 Generalmajor Anton Freiherr von Glimppenberg
31 Staatsrat Bernhard von Grandaur
32 Generalkommissär Carl Graf von Seinsheim
33 Generalleutnant Max Graf von Preysing
34 Oberleutnant Alexander von Hagens
35 Generalleutnant Franz Graf von Pocci, Obersthofmeister der Königin
36 Domprobst Johann Georg von Oettl, Erzieher des Königs Otto
37 Carl Ludwig Philipp Freiherr von Keßling, Oberststallmeister
38 Friedrich August Freiherr von Gise, Staatsminister des königlichen Hauses und des Äußeren
39 Generalfeldmarschall und Generalinspekteur Carl Philipp Fürst von Wrede
40 Generalfeldmarschall Prinz Karl, Bruder König Ludwigs
41 Kronprinz Maximilian, der spätere König Max
42 Antonia Freiin von Täuffenbach mit dem Prinzen Adalbert und den Prinzessinen: Adelgunde, Hildegard und Alexandra

BILD 18 auf Seite 98. *Abschied des Königs Otto von seiner Familie* von Philipp Foltz.

Список персонажей картины Филиппа Фольца из путеводителя Штеффи Рёттген „Афины - Мюнхен. Баварский национальный музей“ (см. примеч. 23).

Перед Фольцем была поставлена трудная задача изображения большого числа людей на стесненном пространстве. Фольц выбрал широкую парадную лестницу.

Известен эскизный вариант картины под названием „Прощание принца Отто Баварского, назначенного королем греческим, со своими родителями в 1832 году“. В данном варианте всего 17 портретов. Король здесь не напутствует греков, все его внимание обращено к сыну. Действие происходит на той же нижней площадке лестницы при несколько ином освещении.

За спиной короля Отто, слева от него, в окончательном варианте картины художник кучно столпил более 50 человек на ступеньках спиральновосходящего подъема. Персонажи расставлены художником рядами, часть из которых оказалась в тени правой колонны. Выше тени этой колонны в группе провожающих видна фрейлина Антония фон Тойффенбах (персонаж № 42) с четырьмя детьми короля Людвига: 4-летним принцем Адальбертом (на руках у фрейлины) и принцессами, 9-летней Адельгундой, 7-летней Хильдегард и 6-летней Александрой. Ниже тени колонны персонажи расставлены в четыре ряда. Есть еще группа лиц, стоящих возле левой колонны. В четвертом ряду освещены 6

человек (слева направо персонажи №№ 28, 29, 30, 31, 33 и 34): Карл граф фон Рехберг (портрет в профиль); Клеменс граф фон Тёрринг-Зеефельд (портрет в анфас); генерал-майор Антон барон фон Гумппенберг (портрет человека с усами в анфас); кабинет-секретарь Бернхард фон Грандаур (портрет в профиль человека в очках); генерал-лейтенант Макс граф фон Пройзинг и в полутени колонны обер-лейтенант Александр фон Хагенс.

Правее Хагенса хорошо освещено молодое лицо соборного священника, воспитателя короля Отто, Йоханна Георга фон Ойттля (персонаж № 36). Фон Ойттль стоит как-бы между четвертым и третьим рядами. В иерархии королевского двора он соединяющее звено между рядами придворных.

В третьем ряду изображены семеро значительных для короля лиц (слева направо, персонажи №№ 32, 22, 23, 35, 37, 38 и 39): генерал-комиссар Карл граф фон Зайнсхайм (портрет в полоборота головы, в справочнике Ш. Рёттген данному портрету ошибочно присвоен № 22 и он обозначен как женский); София графиня фон Гравенройт (портрет в профиль); Мария Тереза графиня фон Дерой (портрет в анфас); генерал-лейтенант Франц граф фон Поччи, обер-хофмейстер королевы; Карл Людвиг Филипп барон фон Кеслинг, обер-шталмейстер; Фридрих Август барон фон Гизе, государственный министр королевского дома и иностранных дел; генерал-фельдмаршал и генерал-инспектор Карл Филипп князь фон Вреде (портрет у правой колонны).

Князь Вреде несколько заслонен молодцеватым человеком с усами, который стоит у колонны между третьим и вторым рядами (персонаж № 40). Это 37-летний генерал-фельдмаршал принц Карл, брат короля Людвига I. В 1814 году юноша-принц под командованием Вреде участвовал в антинаполеоновской кампании. Теперь вот догнал его в воинском звании и заслонил не только на картине... Принц Карл стоит за спиной своего племянника, 21-летнего кронпринца Максимилиана, будущего (с 1848 года) короля Максимилиана II Баварского (персонаж № 41). Кокетливо-склоненная головка рядом с кронпринцем принадлежит его 19-летней сестре, принцессе Матильде (персонаж № 17). С левой стороны этого же второго ряда три портрета: мужской (персонаж № 21) и два женских (персонажи №№ 20 и 19). На мужском портрете изображен принц Макс фон Лейхтенберг. Рядом с ним Максимилиана фрейлина фон Мандл и далее Амалия фрейлина фон Роттенхофф. Перед принцессой Матильдой стоит скучающий мальчик

(персонаж № 16). Это 11-летний принц Луитпольд. Он проживет длинную жизнь, с 1886 года по 1912 ему предстоит быть принц-регентом Баварии.

Возле левой колонны стоят четверо вельмож (персонажи №№ 25, 26 27 и 24): обер-лейтенант Йозеф князь фон Турн-унд-Таксис (портрет в профиль у левого ранта картины); генерал-лейтенант Карл граф цу Паппенхайм; министр внутренних дел Людвиг Крато Карл князь фон Ойттинген-Валлерштейн; спиной к зрителю стоит генерал-майор Константин князь фон Лёвенштейн-Вертхайм[26], но на показ лица генерал-майора художник почему-то не решился.

В первом ряду сцена, послужившая поводом к написанию картины: королева Тереза (персонаж № 18), жена короля Людвига I, прощается с королем Отто Греческим (персонаж № 1). Для потомков не должно быть столь существенным, что в действительности королева-мать прощалась с сыном не в королевской резиденции в присутствии многочисленных верноподанных баварской короны, а в 12-ти километрах южнее Мюнхена, куда она доехала вместе с Отто в одной карете. По замыслу художника (и короля!) необходимо было показать человечность отношений в монаршей семье. Задача сцены (не сверхзадача картины в целом, о которой было сказано выше) - расставание простых людей, матери с сыном. Они никого не видят вокруг. Для них двоих в этот момент подданных не существует. Газеты отмечали, с каким тяжелым чувством Тереза расставалась с Отто. Её неопытный сын, почти мальчик, уезжал на чужбину, где удача его не ждала. Предчувствия Терезы в конечном счете её не обманули...

Существовал еще один вариант сцены прощания, который был воспроизведен неизвестным художником по мотиву картины Фольца на фасаде пивоварни в Айблинге. Сохранилась фотокопия этого изображения. Роспись имела размеры 200 х 150 см и изображала почти ту же композицию прощания Терезы и Отто, но расставание более интимно. Они только вдвоем, вероятно, в покоях

---

[26] В упомянутом выше эскизном варианте вместо князя был изображен другой персонаж; вероятно, отбор кандидатов на увековечение был очень тщательным.

королевы. Тереза трогательно положила левую руку на плечо сыну, Отто сжимает правую ладонь матери[27].

Персонажи картины - известные люди Баварии, большинство из них причастны к истории своей страны. Несомненно, их хорошо знал секретарь российского посольства Фёдор Иванович Тютчев. Прямо или опосредствованно он имел отношение почти ко всем изображенным лицам. Многие из них упоминаются в тютчевской переписке, в воспоминаниях российских современников Тютчева, посетивших в ту пору Мюнхен.

РЕГЕНТСТВО

Известно, сколько проблем России и хлопот Тютчеву доставил неудачный выбор королем Людвигом I состава регентского совета. Выше уже упоминалось об исследовании Антонией Глассе (США) мотивов поездки Тютчева в Грецию во втором полугодии 1833 года. Ориентация председателя совета, графа Армансперга, в сторону Запада вызвала серьезную российскую озабоченность, которая была доведена до сведения министерства иностранных дел Баварии и короля Людвига I. Король Отто под влиянием графа был изолирован не только от российской, но и от баварской дипломатии. Тютчев должен был попытаться разрушить эту изоляцию. Задача была не из легких и поэту она явно оказалась не по плечу. Король Людвиг писал сыну: „*Пользуясь представившейся мне верной возможностью, пишу тебе, горячо любимый Отто, что надеюсь получить от тебя письмо, если Тютчев, который все еще находится в Триесте в карантине*[28], *прибудет сюда. Постарайся, чтобы из-за поведения регентства Россия не превратилась бы во врага Эллады, ибо, воспользовавшись своим большим влиянием, она может сильно повредить ей, в особенности, если откажется предоставить последнюю треть займа. Симпатия графа Армансперга к трехцветной Франции мне известна*“[29].

---

[27] König-Otto-von-Griechenland-Museum / ...// München: Weltkunst-Verl., 1995. S. 61.

[28] На обратном пути из Греции в Мюнхен Тютчев из-за эпидемии холеры оказался в триестском карантине, где его слуга, Жозеф, скончался от холеры.

[29] Дипломатическая миссия Тютчева в Грецию /... // Литературное наследство... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 450.

В проекте донесения министру Нессельроде о своей поездке Тютчев писал: „*Прошло около 10-ти месяцев, как регентство взялось за дело, и оно уже успело на целые годы испортить будущность Греции*“. Тютчев считал, что внешняя политика Греции должна быть более жестко подконтрольна баварскому королю и предлагал возле Отто поместить более надежного человека. И далее мнение Тютчева :„*Я уже не говорю о том, насколько такое лицо, надлежащее выбранное, могло бы оказать пользы нашим дипломатическим сношениям и каким коррективом оно послужило бы для нас по отношению к регентству*“.

АРМАНСПЕРГ. К моменту позднее сложившихся негативных отношений с регентством картина Фольца была уже написана и граф Армансперг изображен на ней в числе лиц, приближенных к королю Людвигу. Такая композиция соответствовала реалиям двора. Йозеф Людвиг граф Армансперг (1787-1853) сблизился с королем, когда тот еще был только наследником баварской короны во времена их совместной учебы в ландсхутском университете. Молодому тогда кронпринцу импонировал забияка и дуэлянт Йозеф Армансперг.

Энергичный граф в 21 год был гражданским комиссаром в армии, в 27 - помощником князя Вреде на Венском конгрессе, в 30 лет - директором финасовой палаты в Аугсбурге, в 39 - министром внутренних дел и финансов, позднее министром иностранных дел. Уже неюношей (в 29 лет) женился граф на фрейлине королевы Терезы, баронессе фон Вайхс, влияние которой при дворе после замужества быстро возросло[30]. Политические и финансовые таланты графа вознесли его на вершину карьеры - председателя регентского совета при короле Отто. Граф Армансперг стал фактическим правителем Греции, но правил он в сторону Запада. Тютчев считал, что следует не переубежать председателя регентства, а заменять его на “лицо, надлежаще выбранное“. Позже король Людвиг такую замену сделает (на Игнаца фон Рудхардта), но время будет уже упущено. После смещения Армансперг еще займется политической деятельностью, но прежнего авторитета уже не будет.

МАУРЕР. Сын пфальцского священника, Георг Людвиг фон Маурер (1790-1872), получил юридическое образование в Гейдельберге и Париже, был профессором французского права в Гёттингене и Мюнхене. В регентском совете Маурер занимался

[30] Seidl, Wolf. Bayern in Griechenland // München. 1981. S. 337.

законодательством Греции, созданием уголовного и гражданского кодексов. У Маурера были серьезные разногласия с Армансепргом в части проводимой регентством внутренней политики, которая вызывала неприязнь православного местного населения и знати, опасавшегося баварско-католического влияния. Король Отто Греческий вопреки ранней договоренности оставался католиком в православной стране. Маурер подал в отставку и успешно продолжал свою научно-юридическую деятельность в Баварии[31] В 1847 году Маурер возглавит на непродолжительное время сразу два министерства: иностранных дел и юстиции.

ХАЙДЕК. Третьим членом регентского совета был генерал Карл Вильгельм фон Хайдек, он же Хайдеггер. Предки Хайдека (1787-1861) занимались вязанием из шелка в свободном городе Цюрихе, откуда в XVI веке переехали в Нюрнберг, однако баронское звание и герб зарегистрировали в Мюнхене только в 1844 году. Род Хайдека более известен наклонностями к искусству, чем ратными подвигами. Карл был явным нонсенсем в семье: в молодости он воевал в Испании, с 1815 года - адъютант князя Вреде, в 1826 году - военный советник в восставшей Греции. В регентстве Хайдек должен был заниматься военными вопросами Греции, но гены предков оказались сильней и генерал оставил потомкам много удачных зарисовок современной ему Греции. В последние годы жизни Хайдек целиком посвятил себя живописи, традиционному увлечению своей фамилии. Хайдек явно симпатичен Фольцу и королю. На картине он изображён стоящим ближе к Людвигу, чем к Армансепргу. На упомянутом выше эскизном 17-портретном варианте картины из всех членов регентства изображен только Хайдек.

Семейная жизнь военнослужащего Хайдека долго не складывалась. Женился Хайдек только в 46-летнем возрасте, 20 марта 1833 года, на Каролине Биндер, а 11 июня того же года в семье Хайдеков родилась дочь, тоже Каролина, или по домашнему Лина. Лина была ровесницей детей Тютчева. Известно её письмо с неустановленной датой старшей дочери Фёдора Ивановича, Анне Аксаковой.

АБЕЛЬ. Правее Маурера стоит тайный действительный советник Карл Август фон Абель (1788-1859), официальный представитель короля Людвига I в регентстве. Позже Абель в

[31] Там же. С. 347.

течение 10 лет (1837-1847) будет министром внутренних дел и в качестве такового должен будет в 1844 году улаживать одну газетную шумиху, к которой оказался причастен Тютчев. Поводом послужило письмо в аугсбургскую газету „Allgemeine Zeitung" анонимного немецкого путешественника из России с содержанием критики порядков в русской армии на Кавказе. В письме, в частности, сообщалось, что в России будто бы отдают крепостных в солдаты за такие провинности, которые во Франции считаются преступлениями, препятствующими к несению военной службы. Российская миссия в Мюнхене выразила протест министру иностранных дел барону фон Гизе, который обратил внимание на этот эпизод министра внутренних дел Абеля. Абель в свою очередь призвал к большей осмотрительности редактора газеты и поручил Департаменту цензуры разобраться в случившемся. В той же газете было опубликовано ответное письмо за подписью Тютчева, который тогда на дипломатической службе уже не состоял, а проживал в Мюнхене в качестве частного лица. Тютчев страстно выступил в защиту русских солдат, которых аноним уподобляет преступникам. Карьера Абеля завершилась в Турине, где он представлял интересы Баварии.

АШ. Из группы адъютантов, изображенных на заднем плане, успешную карьеру сделал капитан фон Аш: он стал генерал-лейтенантом.

ВОЕННЫЕ

Четвертая часть всех изображаемых персон - это военнослужащие. Их влияние при баварском дворе было очень велико.

ВРЕДЕ. Из лиц, непринадлежащих к королевской фамилии самым старшим по званию был генерал-фельдмаршал и генерал-инспектор князь Вреде (1767-1838). Его стремительная и удивительная карьера не имеет аналогов в баварской и немецкой истории. До 17 мая 1790 года выходец из Пфальца Карл Филипп Вреде не был даже дворянином, но с 12 марта 1791 года - он уже барон. Полковник баварской армии в 1799 году, Вреде отважный наполеоновсий генерал в 1805 году. Победу французов над россиянами под Аустерлицем Вреде обеспечивал уже в чине генерал-лейтенанта. 15 августа 1809 года Карл Вреде - граф Франции с получением высоких наград из рук Бонапарта, 15 июня 1810 года - под-

тверждение графского титула в Баварии. В 1812-13 гг. Вреде - командир 20-й баварской дивизии в составе франко-баварского корпуса маршала Сен-Сира против России, с октября 1813 года - главнокомандующий баварско-австрийской армией против Франции с проигранными (под Ганау) и выигранными (под Бар-сюр-Обе) сражениями, с ранением и награждением российским офицерским крестом святого Георгия II степени. В марте 1814 года Вреде - фельдмаршал, в июне того же года - князь, но пока без диплома. Получению княжеского диплома препятствовал премьер-министр Монжела́. В 1814-15 гг. Вреде представляет Баварию на Венском конгрессе. В 1817 году под давлением Вреде король Макс I Йозеф смещает всесильного графа Монжела́, главного реформатора Баварии наполеоновского времени. В январе 1819 года Вреде-фельдмаршал получает, наконец, диплом князя с правом именоваться „княжеская светлость", „княжеская милость". Позже князь-фельдмашал Вреде занимал высокие посты в правительстве.

Король Людвиг любил Вреде и посвящал ему стихи:

Вреде! Объединяют с именем твоим,
Моря воспоминаний!
Колоссальный рост событий
Говорит, Вреде, о размахе твоей победы!

В 1890 году небольшая улица в Максфорштадте была названа именем фельдмаршала Вреде. Ему же ещё в 1844 году скульптором Л. Шванталером была установлена бронзовая скульптура в престижной Feldherrnhalle - Галерее баварских полководцев. Галерея была построена архитектором Фридрихом Гертнером в 1841-44 гг. на Одеонсплац по образцу флорентийской Лоджии деи Ланци. В романе „Успех" Леон Фейхтвангер иронизирует по поводу установленных памятников в этой Галерее военноначальникам Тилли и Вреде, *„из которых один не был баварцем, а другой - полководцем"*[32]. Фейхтвангер явно несправедлив. У Вреде было стратегическое чутьё. Достоверно известно, что предчувствуя печальный финал похода 1812 года, генерал Вреде предостерегал

[32] Граф Тилли (1559-1632), брабантский дворянин, родился недалеко от Брюсселя, в 1610 году был приглашен баварским герцогом Максимилианом I. Тилли погиб во время Тридцатилетней войны (1618-1648) в качестве командующего баварскими войсками.

Наполеона от войны с Россией[33]. В тютчевской переписке имя Вреде не упоминается. Оно встречается в дневнике Александра Тургенева, в его беседах с философом Шеллингом.

ТУРН-УНД-ТАКСИС. Среди военнослужащих есть еще несколько князей, но воинское звание их пониже. Князь Йозеф Турн-унд-Таксис всего лишь обер-лейтенант, его значительность при дворе определена древностью рода и родственными связями с правящими династиями европейских стран. По линии Таксис фамилия происходит из итальянского города Бергамо[34] (недалеко ои Милана). Франц Таксис (1459-1517) организовал в 1490 году курьерскую службу: сначала между городами Германии и с 1500 года - между странами Европы. Современник Франца Таксиса, художник Альбрехт Дюрер (1471-1528), изобразил первых почтальонов Таксиса на картине „Маленький курьер". Князь Йозеф Турн-унд-Таксис традиционно остался главой почтовой службы Баварии. К фамилии Турн-унд-Таксис принадлежала Тереза, рожд. принцесса Мекленбург-Штрелиц, мать Амалии Лерхенфельд. Амалия была романтической любовью русского поэта Фёдора Тютчева на протяжении 50 лет! В родстве с Турн-унд-Таксис состояли бароны Дёрнберг, родственники первого мужа Эрнестины (во втором браке Тютчевой). Внучка неродовитого князя Вреде, София, в январе 1839 года стала княгиней Турн-унд-Таксис[35].

ПАУМГАРТЕН. Знал ли Фёдора Тютчева полковник Франц граф Паумгартен в декабре 1832 года, можно утверждать лишь предположительно, но четырьмя годами позднее, летом 1836 года, граф с Тютчевым был несомненно знаком через свою дочь, Жаннету: „*...пишу вам по поручению графини Жаннеты Паумгартен,*- сообщал Фёдор Иванович в Петербург Ивану Гагарину,- *которая просит вас контрабандным путем доставить прилагаемое письмо в прелестные руки, коим оно предназначается.* (Письмо предназначалось Амалии Крюденер.) *Мы с Жаннетой часто говорим о ней*"[36].

---

[33] *Тарле Е. В.* Наполеон // АН СССР, М. 1957. С. 277.

[34] Große Deutsche / Von Karl dem Großen bis Wernher von Braun. Mit einer Einleitung von Sebastian Haffner // München, 1982. S. 34.

[35] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Fürst., T2845 (Thurn-und-Taxis)

[36] Письмо от 22/10 июля 1836 года. См. Письма к разным лицам / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство „Фёдор Иванович Тютчев" М. 1988. Т. 97. Кн. 1, с. 514.

Фрагмент картины Филиппа Фольца „Прощание короля Отто I Греческого с Мюнхеном 6 декабря 1832“. Мюнхенский музей „Новая Пинакотека“ (1833).

Фрагмент литографии кабинет-секретаря Бернхарда фон Грандаура (1776-1838), выполненной Г. Бодмером в 1834 году с картины неизвестного мастера (Мюнхенский городской музей). Художник Ф. Фольц на картине „Прощание короля Отто...“ изобразил Грандаура в профиль. (Грандаур у Фольца - единственный персонаж в очках). В списке Ш. Рёттген кабинет-секретарь указан под № 31. Грандаур на картине Ф. Фольца несколько напоминает Тютчева, что дало повод к одной версии (см. примеч. 45).

ПАППЕНХАЙМ. В дневнике 1834 года Александр Тургенев упоминает генерал-лейтенанта Карла граф цу Паппенхайма: *„26 апреля. ...Заходил к Тютчевым. Обедал у графа Папенгейма, командира здешних войск“*[37]. Тургенев заходил к Тютчевым на Каролиненплац, а к Паппенхайму на Бриеннерштрассе 19. С 6 сентября 1839 года до 24 февраля 1840 года Тютчев жил по соседству, в доме Кирхмайера на Бриеннерштрассе 18. Граф цу Паппенхайм жил в собственном доме, построенном по проекту архитектора Лео фон Кленце.

ГУМППЕНБЕРГ. Семье генерал-майора фон Гумппенберга в 1865 году принадлежал особняк на Оттоштрассе 6, в котором на 1-м верхнем этаже ещё в 1840 году жил Тютчев[38].

ДИПЛОМАТЫ

Два персонажа представляют дипломатический корпус Баварии: глава корпуса, министр иностранных дел и королевского дома барон фон Гизе (он стоит в третьем ряду возле князя Вреде), и князь Лёвенштейн-Вертхайм (изображен спиной на переднем плане картины).

ГИЗЕ. Барона Гизе Тютчев хорошо знал на протяжении многих лет в силу своего служебного положения. Контакты с Гизе были еще в 1825 году, когда барон представлял интересы Баварии в Петербурге[39]. В дипломатических депешах, которые готовил Тютчев, имя министра иностранных дел встречается часто, но в приватной тютчевской переписке Гизе почти не упоминается. Бывшему сослуживцу по мюнхенской миссии, Ивану Гагарину, в июле 1836 года Тютчев писал в Петербург по поводу болезни российского посланника Григория Гагарина: *„Ваш дядюшка уехал дней десять тому назад в Карлсбад, оставив меня в довольно большом затруднении. Уезжая, он пожелал уполномочить меня в качестве поверенного делах при Гизе, увещевая меня в то же*

---

[37] Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / ... // Литературное наследство... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 82.

[38] Stadtarchiv LBK 6618/1.

[39] Тютчев о восстании декабристов / Сообщение А. Глассе (США) // Литературное наследство.... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 437.

время не сообщать об этом в Петербург, в министерство"[40]. Отношения между вторым секретарем российского представительства и баварским министром были официальными и за рамки служебных обязанностей не выходили. Другое дело, известный историк Александр Тургенев, который был приглашаем на обеды к министру: „*...с грустью пошел бродить в сад, с* (Иваном) *Гагариным и Тютчевым. Обедал у барона Гизе, министра иностраннах дел, в доме министерства*"[41].

ЛЁВЕНШТЕЙН-ВЕРТХАЙМ. Знакомство баварского дипломата генерал-майора Константина князя Лёвенштейн-Вертхайма с Тютчевым состоялось задолго до событий декабря 1832 года. В феврале 1826 года князь и Тютчев вместе возвращались в Мюнхен из Петербурга. Оба они были свидетелями декабрьских волнений 1825 года в северной столице России. Их рассказы в кругу дипломатов передавались по дипломатическим каналам иностранным правительствам. Сохранилось донесение вюртембургского посланника своему королю с содержанием этих сообщений [42]. В июле 1826 года декабристам были вынесены судебные пригоры, на которые последовала эмоциональная поэтическая реакция Тютчева „14-ое декабря 1825". Считая выступления декабристов безрассудными, Тютчев называет царизм „*вековой громадой льдов*", „*зимой железной*". В апрельских 1834 года дневниковых записях Александра Тургенева князь Лёвенштейн-Вертхайм и его жена Агнес, рожд. принцесса Гогенлоэ-Лангенбург, упоминаются в неровной тональности. 25 апреля: „*...Вечер, обошед домá, провел у гр. Сетто. ...говорил с принцессой Лёвенштейн*". 27 апреля до полудня: „*...Гулял с* (Амалией) *Криденер и с* (принцессой) *Лёвенштейн*". 27 апреля после полудня: „*...мы разговорились* (с Карлом Пфеффелем, братом Эрнестины Дёрнберг, во втором браке Тютчевой) *о притворстве Лёвенштейна и жены его*"[43]. В этой реплике скрыто какое-то неприятие семьи князя не только Тургеневым, но и мюнхенским обществом, в том числе, вероятно,

---

[40] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 20.

[41] Запись в дневнике 23 апреля 1834 года. См. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / ... // Литературное наследство... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 81.

[42] Тютчев о восстании декабристов / Сообщение А. Глассе (США) // Литературное наследство.... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 435.

[43] Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / ... // Литературное наследство... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 83.

и королем, главным сценаристом картины, поставившего князя спиной к зрителю.

ПРАВИТЕЛЬСТВО

Из всех членов правительственного кабинета король был особенно благорасположен к трём должностным лицам: к вышеупомянутому министру иностранных дел барону Гизе, министру внутренних дел фон Ойттингеном-Валлерштейном и кабинет-секретарю фон Грандауру.

ОЙТТИНГЕН-ВАЛЛЕРШТЕЙН. Министр Людвиг князь фон Ойттинген-Валлерштейн в тютчевской переписке не упоминается. Князь состоял в родстве с баронами Дёрнберг, бывшими по первому браку родственниками Эрнестины Тютчевой[44]. Князь был министром внутренних дел с 1832 года по 1837 год, а также занимал министерские посты в последнем правительстве при короле Людвиге.

ГРАНДАУР. Любопытная история произошла с персонажем № 31 по списку Рёттген, кабинет-секретарем Бернхардом фон Грандауром (1776-1838). Появление на картине Фольца этого персонажа объясняется его несомненным влиянием при дворе, т. к. Грандаур занимал в правительстве значительный пост кабинет-секретаря и вёл финансовые дела королевской семьи. Проследить знакомство Грандаура с Тютчевым не удаётся. Но истории было угодно связать эти два имени уже в наше время. Дело в том, что миниатюрный портрет в профиль без достаточно четкой детализировки внешности 58-летнего Грандаура на картине Фольца несколько схож с известными портретами молодого Тютчева. Это сходство ввело в заблуждение современного английского тютчеведа Рональда Лэйна. Лэйну не удалось разыскать список портретов картины Фольца и круг узнаваемых им лиц был невелик. Лэйн предположил, что персонаж в очках, изображенный в профиль в четвертом ряду левой части картины, очень похож на Тютчева. В блестящей статье „Кто изображен на картине Филиппа Фольца?“[45] Лэйн провел почти криминалистическую экспертизу в пользу своей гипотезы. Доказательства Лэйна были столь убеди-

---

[44] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Frhr., D1834 (Dörnberg)

[45] Кто изображен на картине Филиппа Фольца / Сообщение Р. Лэйна // Литературное наследство... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 441.

тельны, что редакция „Литературного наследства“ сочла избыточным предупреждение Лэйна о неполной достоверности идентификации изображений Тютчева и портрета неизвестного Лэйну лица и ссылалась в других материалах на статью английского тютчевоведа, как на факт безусловно доказанный. В своей публикации Лэйн благодарит мюнхенского искусствоведа доктора Барбару Эшенбург за оказанную, но, увы, нерезультативную помощь в поиске списка персонажей картины Фольца. Между тем, в библиографии книги о короле Отто Греческом[46], соавтором которой являлась госпожа Эшенбург, указана книга Штеффи Рёттген с вышеприведенным списком портретов картины Фольца[47]. В запасниках музея, где работала тогда госпожа Эшенбург, находилась литография портрета Грандаура, выполненная Готлибом Бодмером в 1834 году с картины неизвестного мастера[48]. На литографии изображен в анфас моложавый не по возрасту Грандаур, который, действительно, несколько напоминает Тютчева...

Нельзя отрицать, что кабинет-секретарь Людвига I был знаком с Тютчевым, но совершенно точно можно утверждать, что кабинет-секретарь Людвига II, внука Людвига I, Франц Сераф фон Пфистермайстер (1820-1912), Тютчева знал, и более того, читал его стихи. Почти через 30 лет после событий, по поводу которых была написана картина Фольца, на Новый 1862 год, господин Пфистермайстер получил в подарок книгу с надписью: „*Господину Советнику двора фон Пфистермайстеру как слабый знак своей преданности и благодарности сочинителя. Мюнхен, 1 января 1862*“. Книга была от поэта Генриха Ноé с переводом стихов Тютчева[49]. Это был первый сборник стихов русского поэта на немецком языке, единственный иноязычный сборник, который застал Тютчева при жизни.

---

[46] König-Otto-von-Griechenland-Museum / ...// München: Weltkunst-Verl., 1995. S. 125.

[47] Röttgen, Steffi. Erinnerungsmale an König Ottos Abschied in Bayern, in: Athen - München. Bayerisches Nationalmuseum, Bildführer 8, München 1980. S. 379.

[48] Münchner Stadtmuseum, Inventar-Nr.: MIV.899.

[49] Feodor Iwanowitsch Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaaßen des Originals dem Russischen nachgebildet von Heinrich Noé / München, 1861. Stadtbibliothek München, Sign: 27 635

СВЯЩЕННИКИ

На картине Фольца не забыты и духовные лица. Их двое: воспитатель короля Отто, фон Ойттль (между третьим и четвертым рядами левой группы), и греческий священник (рядом с Абелем в правой группе). Можно определенно предполагать знакомство Тютчева со вторым из упомянутых лиц. Греческий священнослужитель не из Греции, он из мюнхенской Сальваторкирхи, греческой православной церкви на Сальваторштрассе 17. Это архимандрит Мизалис Апостилидис (1789-1862)[50]. В Мюнхене у Тютчева родились пятеро детей: три дочери (Анна, Дарья и Екатерина) от первого брака, с Элеонорой, урожд. графиня Ботмер, а также дочь и сын (Мария и Дмитрий) от второго брака, с Эрнестиной, урожд. баронессой Пфеффель. Все дети были крещены по православному обряду. Так 14 апреля 1840 года Тютчев извещал родителей: „*Ребенок был окрещен с именем Марии греческим священником*"[51]. Крестил новорожденных Тютчевых митрополит Калиникас Кампанис[52]. Православное крещение упоминается и в письме от 8/20 июля 1841 года, в котором сообщается о рождении сына Дмитрия[53]. Крестным отцом Марии и Дмитрия был посланник Дмитрий Северин. Крещены были и дочери от первого брака, которые выросли весьма религиозными, но не под влиянием отца. Религиозным воспитанием детей Тютчев не занимался. Дочь Дарья поясняла сестре Анне: „*...у папá ум благородный и глубокий, и если бы он стал на путь истины и все его привязанности, все его существо обратились бы к Богу, он смог бы любить людей христианской любовью, но в таком случае привязанности, связывающие людей одной крови, уже не смогли бы существовать для него - слишком мало у него себялюбия и слишком много аналитического ума*"[54].

---

[50] *Kotsowilis, Konstantin.* Den Philhellen einer 170jährigen bayerisch-griechischen Völkerfremdschaft // München, 1995.

[51] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 49.

[52] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... München, 1835. S. 91.

[53] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 58.

[54] Письмо от 19/31 августа 1855 года. См. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / ... // Литературное наследство... Кн. 2, с. 276.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Интеллигенцию представляют на картине всего два человека: от профессуры королевского института - эллинист Тирш, от искусства - зодчий Кленце. В правой группе персонажей они стоят рядом: Тирш в профиль, Кленце в анфас.

ТИРШ. Отношения между Тютчевым и Тиршем были официальными, но доброжелательными. Чувствовалась некоторая дистанция, определяемая, вероятно, различием в возрасте (Тирш был почти на двадцать лет старше Фёдора Ивановича). Возможно, были и более глубокие причины, препятствующие сближению этих людей.

Александр Тургенев во время пребывания в Мюнхене записал в девнике 1 апреля 1834 года: „*...познакомился с Тиршем, от коего имею какое-то отвращение по участию или по влиянию, которое ему приписывают в гибели Каподистрии*“. Аналогичные записи в дневнике встречаются несколько раз. Ранее Тургенев встречался с братом покойного греческого президента, Августином, который настаивал на причастности Тирша к убийству Иоанна Каподистрия[55]. Тирш выпустил книгу, в которой негативно отзывался о Каподистрия.

Известны четыре письма Тютчева Фридриху Тиршу (1784-1860)[56]. Два письма были написаны в 1829 году в связи с подготовкой плана по возведению принца Отто на греческий престол. В февральском письме 1830 года Тютчев обращал внимание Тирша на явно инспирированную западными державами статью в одной турецкой газете (и перепечатанной аугсбургской „Allgemeine Zeitung“) о том, что только Англия и Франция в противоположность России являются „*благородными помощниками*“ в поддержке борющейся Греции. Через 12 лет, в декабре 1842 года, Тютчев в короткой записке благодарил Тирша за статью в поддержку России: „*...Вот первые разумные и правдивые слова о России, сказанные в европейской печати*“. С октября 1840 года по октябрь 1842 года Тютчев и Тирш были соседями: Тютчев снимал квартиру на Карлштрассе 54, дом Тирша имел номер 11. При существовавшей тогда нумерации строений Тютчев и Тирш жили через дорогу.

---

[55] Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / ... // Литературное наследство... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 76.

[56] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 11, 12 и 73.

На нынешней улице имени Тирша, Тирштрассе, профессор-эллинист никогда не жил. На Тирштрассе 11 в наши дни находится известная Толстовская библиотека. По этому же адресу в 1932 году находилась редакция газеты „Völkischer Beobachter“, центрального органа национал-социалистической немецкой рабочей партии.

КЛЕНЦЕ. Лео фон Кленце (1784-1864) в историческом плане личность самая значительная из всех изображенных Фольцем.

Простолюдин Лео Кленце сотворил себя сам. Нетитулованное дворянство получил только в возрасте 49 лет, 27 мая 1833 года[57]. Кленце на гербе изобразил себя длинношеим пеликаном, заботливо кормящим четверых пеликанят (Кленце вырастил четверых детей). Его родословная с большими пробелами была кое-как реконструирована от начала XVII века: Христиан Клентце из Ростока, предок Лео, был вахмистром в период Тридцатилетней войны[58]. Старший сын, Ипполит, профессией которого стала служба в армии, был продолжателем фамилии Кленце. Но род Кленце в начале XX веке угас. Гены великого немецкого зодчего дали короткий всплеск в его внуке-художнике Ипполите (1849-1892) и не проявились более в его потомках.

По проекту Кленце в Мюнхене и Баварии выстроены десятки замечательных зданий, украсивших городские ландшафты. Его зодческий талант был многограннен. Кленце строил всё. В его списке: королевский дворец, Национальный театр[59], Пропилеи и Глиптотека на Кёнигсплац, Befreiungshalle - галерея освобождения от Наполеона в Кельхайме (совместно с Гертнером), Walhalla - галерея великих людей Германии в Регенсбурге, бронзовый обелиск павшим в России 30-ти тыс. баварцам на Каролиненплац, надгробие немецкому поэту и драматургу Михаелю Бееру на еврей-

---

[57] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Edelleute, K60 (Klenze). Вероятно, цитируемый список персонажей составлен значительно позднее, во всяком случае после после 27 мая 1833 года, т. к. в списке фамилия Кленце указана уже с дворянской приставкой *фон*.

[58] *Hefner von, Otto Titan & Seyler, Gustav Adelbert.* Die Wappen des bayerischen Adels // Neustadt an der Aisch, 1971. Edelleute, Taf. 104.

[59] Первоначально театр по образцу римского пантеона был построен фон Фишером в 1811-18 гг., но в 1823 году, через три года после смерти архитектора, театр сгорел и был построен заново в 1823-1824 годы по проекту Л. Кленце

ском кладбище в Талькирхене (на похоронах в марте 1833 года присутствовал Тютчев), церковь королевского двора Всех Святых, королевская библиотека на Людвигштрассе, здание военного министерства (ныне государственный архив), Одеон (позже здание министерства внутренних дел), дворцы герцога Лейхтенбергского, графа Арко, кронпринца Максимилиана и многое, многое другое. Большинство зданий выстроено в древнегреческом стиле.

В 1852 году под руководством Кленце была завершена реконструкция петербургского Эрмитажа. Немецкого зодчегго наградили орденами Святой Анны с бриллиантами и Святого Станислава. За заслуги перед городом архитектору Лео фон Кленце в 1862 года было присвоено звание „Почетного гражданина главного города Баварии - Мюнхена". До Кленце такой чести было удостоено только три человека: Георг фон Центнер за проект баварской конституции (1820), Йозеф фон Фрауенхофер за большой вклад в области физики в Баварской Академии наук (1824) и упомянутый выше Людвиг фон Ойттинген-Валлерштейн, баварский государственный министр (1837). Одна из улиц Мюнхена (в Изарфорштадте) названа именем Кленце. (Кленце на этой улице не жил. Адресом его проживания была Фюрстенштрассе 1 в Максфорштадте[60].)

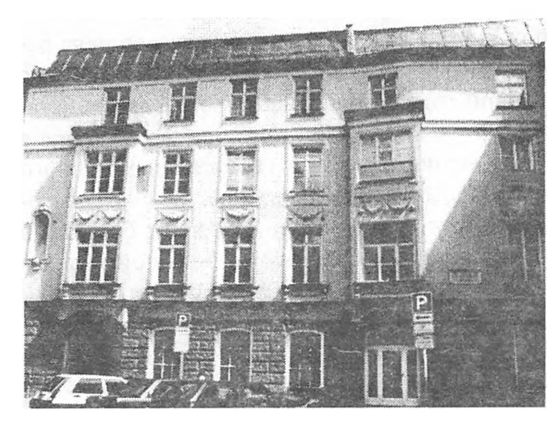
ДВОР

Много внимания на полотне картины уделено фрейлинам и другим должностным лицам королевских покоев. Галантный Людвиг I оставил на память человечеству портреты названных выше восьмерых фрейлин и кавалеров. Упомянем о трех персонах.

РЕХБЕРГ. Обер-гофмейстер короля граф фон Рехберг причастен к жизни Тютчева через свое окружение. Жена графа, Ипполита, художница-дилетантка, 9 марта 1836 года в Женеве писала портрет Тютчева. Рядом с Фёдором Ивановичем была тогда его будущая жена Эрнестина. Позже, когда в феврале 1840 года Тютчев переедет на Оттоштрассе 6, его соседом в этом же доме, но выше этажем, будет родственник графа Рехберга, Август, государственный советник, генерал-комиссар, президент высшего аппеляционного суда. Рехбергам принадлежал большой дом, „Рехбергский дворец", на Хундскугель 7 (сейчас Хакенштрассе 7), в котор-

[60] Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... München, 1835.

ом в 1828 году (с января до августа) проживал Генрих Гейне, сблизившийся в ту пору с Тютчевым, в 1836-44 гг. жила семья Карла Пфеффеля, брата Эрнестины Тютчевой, а в августе 1844 года перед выездом в Россию в квартире Карла ненадолго останавливалась семья Тютчевых.

Хундскугель 7, бывший дворец графа Рехберга. Здесь с января до августа 1828 года жил Генрих Гейне. Этот дом приютил семью Тютчева в августе 1844 года перед возвращением в Россию. (Фото автора.)

ДЕРОЙ. Мюнхенская улица Деройштрассе названа 1890 году не в честь изображенной Фольцем фрейлины Марии графини фон Дерой. Род Дерой происходит из Фламандии. Фламандцы Дерой[61] были безвестными нетитулованными дворянами, но в Баварии они преуспели. Эразмус Дерой (1743-1812) стал баварским генералом, отличившись в подавлении в 1809 года восставшего Тироля. Генерал Дерой был командиром 19-й баварской дивизией в составе 6-го корпуса Гувиана Сен-Сира в наполеоновском походе против России. В отличие от Вреде, участника этого же похода, поднявшегося позже до высот князя и фельдмаршала, у Дероя этого *позже* не было. Он остался навечно генералом в полоцкой земле в сражении 16-23 августа 1812 года[62]. Через 44 года, в 1856 году,

---

[61] De Roy van Zuydewyn. S. Genealogisches Handbuch des Adels. Freiherrliche Häuser A. Band IX / Starke Verlag. 1977.

[62] Bayern und seine Armee. Eine Ausstellug des Bayerischen Hauptstadtarchivs aus den Beständen des Kriegsarchiv // München. 1987. S. 320. 18-тысячный российский корпус графа Витгенштейна остановил продвижение 30 тысяч солдат дивизий Сен-Сира и Ундино в сторону Пскова. Наполеон присвоил

при короле Максимилиане II, скульптором Йоганном фон Хальбигом генералу Дерою был сооружен бронзовый памятник со скромной надписью без указания дат жизни и заслуг перед отечеством: „Эразмус граф фон Дерой, королевский баварский генерал от инфантерии“. Памятник стоит и сегодня на Максимилианштрассе напротив здания правительства Верхней Баварии (проект здания архитектора Фридриха Бурклейна, 1856-1864 гг.) в интеллигентной компании памятников: философу Шеллингу (скульптор Фридрих Бруггер, 1861), физику-электрику Румфорду (Каспар Цумбуш, 1867) и физику-оптику Фраунхоферу (Хальбиг, 1868). Потомки генерала стали приближенными баварской короны. Неразбогатевшие голландские и бельгийские ветви клана Дерой (De Roy van Zuydewyn) пожелали уже в начале двадцатого века быть приобщенными к баварскому гербу своей фамилии. Отказа они не получили.

ПОЧЧИ. В администрации двора самым удивительным человеком был обер-гофмейстер королевы Терезы, Франц граф фон Поччи. Франц Поччи (1807-1876) - известный баварский литератор. Король Людвиг I приблизил его ко двору. Однако в историю баварской культуры Франц Поччи вошёл не как оберцеремонимейстер двора, а как детский поэт и писатель, лирик, иллюстратор книг, переводчик, композитор, драматург, один из создателей театра марионеток (театра „Папы Шмида“), который существует по сей день. Сын Франца, Фридрих, женился на старшей дочери Карла Пфеффеля, Марии (1838-1927), племянице Эрнестины

Петербурга. Героизм россиян был оценен Сен-Сиром: „*Русские показали в сем деле постоянное мужество и личную храбрость, каких бывает мало примеров в войсках других народов. Их баталионы, взятые врасплох, при первой атаке отрезанные одни от других, потому что мы прорвались сквозь их линии, не расстроились и, сражаясь, отступали чрезвычайно спокойно, оказывая со всех сторон сопротивление с таким мужеством, которое, повторяю, свойственно одним только русским. Они совершали чудеса храбрости, но не могли противостать единовременной атаке четырех дивизий, шедших совокупно вперед и тяжестью своею подавлявших высылаемые против них войска*“. Дивизии Дероя противостоял могилевский полк, дивизии Вреде - отряд полковника Властова. Каждая из сторон потеряла около 6-ти тысяч солдат. См. *Генерал-лейтенант Михайловский-Данилевский.* Описание Отечественной войны 1812 года. Часть I, изд. третье. Спб. 1843, с. 383.

Тютчевой[63]. В 1887 году мюнхенцы увековечили имя графа Поччи в названии одной из улиц.

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Естественно, что в соответствии с главным замыслом Людвига I, наибольшую группу (12 человек) на картине Фольца составляют члены королевской семьи. Тут главные персоны страны: король Людвиг (1786-1868) и его жена, королева Тереза (1792-1854), и их восьмеро детей: Максимилиан (1811-1864), Матильда (1813-1862), Отто (1815-1867), Луитпольд (1821-1912), Адельгунда (1823-1914), Хильдергард (1825-1865), Александра (1826-1875), Адальберт (1828-1875). По желанию короля на картине также изображены: брат, принц Карл (1895-1875), и 15-летний племянник, Максимилиан герцог Лейхтенбергский (1817-1852). Отсутствие в Мюнхене в декабре 1832 года братьев и сестер Людвига дало ему повод не увеличивать количество персонажей на перегруженной портретами небольшой картинной площади. Однако мачеха, вдовствующая королева Каролина, жила в это время в своем мюнхенском дворце... Жизнь каждого из членов королевской семьи на виду у Истории. Но нас интересует причастность кого-либо из упомянутых лиц к имени Тютчева. Например, связь неочевидная: племянник Элеоноры Тютчевой, Феликс Ботмер, во время Первой мировой войны будет соратником правнука Людвига I (по линии принца Луитпольда) Рупрехта (1869-1955). Имена генерал-полковника Феликса Ботмера и принца Рупрехта указаны рядом на памятной плите в Галерее баварских полководцев Feldherrnhalle на Одеонсплац.

КАРЛ. С принцем Карлом связь более сильная: Тютчев был с ним хорошо знаком, часто встречался в неофициальной обстановке. В июле 1840 года Фёдор Иванович писал родителям из Тегернзее: „*Эти дни мы вовсю предавались празднествам благодаря госпоже Крюденер; она приехала сюда месяц тому назад, и намедни мы справляли ее именины. Заботу обо всем взял на себя принц Карл, брат короля*“[64].

МАКСИМИЛИАН ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ, точнее Максимилиан Евгений-Иосиф-Август-Наполеон, младший сын Евгения

---

[63] Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Frhr., P13 (Pfeffel)
[64] *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 52.

Богарнэ, пасынка Наполеона, и принцессы Августы, сестры Людвига I. Герцогом Максимилиан стал в 1835 году после смерти старшего брата Карла-Августа-Евгения-Наполеона. Так как в списке персонажей Максимилиан указан с герцогским титулом, то, очевидно, список составлен после присвоения титула (см. также примеч. 57). Имя Максимилиана герцога Лейхтенбергского в тютчевской переписке встречается в нейтральных тонах. В 1837 году герцог вступил в брак с великой княгиней Марией Николаевной (1819-1876), дочерью Николая I. Анна Тютчева, старшая дочь Фёдора Ивановича, фрейлина двора великой княгини цесаревны Марии Александровны, ярко описывая Марию Николаевну, более определенно характеризует её мужа: „*К несчастью, она* (Мария Николаевна), *была выдана замуж в возрасте 17 лет за принца Лейхтенбергского, сына Евгения Богарнэ, красивого малого, кутилу и игрока*“.[65]

Герцог Максимилиан Лейхтенбергский с супругой великой княгиней Марией Николаевной.

Однако герцог был не только кутила. Максимилиан интересовался электричеством, горным делом, был президентом российской Академии художеств, основал бесплатную лечебницу,

[65] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Вып. I (Воспоминания. Дневник 1853-1855 гг.). / ... // М. 1928. С. 84.

построил недалеко от Петербурга паровозный завод. От брака Марии Николаевны и Максимилиана родились семеро детей. Род герцогов Лейхтенбергских не угас: последний известный Константин-Александр-Петр герцог Лейхтенбергский родился в 1965 году[66]. После смерти герцога Лейхтенбергского (в 1852 году) Мария Николаевна тайно, против воли императора, венчалась со шталмейстером двора графом Г. А. Строгановым (1824-1879). Их дочь Елена (1861-1908) в первом браке была за В. А. Шереметьевым, родственником тютчевской семьи.

ЛУИТПОЛЬД, младший сын Лювига. В 1886 году на баварском престоле создалась драматическая ситуация: 13 июня при загадочных обстоятельствах в Штарнбергерзее утонул бездетный баварский король 41-летний Людвиг II, сын Максимилиана II (т. е. внук Людвига I). Королем был объвлен младший сын Максимилиана, 38-летний Отто. Но т. к. Отто страдал умственным заболеванием, то страной стал править 65-летний его дядя, Луитпольд. Людвиг I не мог в деталях предвидеть подобные события на троне, но почему-то опасался бездетности своего старшего сына Максимилиана. Именно из-за этих опасений принц Отто, второй сын Людвига I, не принял православия при вступлении на греческий престол: Отто был запасным баварским престолонаследником. Опасения Людвига оправдались в худшем варианте: детей не было ни у внуков Людвига I, ни у его второго сына Отто. Вот тогда очередь дошла до третьего сына Людвига. В качестве принца-регента Баварии Луитпольд управлял 26 лет. Это были самые спокойные годы в жизни баварцев. Завершилась франко-прусская война, произошло давно назревшее объединение Германии (правда, под эгидой Пруссии), процветали ремёсла, наука, исскуство, Первая мировая война еще только назревала. В мемориале Мюнхена Луитпольд „наследил" более, чем все остальные Виттельсбахи: его именем названы шесть улиц города, мост, парк, холм. Кроме холма, все Луитпольд- и Принцрегентенимена появились на городской карте ещё в конце XIX века, т. е. при жизни регента. Холм, Луитпольдхюгель, обязан своему названию Луитпольдпарку, в котором он появился после Второй мировой войны. На холме высажена большая роща, разбиты аллеи, установлены беседки, скамейки, но холм - образование искуственное: это гигантская куча строительного мусора, остатки сотен домов, результат

---

66 Дворянские роды российской империи. СПб. 1993. Т. I, с. 14.

массированных авиационных бомбардировок. По иронии судьбы именем сына Людвига I назван памятник не самой лучшей странице немецкой истории, к которой однако принц-регент отношения не имел. На вершине холма большой металлический крест с надписью: „*Молитесь и помните о всех, которые погибли под этой горой обломков*“...

ОТТО. К судьбе короля Отто Греческого Тютчев оставался равнодушен, упоминания об Отто в его переписке только информативны и неэмоциональны. Отрывок из письма родителям в октябре 1843 года: „*Здесь* (в Мюнхене) *я нашел всех весьма озабоченными событиями, только что происшедшими в Греции. Опасаются не только за особу короля Оттона, сколько за его авторитет, за его королевскую власть, и, что до меня, я считаю эти опасения вполне основательными. Но что интересовало бы меня гораздо более, нежели события, совершающиеся в Афинах, это то, что делается в Овстуге*“[67].

На греческом престоле король Отто удерживался 30 лет. 23 октября 1862 года Отто вернулся в Баварию. Без греческой короны. 26 июля 1867 года 52-летний Отто экс-король Греческий, принц Баварский, скончался в зáмке города Бамберга. Финал идеи Тирша возведения на греческий престол иностранца был трагичен. После свержения Отто его место занял 17-летний фаворит Англии, принц Вильгельм Георг Датский, который нарек себя королем Георгом I Греческим. (Между прочим, Георг I приходится дедом принцу Филиппу, мужу нынешней королевы Англии Елизаветы II.) Новый король, желая показать благорасположенность к России, выразил благодарность русской печати и наградил орденом Спасителя писателя и издателя Ивана Аксакова, зятя Тютчева. Аксаков сначала даже растерялся от такой неожиданной чести, но Фёдор Иванович рекомендовал орден принять[68]. Георгу удалось царствовать целое полустолетие, но в отличие от Отто, умершего от дифтерита вдали от Греции, Георг I был убит в 1913 году в Салониках.

---

[67] В сентябре 1843 года в Афинах вспыхнуло восстание в греческих войсках, после чего король вынужден был созвать Национальное собрание, которое приняло новую конституцию. Овстуг - имение Тютчевых в России. См. *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах / ... // М. 1984. Т. 2, с. 90.

[68] Письма к московским публицистам / Публикация К. В. Пигарева // Литературное наследство... М. 1988. Т. 97. Кн. 1, с. 313.

КОРОЛЬ ЛЮДВИГ. Нерадостным было и завершение правления короля Людвига I. Как король Людвиг скончался 20 марта 1848 года в Мюнхене, как человек - 29 февраля 1868 года в Ницце. Король-романтик, король-стихотворец под давлением ландтага сложил с себя королевские полномочия. Не последнюю роль в падении короля сыграли его отношения с испанской танцовщицей Лолой Монтес (¤ 1823, Севилья - † 1861, Нью-Йорк). Её настоящая фамилия Мария Долорес Елиза Гильберт. Прелестная андалузка из простонародья, приехавшая в 1846 году из Парижа в Мюнхен, совершенно вскружила голову 60-летнему королю, всё ещё ценителю и поклоннику женской красоты. В ноябре 1846 года Людвиг выправил завещание и назначил Лоле после своей смерти ежегодную ренту 2400 гульденов. В 1847 году Лола уже именовалась графиней фон Ландсфельд. На Барерштрассе 19 Лола получила особняк, принадлежавший лично Людвигу I. Танцовщица умело использовала свое влияние на короля для политических интриг и собственного обогащения. Людвиг стал предметом насмешек в народе и прессе.

Австрийский писатель Альфред Мейснер, приятель Гейне, вспоминал: „*Это было время, когда Лола Монтес занимала своими похождениями все страницы мюнхенских газет. Вендей был вне себя от негодования. В милостях, которыми осыпал красивую испанку король Людвиг, Вендей усматривал поношение немецкого духа и опасался, как бы новая мадам Помпадур не возымела чрезмерного влияния на немецких мужей и немецкие обстоятельства. Гейне, напротив, от души забавлялся, более того, мне кажется, его даже радовала та власть, которая забрала красивая плясунья над родиной Гёрреса и Деллингера в городе Monacho Monachorum. Он предвидел предстоящую схватку между балетными пачками и клобуком и даже вынашивал мысль изложить всю эту историю в комической поэме...*“[69].

---

[69] Гейне в воспоминаниях современников / Сост. А. Дмитриева // М. 1988. С. 196. Якоб Вендей, член Франкфуртского национального собрания, основатель „Союза справедливых“. Йозеф Гёррес, профессор истории мюнхенского университета, издатель „Рейнского Меркурия“, крайний националист. Образны впечатления об его лекциях некоторых гостей из России. Историк А. И. Тургенев: „*...слышал и Гёрреса, отступника от либерализма*“. (См. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / ... // Литературное наследство... М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 71.) Дипломат В. П. Титов: „*Гёррес, напротив, читая или, лучше сказать, скандуя свои*

Разразившийся скандал привел к падению правительства и короля. Людвиг не мог забыть Лолу и продолжал ей писать стихи. 8 мая 1851 года из Рима[70]:

Корону я потерял из-за тебя,
Но я не питаю к тебе злобы,
Ты родилась к моему несчастью,
Ты была ослепительным сжигающим светом!

Вернемся к событиям декабря 1832 года. Людвиг стремился запечатлеть не только прощание Отто с Мюнхеном, но и встречу признательных греков с новым королем. Такая картина была написана художником Петером фон Хессом «Въезд короля Отто Греческого в Навплию 6 февраля 1833 года». Навплия - временная столица Греции. На полотне 68 х 96 см изображены радостные толпы греков, встречающие сходящего на берег короля Отто. В море находится союзная эскадра, салютующая королю. Короля сопровождают адъютанты, свита, ***все*** члены регентского совета, морские офицеры. Известен список 33 персон, среди которых ука-

---

лекции, похож на пифию, качающуюся на своём треножнике и оживлённую не духом, а каким-то чадом истины. <...> воображение сильное и неправильное. <...> Большие мысли часто мелькают <...> в тумане и невесть куда бредут и откуда". (См. Там же. С. 64.) Игнац Деллингер, католический теолог, инициатор кампании в прессе против Гейне, в результате которой король Людвиг в 1828 году не решился утвердить Гейне профессором Мюнхенского университета. Деллингер - организатор в 1871 году антипапского Конгресса старокатоликов. По настоянию Тютчева Иван Аксаков тогда написал письмо Деллингиру, в котором было выражено отношение к этому Конгрессу. (См. Письма к московским публицистам / ... // Литературное наследство... М. 1988. Т. 97. Кн. 1, с. 371). „Monacho Monachorum" („монах монахов", лат.), город Monacho Monachorum - игра слов, означающая католическую ортодоксальность Мюнхена, название которого происходит от слова „монашек".

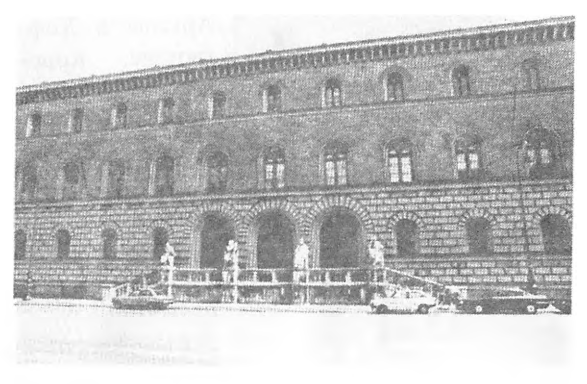
[70] *Thies, Hans Arthur.* König Ludwig I. und die Schönheiten seiner Galerie // München, 1977. S. 111. В 1829 году Людвиг сделал земельное приобретение в Риме, король купил виллу ди Мальта с прилегающими к ней садами, неподалеку от виллы Людовизи, с видом на собор св. Петра. „*...Здесь, в Риме я отдыхаю от забот и обязанностей монарха. Искусство и природа - постоянные мои сотрапезники*", - писал тогда король в Веймар Гёте. См. *Эккерман, Иоганн Петер.* „Разговоры с Гёте в последние годы его жизни" // М. 1981. С. 308. По иронии судьбы вилла ди Мальта через 20 лет служила убежищем низвергнутого монарха.

заны и российские офицеры: контр-адмирал барон Риккорд и командир фрегата „Анна“ капитан Селиванов(!)[71]. К жизни Тютчева персонажи упомянутого списка отношения не имели.

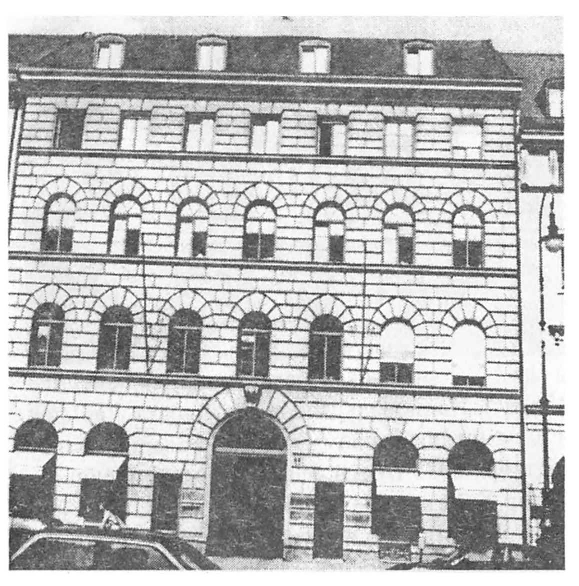
Действительная встреча была скромнее: Отто был доставлен в Грецию на английском крейсере „Мадагаскар“, полный состав регентского совета собрался в Навплии позднее, свита была не столь многочислена. Но в памяти потомков должно остаться впечатление о приезде молодого короля по живописному полотну. Картина понравилась Людвигу, но она имела один недостаток: на картине не было баварского короля. И тогда Хессом было написано ещё одно полотно „Людвиг I Баварский в кругу семьи рассматривает картину Петера фон Хесса «Прибытие короля Отто в Навплию»“:

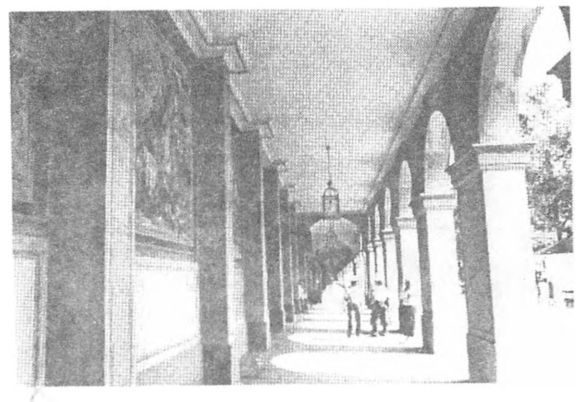
[71] *Reinhardt, Brigitte.* Der Münchner Schlachten- und Genremaler Peter von Heß. Oberbayerisches Archiv. 1977. S. 306.

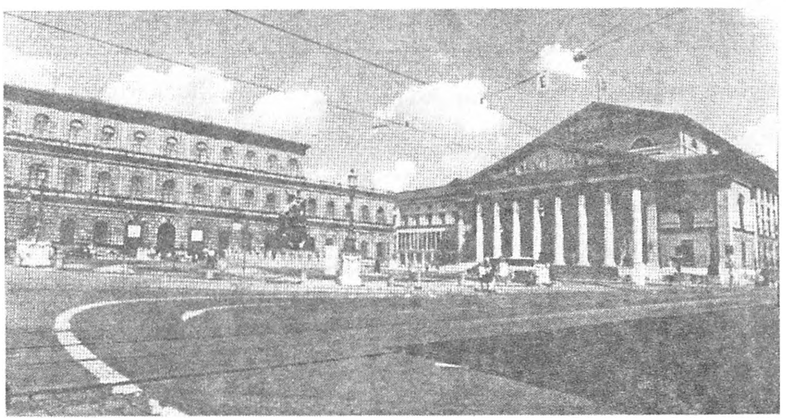
Королевская библиотека на Людвигштрассе (проект архитектора Ф Гертнера, 1832-1839 гг.). Перед входом установлены скульптурные изображения древних греков, олицетворяющих античную культуру (слева направо): историка Фукидида, поэта Гомера, философа Аристотеля и врача Гиппократа. Высказыванию Фукидида посвятил Тютчев поэтический перефраз „*Когда сочувственно на наше слово...*“.

Людвигштрассе, дом № 7. В этом доме на втором верхнем этаже жил французский адвокат и публицист Этьен Межан с шутливым прозвищем *Снегирь*. 13 октября 1842 года Тютчев сообщал жене: „*Третьего дня состоялся въезд молодой принцессы* (17-летней Марии Прусской, будущей королевы Баварии). *Я смотрел из окна Снегиря. Людвигштрассе представляла собой великолепное зрелище: на всем своем протяжении она казалась вымощенной человеческими головами*“.

Аркады в Хофгартене, Королевском парке. Александр Тургенев (дневниковая запись от 11 апреля 1834 года): „*...с 3 ½ до 5 ½ гулял под аркадами с Тютчевым и с Шеллингом*". Николай Греч: „*...достойны примечания аркады, идущие по западной и северной стороне площади* (парка). *В сих аркадах находятся большие фресковые картины важнейших событий из истории Баварии...*".

Макс-Йозефплац. На фото: Королевская резиденция (проект Лео фон Кленце, 1826-1835 гг.), Национальный театр (проект Лео фон Кленце, 1823-1825 гг.), памятник первому королю Баварии Максу Йозефу I, открыт 13 октября 1835 года в десятилетнюю годовщину смерти короля (скульптор Христиан Раух, проект цоколя - Лео фон Кленце). В Национальном театре 21 апреля 1834 года состоялся концерт музыканта Бернхарда Ромберга „Норвежские напевы". Под впечатлением концерта Тютчев в этот день написал стихотворение „Арфа скальда".

Литературно-художественное издание

Аркадий ПОЛОНСКИЙ

ПРОГУЛКИ С ТЮТЧЕВЫМ ПО МЮНХЕНУ

Редактор автор
Технический редактор автор
Корректор автор

Автор и издательство приносят извинения за своевременно необнаруженные орфографические опечатки.

При переиздании книги все они будут устранены специальной программой ORFO95.

Сдано в набор 27.IV.98. Подп. в печать 7.V.98. Формат 84x108 1/32.
Зак. 81596. Экз. 300. Печ. офс. Усл.-печ. л. 12.69. Уч.-изд. л. 9.89.

Издатель КМЦ "Поэзия"
252033, Киев-33, а/я 871.
Тел. 220-58-60

Типография фирмы "ВИПОЛ"
252151, Киев, ул. Волынская, 60.